

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина

**ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА
В УСЛОВИЯХ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Монография

Под редакцией М.К. Кудайкулова

Бишкек 2021

УДК 330.342.17
ББК 65.9(2Ки)304
П 81

Под редакцией

М.К. Кудайкулова, д-ра экон. наук, доцента, профессора
кафедры экономической теории КРСУ,
зав. Аналитическим центром экономических
и демографических исследований

Рецензенты:

И.В. Манахова, д-р экон. наук, проф., профессор кафедры политической
экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
Г.Д. Жапаров, д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой финансов
и финансового контроля КЭУ имени М. Рыскулбекова,
Г.В. Кумсков, д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой
экономической теории КРСУ имени Б.Н. Ельцина

Рекомендовано к изданию Ученым советом ГОУВПО КРСУ

П 81 ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛО-
ГИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ:
монография / под ред. М.К. Кудайкулова. – Бишкек: Изд-во КРСУ,
2021. – 268 с. DOI: 10.36979/978-9967-19-771-8-2021

ISBN 978-9967-19-771-8

В монографии на базе современного аналитического и статисти-
ческого материала раскрыты основополагающие элементы технологиче-
ской концепции государственной промышленной политики, как результат
исследований в рамках проекта «Адаптация теоретико-методологических
основ эффективных индустриализаций к экономике Кыргызской Респуб-
лики» Программы развития КРСУ имени Б.Н. Ельцина на 2018–2020
годы. Обоснована особая роль индустриального сектора в эффективном
экономическом развитии экономик с формирующимися рынками.

Предназначена для студентов, магистрантов, аспирантов, док-
торантов и преподавателей экономических специальностей, а также ра-
ботников госучреждений, деловых аналитических центров и всех чита-
телей, интересующихся перспективами экономического развития.

УДК 330.342.17
ББК 65.9(2Ки)304

ISBN 978-9967-19-771-8

© ГОУВПО КРСУ, 2021

STATE EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER VOCATIONAL EDUCATION
KYRGYZ-RUSSIAN SLAVIC UNIVERSITY
named after the first President
of the Russian Federation B.N. Yeltsin

**INDUSTRIAL POLICY
IN THE CONDITIONS
OF TECHNOLOGICAL LIMITATIONS
OF KYRGYZ REPUBLIC**

The Monograph

Edited by Marat K. Kudaikulov

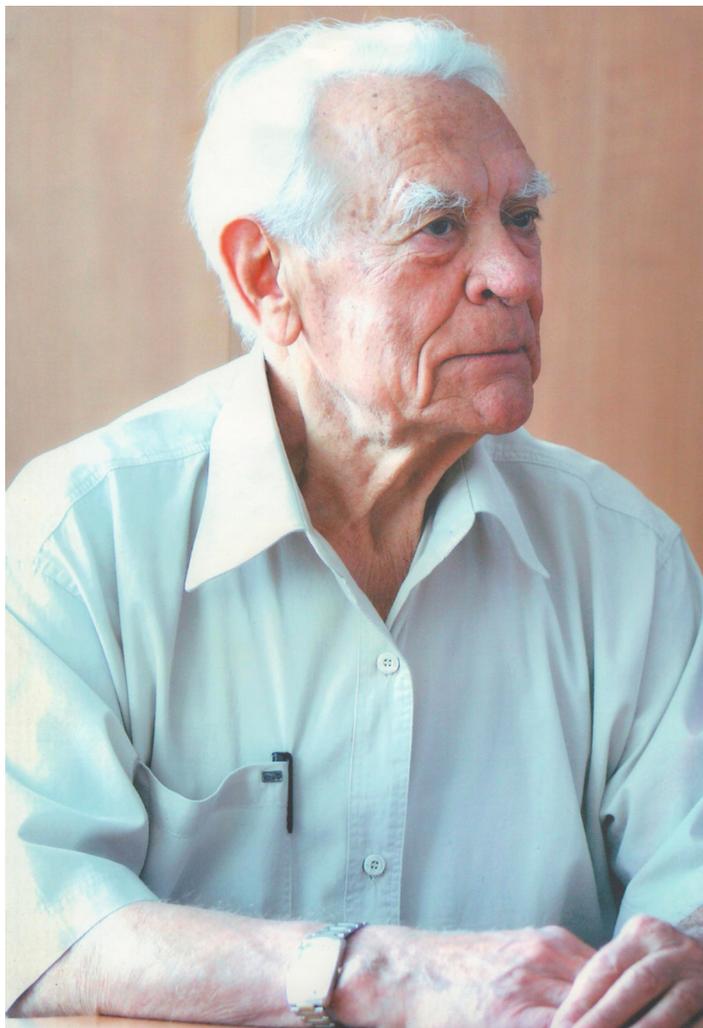
Bishkek – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Теоретические основы, социальное пространство и направления нового индустриального развития	
1.1. Контуры формирования новой реальности	13
1.2. Основные направления нового НТП	26
1.3. Направления промышленной политики	33
Глава 2. Роль государственного регулирования в осуществлении международного трансфера технологий	43
2.1. Международный обмен технологиями: необходимость, способы, стратегии.....	44
2.2. Каналы международного технологического трансфера	48
2.3. Способность к абсорбции современных технологий – ключевой фактор эффективности МТТ	58
Глава 3. Международный опыт эффективных индустриализаций	
3.1. Основы построения промышленного сектора Южной Кореи	68
3.2. Опыт КНР в реализации эффективных индустриальных стратегий	74
3.3. Хрестоматия процесса индустриализации Сингапура.....	92
Глава 4. Промышленная политика ЕАЭС	
4.1. Формирование основ промышленной политики ЕАЭС	104
4.2. Состояние промышленных комплексов государств-участников ЕАЭС.....	117

4.3. Основные направления промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС в условиях зарождения Четвертой промышленной революции	128
4.4. Перспективы влияния политики ЕАЭС на индустриальное развитие Кыргызской Республики	138
Глава 5. Теоретическая и нормативная база индустриального развития Российской Федерации	
5.1. Промышленная политика и политика стимулирования технологического развития России	148
5.2. Логика развития нормативной базы индустриализации	161
5.3. Общие черты и различия в программах российских ученых по восстановлению промышленности России	169
5.4. Направления использования научного и нормативного опыта Российской Федерации для Кыргызской Республики	183
Глава 6. Технологическая концепция государственной промышленной политики Кыргызской Республики	
6.1. Промышленное основание эффективного экономического развития	189
6.2. Быстрые технологические заимствования как основа государственной промышленной политики ..	198
6.3. Основополагающие элементы государственной промышленной политики Кыргызской Республики	210
6.4. Система технологической модернизации мировой экономики	216
Заключение	226
Список использованных источников	231
REVIEWERS	246
TABLE OF CONTENTS	247
CONCLUSION	249
LITERATURE (Transliteration)	253

*Памяти доктора экономических наук,
профессора Владимира Ивановича Кумскова
1928–2013 гг.*

Ни один новый демократический режим не в состоянии долго выжить без реального экономического прогресса. В конце концов, что дает демократия обычному человеку с улицы, если она не приводит к очевидному улучшению его жизни? Возможность время от времени поставить галочку на бумажке и опустить её в избирательную урну?

В течение одного-двух избирательных циклов неизбежно наступает разочарование системой, за которым следует возврат к той или иной форме авторитаризма¹.

Ли Куан Ю. «Мой взгляд на будущее мира».

ВВЕДЕНИЕ

Тридцать лет хозяйствования в условиях рыночной системы не принесли Кыргызстану ожидаемого экономического эффекта. Результаты выполнения настоятельных рекомендаций влиятельных международных экономических организаций по введению и укреплению рыночной экономики оказались недостаточно эффективными. По итогам 2019 года страна находилась в нижнем секторе стран со средним доходом². Возникла большая вероятность того, что мировая пандемия и очередной кыргызский политический катаклизм (в октябре 2020 года) окажут негативное влияние на итоги года, в результате чего Кыргызская Республика переместится в группу стран с низким доходом.

Присоединение республики в августе 2015 года к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) стало, безусловно, верным шагом. Интеграция с более успешными экономиками, как правило, ведет к сокращению экономического отставания наиболее

¹ Ли Куан Ю. Мой взгляд на будущее мира / АНФ. – М., 2017. – С. 315.

² The World Bank: Gross National Income per Capita 2020.

слабой экономики. В основании данной логики, по нашему мнению, лежит геополитика: для больших экономик создание экономического объединения – это возможность увеличить своё политико-экономическое доминирование; для малых экономик – это своеобразная гавань в море политико-экономических стихий рыночного характера.

Поставим вопрос: достаточен ли потенциал научного сообщества КР для выработки программы действий по эффективному использованию объединенного рынка ЕАЭС со 183-миллионным населением? Если ответ положительный, то возникает следующий вопрос: достаточно ли воли у политических лидеров страны реализовать технологическую концепцию государственной промышленной политики?

Основная идея монографии – использовать технологическое отставание ЕАЭС от уровня экономик развитых стран для реализации эффективного экономического развития Кыргызской Республики – возникла в ходе реализации проекта «Адаптация теоретико-методологических основ эффективных индустриализаций к экономике Кыргызской Республики» Программы развития Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина (КРСУ) на 2018–2020 годы. В составе исследовательской группы активно представлены три университета – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Кыргызско-Турецкий университет «Манас» и Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина.

Технологическая концепция государственной промышленной политики имеет ключевое отличие от широко используемого отраслевого подхода. Если отраслевой подход реализуется через обозначение и дальнейшее развитие приоритетных отраслей промышленности, то технологический подход «заточен» на доступ к получению и эффективному использованию передовых технологий. Результатом может быть не только модернизация и развитие приоритетных отраслей, но и открытие

абсолютно новых для национальной экономики отраслей обрабатывающей промышленности.

Основой данного подхода служит «технологическая» теория экономического развития, у истоков которой стоят Й. Шумпертер и Н.Д. Кондратьев. Именно технологическая конкуренция подталкивает процесс генерации передовых технологий – и эта «связка» является движущей энергией современной экономической системы. Запаздывание процессов разработки технологических инноваций при снижающейся эффективности базовых технологий, как правило, выступает первопричиной циклических спадов мировой экономики.

Данную позицию разделяют и представители других экономических направлений. «Все институционалисты считают, что технология является главным фактором, влияющим на системную эволюцию и результаты экономической деятельности. Для последователей формулы Веблена-Эйреса технология больше, чем главная движущая цель, – это императив. Для них это основной двигатель экономического развития, источник ценности, а также сердцевина процесса индустриализации. Для последователей традиций Дж. Коммонса технология в меньшей степени является императивом, но по-прежнему является главным фактором развития»³.

В мировой практике эффективную реализацию технологической концепции промышленной политики продемонстрировал Сингапур. Привлечение и адаптация передовых технологий стали основой развития новых отраслей обрабатывающей промышленности. Один из примеров стратегического видения авторов сингапурского экономического чуда – в рамках использования широкого инструментария прямого государственного вмешательства в экономику проводилась предварительная подготовка профессиональных кадров для вновь создаваемых отраслей.

³ *Сэмюэльс У.Дж.* Институциональная экономическая теория // Панаора экономической мысли конца XX столетия. – СПб., 2002. 131 с., см. *Московский А.И.* Новое индустриальное общество Гэлбрейта...

В Кыргызской Республике впервые идея технологической концепции промышленной политики зародилась в работах д-ра экон. наук, профессора Владимира Ивановича Кумскова. В ходе оригинальных исследований эволюционного развития рыночной экономики В.И. Кумсков пришел к констатации важной роли корпораций широкомасштабного производства и крупномасштабной деятельности в современной экономической системе⁴. Из этого понимания выводится значимость технологической конкуренции как основополагающего элемента эффективного экономического развития.

Объективная необходимость реализации технологической концепции государственной промышленной политики подержана следующими выводами: «... ничто в природе не является ресурсом до тех пор, пока не возникнет технология, использующая данный элемент природы. Иными словами, технология обладает замечательным свойством превращать нересурсы в ресурсы. А это выводит технологию из ряда обычных ресурсов и ставит её на особое место, придавая ей статус ресурса ресурсов, способную запускать «цепную реакцию» технологических нововведений. Между прочим, этим обстоятельством можно объяснить, почему науку в некоторых случаях следует рассматривать в качестве теоретической технологии, а промышленность – в качестве экспериментальной науки»⁵.

В государствах-участниках ЕАЭС неоднократно провозглашались намерения осуществить технологический рывок. Для реализации этих планов, согласно системе технологической модернизации мировой экономики, во-первых, необходимо получить доступ к передовым технологиям; во-вторых, на основе

⁴ Кумсков В.И. Отраженная экономика, или экономика в денежно-финансовом свете. – Бишкек: Илим, 2005; Кумсков В.И. Рыночная экономика – вечная экономика. – Бишкек: КРСУ, 2008; Кумсков В.И. Социальный заряд корпоративно-рыночной экономики. – Бишкек: Шетри, 2012.

⁵ Московский А.И. «Новое индустриальное общество» Гэлбрейта и стратегия индустриализации России. – С. 363, из «Гэлбрейт: возвращение»: монография / под ред. С.Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2017.

этих передовых технологий, через подключение отечественного научного потенциала, разработать ещё более передовые технологии. Санкции развитых стран по отношению к России и Беларуси серьезно затрудняют этот процесс.

Возникла объективная необходимость создания национальной системы быстрых технологических заимствований, которой отводится важнейшая роль в налаживании процесса сокращения технологического отставания. Эффективность данной системы может быть проверена в ближайшее время, т. к. предварительные итоги развития мировой экономики в 2020 году говорят нам о спаде, который может привести к открытию «технологического окна возможностей» (гипотеза о снижении барьеров доступа к передовым технологиям в условиях кризиса).

Таким образом, в данной монографии представлено теоретическое обоснование трансфера передовых технологий на рынки ЕАЭС через активную реализацию технологической концепции государственной промышленной политики и эффективное встраивание отечественных крупных компаний в систему технологической модернизации мировой экономики.

При апробации идеи технологической концепции на научных конференциях и семинарах, как правило, раздавались лишь скептические высказывания. Но, к большому сожалению, для Кыргызской Республики выбор отсутствует – это единственный путь, который ведет к высоким результатам экономического развития, так называемое «игольное ушко» экономического возрождения страны.

Только практика способна подтвердить или опровергнуть теоретические построения и выводы. Авторский коллектив монографии – участники проекта «Адаптация теоретико-методологических основ эффективных индустриализаций к экономике Кыргызской Республики» Программы развития КРСУ на 2018–2020 годы – готов взять на себя ответственность и провести практическую реализацию технологической концепции государственной промышленной политики Кыргызской Республики.

Авторский коллектив:

Глава 1 – Хубиев Кайсын Азретович, д-р экон. наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;

Глава 2 – Рассадина Алла Константиновна, канд. экон. наук, старший научный сотрудник экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;

Глава 3 – Исмаилахунова Алия Мухамметовна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории КРСУ имени Б.Н. Ельцина;

3.3. – Асанов Турусбек Арунович, канд. экон. наук, профессор Кыргызско-Турецкого университета «Манас»;

Глава 4 – Борисенко Наталья Алексеевна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории КРСУ имени Б.Н. Ельцина;

Глава 5 – Гусева Юлия Владимировна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории КРСУ имени Б.Н. Ельцина;

Глава 6, общая редакция, введение, заключение – Кудайкулов Марат Кыштоович, д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории КРСУ имени Б.Н. Ельцина.

Каждый автор несет ответственность за представленный анализ. С признательностью примем и учтем в дальнейших исследованиях все предложения, которые можно направить по адресу acedr@krsu.edu.kg.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И НАПРАВЛЕНИЯ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Промышленная политика выступает, без сомнения, вершиной айсберга функционирующей экономической системы любой страны. Вопрос об индустриальном развитии опирается на другие, более общие, вопросы: какие отрасли промышленности развивать, какой должна быть их новая структура, каков вектор направленности отраслей. Надо учитывать и необходимость решения более общих вопросов, которые являются уделом теории. К числу теоретических вопросов следует отнести и вопрос о сути и структуре экономической политики. В этой связи в данном исследовании рассматривается вопрос о сути и ограничениях современной экономики, основанной на рыночно-капиталистических принципах, а также затронуты и основы экономической теории, являющейся обоснованием и идеологическим сопровождением экономики данного периода развития. Далее рассмотрены новейшие направления новой индустриализации, ее перспектив и ограничений, с которыми сталкиваются страны, объединенные в рамках ЕАЭС. Теоретическую часть данного исследования продолжают высказанные здесь авторские представления о структуре промышленности и промышленной политике.

1.1. Контуры формирования новой реальности

Фундаментом для выработки экономической политики и основанием айсберга выступают социально-экономическая система и теории, которые их сопровождают. Поэтому мы предварительно обратимся к этому уровню анализа. На них будут основаны наши конкретные выводы и предложения по промышленной политике.

Начало XXI века ознаменовалось новыми «тектоническими» толчками в социально-экономическом пространстве, формирующими новую реальность и интригующими значительными изменениями всех сторон жизни. Уже слышатся нарастающие социальные шумы в самых развитых странах, свидетельствующие о том, что укрепление потребительской функции их экономик и рост благосостояния их населения не обеспечивают социального и национально-государственного благополучия. Альтернативы новым общественным ценностям, комплементарно подержанные ростом материального благосостояния, выдвигаются как новая повестка развития.

Потрясения любого происхождения порождают мотивы к осмыслению событий на уровне новых понятий и ценностей с целью понять причины и адекватно реагировать на новые вызовы. Знание закономерностей предпочтительней слепой покорности неведомым силам. События глобального масштаба стимулируют активность научной мысли на таком же уровне. Человечество не раз оказывалось свидетелем того, как в едином временном пространстве сходились несколько кризисных явлений и тенденций: экономических, экологических, инфекционных, социальных. Но вполне очевидно, что за оперативным реагированием должны следовать теоретические исследования, на основе которых можно и нужно строить выводы и прогнозы.

Сложившаяся ситуация, в частности, коронавирусная атака-2020, устроили своеобразный экзамен человечеству на качество его фундаментальных ценностей и институтов. Сегодня едва ли можно утверждать, что испытания человечество проходит успешно. В этой связи возникает фундаментальный вопрос: а что не так в современном социальном устройстве? Какие ценности устарели и тормозят его гармоничное развитие, а какие, напротив, выдвигаются в приоритетные; в каком направлении следует совершенствовать институты социально-экономического развития. Тезис о вечности и естественности современного капиталистического мироустройства не может более удовлетворить даже

многих его адептов. Отмеченные выше кризисные тенденции усиливают критический взгляд на установившееся положение в системе экономических отношений.

Коронавирус атаковал человеческое сообщество по всему фронту, невзирая на границы и различия: национальные, религиозные и т. д. Человечество ответило элементами национально-государственного, группового и индивидуального эгоизма, элементами религиозного мракобесия и прочими пороками социального происхождения⁶. Поэтому все более актуализируется вопрос об общих основах этих негативных тенденций. Ответ на него требует исследовательских усилий ученых разных областей научного знания. Мы обратимся к основам современного экономического мироустройства и сопровождающей его теории.

В развитой части современной экономики безраздельно господствуют капиталистические ценности, механизмы и инструменты. Их теоретическим сопровождением является неоклассическая теория – как идеологическое и теоретическое сопровождение «вечного» и «естественного» экономического строя. Основой и фундаментом данной теории служит принцип методологического индивидуализма. Согласно ее доктрине, отдельные индивиды выступают основой экономического мироздания. Как свободные и суверенные социальные единицы они устремлены к максимизации своей индивидуальной полезности. Суммарный эффект этих индивидуальных устремлений

⁶ «Глобальная пандемия требует глобальных ответных мер: микробы не признают границ. Скоординированные международные ответные меры являются лучшим способом противодействия международной чрезвычайной ситуации в области здравоохранения. Но под давлением своих электоратов директивные органы отзывали ресурсы, предназначавшиеся другим странам, вводили запреты на экспорт продовольствия и лекарств и создавали избыточные материальные запасы. Каждая из этих мер, какой бы популярной она ни была у местного населения, сопряжена с издержками для других стран. В конечном счете, отсутствие кооперации ухудшает ситуацию для всех». Джеффри Фриден. Политическая экономия экономической политики // Финансы и развитие. 2020. № 2. С. 5.

дает наиболее эффективное общественное благосостояние. Социум здесь не забыт, но его благополучие основано на сложении эффектов индивидуальных устремлений. Механизмом, приводящим к этому результату, является конкуренция, основанная на частном интересе. Корни этой методологии произрастают со времен Адама Смита, когда в экономике преобладала деятельность индивидуальных производителей при условии выполнения норм религиозной морали и благочестия. При снятии моральных ограничений индивидуализм превращается в эгоизм, доходящий до хищничества. Конечно, и в этой системе происходят интеграционные процессы. Образуются объединяющие многих индивидов компании, государства и даже союзы государств. Но начинка методологического индивидуализма не исчезает и это проявляется по многим направлениям, особенно в период глобальных вызовов и испытаний. В период пандемии наблюдались обособленность и эгоизм на межгосударственном уровне. На внутригосударственном же уровне проявился космический взлет цен на индивидуальные средства защиты человека, на лекарства и даже продукты питания. Пышным цветом расцвело контрафактное производство, мошенничество на почве вирусной эпидемии. В экономической же сфере проявились признаки методологического индивидуализма, переходящего в эгоизм и хищничество. Какие отсюда следуют выводы?

Сторонники рассматриваемого принципа считают, что эта эпидемия, как и любая другая, пройдет, данный кризис останется в прошлом, вновь включатся принципы и механизмы, основанные на ценностях методологического индивидуализма. Это частный случай общих представлений неоклассики о долгосрочном равновесии на уровне полной занятости. Большинство исследователей и аналитиков считают, что изменения в экономике и обществе столь существенны, что возврата к прошлому уже не будет. А какова будет новая реальность – предмет обсуждений и дискуссий. Актуализирован общественный запрос

на разработку моделей общественного развития, альтернативно-го современному мейнстриму.

В экономической литературе в данное время складывается несколько направлений: смена шести укладов (С. Глазьев)⁷, четвертая промышленная революция (К. Шваб)⁸, теория солидаризма (В. Кошкин, С. Беляев)⁹. С позиций рассматриваемой нами темы ближе всего к ней разработки, которые ведутся в рамках деятельности Института нового индустриального развития им. С. Витте (ИНИР), возглавляемого С. Бодруновым. Эти разработки получили название «ноономика»¹⁰. Стержень этой теории составляет т. н. новое индустриальное общество (НИО-2). Его суть в том, что новый уровень технологического развития позволяет работникам выйти из непосредственного процесса производства и встать «по ту сторону» производственных процессов. Новое качество приобретут все его компоненты: технологии, материалы, труд. При этом позиция С.Д. Бодрунова отличается от взглядов сторонников постиндустриального общества, которые «вытесняют» индустрию из новой экономической системы. Наоборот, считает профессор Бодрунов, именно индустрия обеспечивает новыми технологиями, которые поднимают общество на высокий уровень благосостояния с учетом обеспечения экономической оптимальности и равновесия. В модели НИО-2 в недра индустрии проникают новейшие направления современного НТП: информационно-коммуникативные, нано- и биотехнологии, искусственный интеллект и др. Концепция эта содержит большой потенциал исследования новых форм организации производства, основанных на новейших технологиях. Открывается

⁷ Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. – 2016. – № 2. Прикладные результаты теории мирохозяйственных укладов // Экономика и математические методы. – 2016. – № 3.

⁸ *Клаус Шваб*. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. – М., 2018.

⁹ *Беляев С., Кошкин В.* URL: <http://gur@expert.ru>

¹⁰ *Бодрунов С.Д.* Общая теория ноономики: учебник. – М.: Культурная революция, 2019. – 504 с.

широкий простор для изучения новых интеграционных и гибридных форм хозяйствования. Теория ноономики смыкается с теорией Дж. Гэлбрейта о техноструктуре, но с одной существенной оговоркой. У Гэлбрейта к техноструктуре переходит реальная экономическая власть, т. е. Гэлбрейт видит перераспределение собственности и экономической власти как реальные отношения при сохранении правовых отношений. У С. Бодрунова из производства вытесняются не только работники, но и экономические отношения непосредственного производства. Позиция столь необычная, что можно понять так: в ноономике вообще не будет экономических отношений.

Однако в самой сфере материального производства есть как сами отношения (разделение труда и кооперация), так и процессы, называемые организационно-экономическими, технико-экономическими, а также и гибридными: обобществление, концентрация, централизация и т. д. Все эти процессы следует учитывать при выработке современной промышленной политики. Отдельно можно выделить планомерность, которую тоже принято считать экономическим отношением.

Если даже поверить в перспективу ноономики, перед наукой встает задача исследования переходных процессов, ведущих к такому обществу. А это особая научная проблема.

Обратим внимание на тенденции новой реальности, вызванной современной научно-технологической революцией, которые свидетельствуют о социальных последствиях грядущей новой экономики. Складывающаяся реальность, как мы полагаем, послужит подтверждением необходимости исследования переходных отношений.

Социальная дифференциация общества претерпевает изменения, но не устраняется в условиях господства рыночно-капиталистического хозяйства. Происходит капитализация всех направлений современной НТР. Капитал их авансирует, и он же присваивает себе результаты. Прибыль была и остается целью, и движущим мотивом способа производства, основанного

на ценностях и принципах методологического индивидуализма. Прибыль и ее норма тем выше, чем при прочих равных условиях меньше издержки. Новые технологии действительно дают рост производительности и сокращение издержек. Это показали предыдущие промышленные революции. Но в чьих руках окажется эта сила? Разумеется, у тех, кто авансировал их создание. Что может заставить нынешних владельцев капитала отказаться от результатов нового НТП в пользу других социальных субъектов? Можно прогнозировать переход к тому состоянию общества, где собственность не будет иметь значения. Но какие переходные формы к этому приведут? На эти вопросы следует отвечать для того, чтобы технологическую сторону ноономики дополнить социально-экономической. А пока приходится наблюдать противоречивые процессы, которые не свидетельствуют об исчезновении экономических отношений.

С развёртыванием новых технологий, особенно связанных с третьей и четвертой промышленными революциями, возникли новые уровни обобществления производства, которые проявляются в концентрации и централизации капитала. Эти глубинные процессы на поверхности социально-экономической жизни проявляются в новых масштабах капитала и новых формах его организации. По свидетельству Клауса Шваба, основателя и президента Всемирного экономического форума в Женеве, в 90-е годы XX века совокупная капитализация трех крупнейших компаний Детройта составляла 36 млрд долларов с выручкой, равной 250 млрд и числом персонала до 1,2 млн чел. А в 2014 годы совокупная рыночная капитализация трех крупнейших компаний Кремниевой долины составила более 1 трлн долларов, с суммой прибыли в 247 млрд, но с числом сотрудников почти в десять раз меньше¹¹. Эти данные свидетельствуют о тенденции капитализации информационно-коммуникационных технологий. Вместе с тем, пока не дан ответ на вопрос, каково социально-

¹¹ *Клаус Шваб. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. – М., 2017. – С. 19–20.*

экономическое положение вытесненных из непосредственного производства людей. Если они влились в армию безработных, то это экономические отношения (как и занятость). На основе цифровых технологий создаются бизнес-платформы с капитализацией глобального масштаба. Ускорение пространственно-временных потоков товаров и услуг увеличивает мобильность капитала и актуализирует время как экономическую категорию. Уплотнение экономических событий и сделок в единицу времени увеличивает добавленную стоимость при сокращении издержек. Капитал «улавливает» преимущества открытого доступа к результатам НТП и использует их для капитализации. Индустрия открытого доступа используется капиталом в своих коммерческих целях, например, для рекламного продвижения.

Происходят изменения и в сфере наемного труда, связанного с новыми технологиями. В приведенном фрагменте К. Шваба девять из десяти работников вытеснены из процесса производства. Оставшимся (одному из десяти) могут повысить зарплату, расширить социальный пакет. Но оставшиеся не повысят свои доходы в десять раз, перераспределив сэкономленный фонд заработной платы. Большую часть присвоит капитал, перераспределив часть вновь созданной стоимости в пользу прибыли. Об этом свидетельствуют и приведенные К. Швабом цифры, где прибыль «новой» экономики почти равна выручке экономики «старой». Стало быть, растет норма прибавочной стоимости, растет капитализация. У креативных работников стираются границы между рабочим и свободным временем, поскольку творческая работа «преследует» работника и во время его отдыха тоже. И это тоже способствует росту нормы прибавочной стоимости. Наконец, появление информационно-коммуникативных технологий увеличило процесс реального подчинения труда капиталу. Резко сократились издержки, связанные с контролем над оппортунистическим поведением наемных работников. Появились цифровые средства тотального контроля. С развитием материальной базы трансформировались и отношения собственности. Менялись

объекты: земля, машины, роботы, информация. Но экономические отношения оставались по существу прежними: работник отчужден от средств и результатов труда, присвоенных противоположным экономическим агентом.

Изменения технико-технологического плана повысили скорость оборота информации, норму эксплуатации труда, создали новый рынок со старым основным экономическим отношением, но не послужили основой изменения производственных отношений, сохраняя способ производства, рост капитализации и характер присвоения добавленной стоимости. Следовательно, вопрос об исчезновении экономических отношений не решается автоматически с появлением даже новых технологий.

Исходя из изложенного, попытаемся определить направления для исследования переходных процессов на разных уровнях, которые дополняют технологическое развитие и обратят новую производительную силу четвертой промышленной революции и новую индустриализацию на благо общества.

Методологический уровень. Прежде всего, следует критически рассмотреть фундаментальное основание неоклассической экономической теории – *методологический индивидуализм*.

Настигшая человечество проблема распространения коронавируса лишь на поверхности явлений может казаться сугубо медицинской. Вынужденная реакция со стороны социума неизбежно повлечет за собой существенные изменения всех сторон социально-экономической организации и функционирования, в связи с чем резко возрастает актуальность теоретической и прогностической функции науки. А экономическая наука переживает не лучшие времена. Разговоры о ее кризисе ведутся давно. Еще в 2002 г. были опубликованы материалы обсуждения этой темы в ИМЭМО РАН¹². В коротком изложении признаки кризиса отмечались в следующих моментах: умозрительность моделей, избыточное математическое и символическое увлечение в ущерб

¹² К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки / руководитель: академик В.А. Мартынов. – М.: ИМЭМО РАН, 2002. – 71 с.

теоретическому содержанию; утрата прогностичности. Вменялось в вину то, что не был предсказан кризис 2008 года, появление криптовалют, крах крупнейших компаний (LTCM). Наука обвинялась и в том, что не успевает осмыслить такие глобальные феномены, как греческий кризис, международный терроризм, Интернет и соцсети. Обвинения были и на инструментальном уровне: неумение подтвердить универсальную эффективность даже таких проверенных механизмов, как аукционы. В тех областях, где теория традиционно используется как инструмент обоснования экономической политики, – макроэкономика, налоговая политика, банковское и финансовое регулирование, – она оставляет много пространства для дебатов, а нередко и порождает их.

Приведенная выше критика была внутренней, то есть исходила из самой неоклассической теории. Оттуда же исходила обеспокоенность о судьбе мейнстрима и поиске альтернатив? Наиболее заметной оказалась теория поведенческой экономики. Возможно, решающую роль в ее столь высокой оценке сыграло присуждение Р. Талеру Нобелевской премии по экономике в 2017 году именно за теорию поведенческой экономики. Этим же объясняется и претензия: «...чтобы эта дисциплина стала полноправной областью исследований в одном ряду с макроэкономикой, эконометрикой, экономикой труда»¹³. Высокие оценки изначально разделялись не всеми, акцент был сделан на то, что «...пока есть только отдельные концепции и модели, ...которые пока не складываются в систему, ...с помощью идей поведенческой экономики уточняется содержание вспомогательных гипотез традиционной теории»¹⁴. Подобные попытки вдохнуть новую энергию в увядающий организм неоклассиков не затрагивают вопроса о современном потенциале его базовых принципов или «твердого ядра».

¹³ *Белянин А.В.* Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике, 2017) // Вопросы экономики. – 2018. – № 1.

¹⁴ Там же. С. 7–8.

Методологический индивидуализм как главный принцип и «твердое ядро» неоклассической теории безраздельно господствует после схода с исторической арены плановой экономики и сопровождающей ее политической экономии. Однако в последние два десятилетия основное течение все больше покрывается трещинами. Реакция стран господства неоклассики на коронавирусное бедствие тоже снижает его репутацию. На глазах у мировой общественности методологический индивидуализм переходит в эгоизм, откатываясь в цивилизационном развитии. Дело доходит до критики ВОЗ за то, что она оказывала помощь другим странам на средства фонда, в формировании которого есть средства США. Еще раньше атаковались другие международные организации уровня ВТО и даже ООН. Это конкретные проявления методологического индивидуализма, порочные черты которого находятся в недрах экономического поведения субъектов. С появлением смертельно опасной для человечества эпидемии методологический эгоизм показал себя в виде спекулятивных цен на индивидуальные и коллективные средства защиты и борьбы с вирусом, организации производства контрафактных средств, мошенничества, в том числе и медицинско-го. Но многие убеждены, что это не единственное испытание, с которым столкнется человечество. Сохраняются угрозы новых вирусных и иных эпидемий, а также природно-климатических, техногенных катастроф и аномалий. Одной из целей маржинального анализа в рамках методологического индивидуализма выступает стремление к максимизации общественной полезности. Но максимизация общественной полезности даже с позиций маржинального анализа достигается при стремлении к равному распределению благ¹⁵. Динамика исторического

¹⁵ Для доказательства этого тезиса достаточно привести простой пример. Десять шоколадок распределены между двумя любителями сладкого в соотношении 9:1, девятая шоколадка имеет меньшую предельную полезность, чем вторая шоколадка для другого потребителя. Соответствующее перераспределение сладкого продукта приведет к увеличению суммарной полезности для этого мини-сообщества. Суммарная полезность будет

развития делает все более очевидным моментом противоречие принципа и цели, что свидетельствует о необходимости поиска других принципов, адекватно соответствующих высшим общественным целям благосостояния. Растет осознание необходимости внедрения в новые технологии ценностей, соответствующих прогрессу и интересам социума. К наиболее распространенным из них следует отнести: преодоление неравенства в распределении благ новой промышленной революции; экологическое благополучие; охрану и защиту физического и психического здоровья. Совокупность этих ценностей назовем *социализацией*.

Технико-экономический уровень. На фоне стремительно-го развития производительных сил, содержащих высокий интеграционный потенциал, особенно в сфере цифровых технологий, принцип методологического индивидуализма утрачивает свою цивилизационную перспективность. Растет спрос на альтернативные парадигмы, ориентированные на иные принципы экономического и общественного развития. Противоположной альтернативой представляется плановое хозяйство. Его общие принципы соответствуют современным тенденциям в технологическом развитии. Но его практическая реализация прервалась три десятилетия назад и сегодня не представляется возможной простая апелляция к прошлому. Расчетно-аналитический потенциал новых цифровых технологий содержит основу для возрождения планомерности на существенно новом уровне. С развёртыванием новых технологий, особенно связанных с третьей и четвертой промышленными революциями, возникли новые уровни обобществления производства, которые проявляются в концентрации и централизации. Сложилась технологические, организационно-экономические, информационно-коммуникативные и иные условия возрождения

возрастать по мере движения к уравнительному распределению. Вывод этот вытекает из сути маржинального анализа, хотя уравнительность является одним из основных оппозитивов той экономической системы, теоретическому и идеологическому сопровождению которой служит неоклассика с методологической основой и маржинальным методом.

планомерности. Она явится интегральным обрамлением новой техноструктуры.

Социальный уровень. Требуются новые подходы, один из которых предварительно может быть предварительно назван «социализированный индивид». Такой подход альтернативен методологическому индивидуализму. Его суть состоит в выстраивании системы экономических и иных общественных отношений, базирующихся не на противостоянии и борьбе, а на объединении и сотрудничестве. Выше отмечалось, что абсолютизация индивидуальной суверенности как производителя и продавца благ была свойственна периоду господства мелкотоварного производства. В развитых странах более 80 % благ производится крупными корпорациями, имеющими акционерную форму. Какой из этого следует вывод? Благополучие каждого индивида, работающего в компании, зависит от благополучия компании, которое достигается усилиями отдельных индивидов, но не только. Во-первых, в компании индивиды объединены в сложную надиндивидуальную структуру. Но это не механическое сложение труда отдельных работников, они объединены в рамках особой техноструктуры. И от эффективности последней зависит благополучие всех отдельных работников, максимизирующих индивидуальную полезность. Во-вторых, эффективность и благополучие отдельных компаний существенно зависит от макроэкономической ситуации (инфляция, валютный курс и др.), от институциональной среды, экономической политики. И, наконец, в современной открытой экономике многое зависит от глобальных процессов, рынков.

В природе человека заложено и индивидуальное, и социальное. Важно, чтобы социализация раскрыла более широкие возможности для индивидуального и общественного развития при наиболее эффективном противостоянии современным угрозам. Даже на средних и мелких предприятиях, за исключением индивидуальных, благосостояние отдельных индивидов зависит от успешного развития ассоциированных форм. Индивидуальное

в этой системе не исчезает, но приобретает новое качество. Индивидуальное и социальное сливаются в качественно новое образование, где эгоистическому индивидуализму противостоит социализированный индивид. Социализация на основе новой техноструктуры составляет, в свою очередь, пространство для всестороннего развития индивида.

Диалектическое развитие социализированного качества индивида на основе новой технологической революции, как нам представляется, прямо влияет на выбор экономической политики вообще и промышленной политики, в частности.

1.2. Основные направления нового НТП

Обсуждая вопрос о промышленном развитии и новой индустриализации, нельзя обойти вопрос о новейших тенденциях в этой сфере. А они диктуются комплексом событий, сил и факторов, которые принято называть шестым укладом (С. Глазьев) или четвертой промышленной революцией (К. Шваб). Независимо от подходов, следует определить, в чем ее суть и основные направления. На второй вопрос ответить легче, в литературе уже складывается их некоторая систематизация. Большинство исследователей приходят к выводу о том, что технологии четвертой промышленной революции взаимосвязаны тем, что все они основаны на цифровых технологиях, созданных во время третьей промышленной революции. Информационные технологии, включая Интернет, составляют их основу. Из этого можно было бы сделать вывод, что все новые технологии связаны с продолжением цифровой революции. Но нам представляется, что нельзя все содержание новой научно-технологической революции сводить к цифровизации, при всей ее важности. В потоке 4.0 содержится искусственный интеллект, новые материалы с уникальными свойствами, нано- и биотехнологии (преобразование на уровне элементарных частиц). Да, цифровизация проникает всюду. Новейшие технологии основываются на цифровых системах, мобильно комбинируются, благодаря цифровой

совместимости, проникают в материальные объекты и методы их преобразований разными способами, создавая как преимущества, так и проблемы. На вопрос о том, какие технологии имеют наибольшие шансы стать фундаментом четвертой промышленной революции, нет единого мнения, и ссылок на вездесущую цифровизацию недостаточно. На основе данного мнения более сотни мировых экспертов по новейшим технологиям К. Шваб делает вывод, что это будут: искусственный интеллект, распределенные реестры и новые вычислительные технологии¹⁶. Кроме того, колоссальное влияние на новую экономику могут оказать энергетические, биологические и нанотехнологии. Большой вклад внесут новые материалы с заданными свойствами. Кроме того, надо учитывать множество взаимодействий и обратных связей. Например, улучшенный искусственный интеллект (ИИ) с использованием более мощных компьютеров ускорит получение новых материалов, которые позволят создавать еще более мощные компьютеры. Из новых материалов можно создавать аккумуляторы более емкие и компактные, открывая все новые возможности для роботов, дронов и иных аппаратов. Могут возникнуть многообещающие прорывы на стыках технологий. Они ускоряют производство продукции, а полностью цифровые продукты и сервисы тиражируются с крайне низкими издержками.

На стадии поиска смыслов, сути и основных направлений современной НТР нельзя обойти исследование развития производительных сил с позиций политической экономии. В рамках ее традиций был накоплен опыт анализа материальной базы динамики экономической системы. В 60–70-х годах XX века активно обсуждались экономические проблемы НТР, разрабатывались планы и программы научно-технического развития. Наиболее популярной была методология наращивания звенности в развитии средств производства. Исходным звеном является рабочее

¹⁶ Технологии Четвертой промышленной революции / пер. с англ. / Клаус Шваб, Николас Дэвис. – М.: Эксмо, 2018. – 320 с. С. 37.

орудие, т. е. то, что воздействует на предмет труда. Появление парового и электрического двигателя, заместившего силу человека и животных, стало новым звеном, которое потребовало создания передаточного механизма. В результате третьей промышленной революции прибавилось четвертое звено – «управляющая машина». Ее породила научно-техническая революция 70-х годов, связанная с внедрением в производство программно-вычислительных машин. Широко распространилось производство и применение станков с программно-вычислительными блоками. К этому же периоду относится и появление роботов. Их промышленное использование породило обсуждение вопроса о месте человека в новой системе производства. В то время не была актуальна проблема технологической безработицы, имея в виду вытеснение работников из непосредственного процесса производства. Предполагалось, что в системе плановой экономики будет сохранена полная занятость при сокращении рабочего дня. Как в рамках этой традиции охарактеризовать современную Четвертую промышленную революцию? Нам представляется, что появилось новое звено – «думающая машина», которая продолжила «управляющую машину». «Думающая машина» связана с искусственным интеллектом, но значение последнего значительно шире. В этой связи возникает более общий вопрос о структурных элементах 4.0, имея в виду, что она проникает во все области жизни человека и общества.

Прежде всего, следует выделить направления, связанные со средствами производства, предметами и средствами труда. Это технологии, оперирующие на уровне элементарных частиц и веществ: нанотехнологии, биотехнологии. Они открывают широкие возможности для получения предметов и веществ в целях создания благ с новым качеством путем рекомбинации элементарных частиц. Ограничениями здесь являются издержки, особенно энергетические. Второе направление – это создание особых средств труда с цифровой начинкой в виде отдельных устройств производственных линий и комплексов, беспилотных

аппаратов. «Думающая машина» повышает производительность оперативной переналадкой технологических процессов с изменением условий. Вариантом совмещения двух уровней могут служить технологии типа 3Д-печать или аддитивное производство. Прогнозируется их широкое распространение в производстве разных изделий и их потреблении с расширением ассортимента используемых материалов. Далее следует инфраструктурно-управленческий уровень, который охватывает цифровизацию документооборота и управленческого процесса. Сюда же следует включить «цифровое имплантирование» в технологические процессы, цифровое присутствие и цифровидение. Продолжением этого направления является информационное и инфраструктурное взаимодействие с внешним миром: потребителями, поставщиками, налоговыми и иными органами. Мобильность и скорость информационных потоков актуализирует время как экономическую категорию. Выделение этих направлений имеет значение с точки зрения приоритетности и очередности их внедрения и содержания экономической политики. Для развивающихся экономик она имеет особенности. На начальном этапе надо делать ставку на направления менее затратные и очевидно эффективные. Критерием служит время как экономическая категория, а именно, прохождение количества экономических событий в единицу времени и время, требуемое для отдельного экономического процесса.

Прежде всего, следует сосредоточиться на инфраструктурно-управленческом уровне внутри фирмы и информационно-инфраструктурном взаимодействии с внешним миром. Здесь могут быть задействованы такие продукты, как супервычислительные системы, носимый компьютер с интернетом (например, «умные часы», совмещенные со смартфоном), цифровое присутствие. Комплексы технологий под названием «Умный дом» и «Умный город» могут быть эффективно использованы на уровне компаний в разных секторах экономики. Этот уровень является относительно менее затратным, но очевидно более перспективным.

Технологии, связанные с созданием веществ и материалов путем рекомбинации элементарных частиц (нанотехнологии, биотехнологии) не получили еще широкого распространения в связи с высокими альтернативными затратами. Развивающимся экономикам едва ли следует стремиться к лидерству в этих направлениях. Уместнее изучать опыт других стран, накапливать информационный ресурс и выработать стратегию эволюционного долгосрочного перетока их в национальную экономику после их апробирования в развитых экономиках и доказательства их альтернативной эффективности.

Противоречива перспектива использования робототехники. Роботы доказали свою эффективность во многих отраслях. Например, при сборке автомобилей около 80 % работ выполняют машины. Но развивающиеся экономики пока не в состоянии производить робототехнику. А для их приобретения и применения надо иметь производства соответствующего уровня и масштабов. Поэтому приобретение и использование робототехники связано с решением инвестиционно-экономических задач более высокого уровня.

Вырабатывая стратегию промышленного развития, нельзя ограничиться только положительным эффектом. Необходимо учитывать противоречивые тенденции и социально-экономические последствия новой промышленной революции с учетом специфики развивающихся экономик. Прежде всего, противоречивость проявляется в том, что практически все технологии четвертой промышленной революции имеют потенциал создания не только преимуществ, но проблем разного уровня и характера. Рассмотрим две главные проблемы: занятость и справедливое распределение достижений 4.0.

Большое беспокойство по поводу четвертой промышленной революции вызвано тем, что созданные ею ценности могут распределяться несправедливо, а усиление неравенства вполне реально может приводить к социальным конфликтам. Одна из угроз – это монополизация власти и ее экономическая реализация. Например, такие гиганты как Amazon, контролируют

от 75 до 90 % своих секторов рынка, Google, Facebook – 77 %. Монополизация порождает неравенство через экономическую власть, неэквивалентный обмен, ценовую дискриминацию.

Многие цифровые платформы концентрируют богатство у все более узкого круга людей, новые способы добычи ископаемых наносят ущерб окружающей среде, но обогащают владельцев предприятий за счет роста общественных издержек. В книге К. Шваба «Четвертая промышленная революция» сконцентрированно выражена проблема неравенства. Отмечается, что в большинстве развитых стран доходы перестали расти или даже снижаются. При этом растет неравенство. Также со ссылкой на отчет Credit Suisse *«Благосостояние в мире в 2015 году»* приводятся впечатляющие выводы о том, что половина всех активов в мире контролируется всего одним процентом богатейших людей. В то же время нижняя по уровню доходов половина населения мира владеет меньше чем одним процентом мирового богатства. Символом современности можно считать то, что на связь медицинских проблем с экономическими обратили внимание эпидемиологи: «В своей книге *«Уровень духа: почему большее равенство в обществе делает его сильнее»* британские эпидемиологи Ричард Уилкинсон и Кейт Пиккет указывают на то, что в обществах, для которых характерно неравенство, больше насилия, большее число людей отбывает тюремное наказание, более распространены психические заболевания и ожирение, меньше продолжительность жизни и уровень доверия. Вывод, к которому они пришли: при контроле над показателем среднего дохода сообщества с большим показателем равенства имеют более высокие уровни благополучия детей, более низкие уровни стресса и употребления наркотиков, а также более низкую младенческую смертность. Другие исследователи обнаружили, что более высокие уровни неравенства увеличивают сегрегацию и приводят к снижению уровня образования среди детей и молодежи»¹⁷.

¹⁷ Клаус Шваб. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. – М., 2017. – С. 112–113.

Вторая важная проблема – занятость. Большой потенциал технологической безработицы в связи с третьей промышленной революцией «рассосался» за счет сокращения рабочего дня на одну треть. Вопрос о грядущей безработице в связи с 4.0 не привлек пока должного внимания. Но это реальная общественная угроза. Выше мы приводили данные о том, что при десятикратном росте капитализации крупнейших компаний Кремниевой долины (образ 4.0) по сравнению с крупнейшими компаниями Детройта (образ 3.0) произошло сокращение занятости в 10 раз. При этом потери старых рабочих мест не компенсируются новыми. Об этом свидетельствует сокращение доли оплаты труда в национальном доходе стран-членов ОЭСР, которое на 80 % связывают с влиянием технологий. С инвестициями в капитальное оборудование связывают до 83 % сокращений производственных рабочих мест в США, начиная с 1990 года¹⁸.

Наконец, обратим внимание на связь этих двух важнейших проблем экономики между собой. «Среди 29 глобальных рисков и 13 глобальных тенденций, выявленных в отчете Всемирного экономического форума 2016 года *«О глобальных рисках»*, сильнейшие взаимосвязи наблюдаются между растущим неравенством доходов, безработицей или недостаточной занятостью населения и глубокой социальной нестабильностью»¹⁹.

Учитывая социальную противоречивость развёртывания 4.0, у научного и экспертного сообщества растет запрос на ценности, которые должны сопровождать новую НТР. Наиболее часто упоминаемыми ценностями являются справедливость и солидарность. «На первом месте должно быть повышение уровня жизни. Если четвертая промышленная революция приведет к усилению неравенства, бедности, дискриминации,

¹⁸ Технологии Четвертой промышленной революции / пер. с англ. / Клаус Шваб, Николас Дэвис. – М.: Эксмо, 2018. – 320 с. С. 45.

¹⁹ Клаус Шваб. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. – М., 2017. С. 113.

нестабильности или вреда для окружающей среды; если произойдет маргинализация, порабощение или обесценивание людей, значит, мы пошли не тем путем»²⁰.

1.3. Направления промышленной политики

Суть промышленной политики состоит в совокупности нормативных и административных мер стимулирующего воздействия на предприятия, инфраструктуру, макроэкономический инвестиционный климат. В рамках рыночной экономики традиционно принято выделять фискальную и монетарную политику. В предыдущем изложении было уделено внимание ограничениям рыночной экономики и развивалась идея социализации экономики. Отсюда вытекает необходимость дополнения двух выделенных направлений. Для модели смешанной экономики мы предлагаем ввести понятие *структурно-воспроизводственной политики*, содержание которого более подробно будет раскрыто ниже.

Для выработки промышленной политики надо исходить из сложившейся структуры промышленности, а также из структуры внешней торговли Кыргызской Республики.

Выделяются четыре основных направления: обрабатывающие производства, удельный вес которых в 2018 году составил 75,7 %, энергетика – 15,3, добыча полезных ископаемых – 7,9, водоснабжение и очистка – 1,1 %, соответственно. В более развёрнутом виде, из 24 отраслей промышленности шесть являются базовыми и выпускают до 90 % промышленной продукции. Пять из них относятся к обрабатывающей промышленности: металлургическая, с удельным весом 42,6 %, переработка аграрного сырья для пищевой отрасли – 11,7, производство строительных материалов – 6,6, нефтепереработка – 5,3 и текстильно-швейное и кожевенно-обувное производство – 3,3 %²¹.

²⁰ Технологии Четвертой промышленной революции...С. 47.

²¹ URL: <http://www.gkpen.kg/index.php/press/news/500-k>

Дополнительную информацию дает структура внешней торговли, которая обобщенно выглядит следующим образом.

Экспорт за 2018 год составил более \$1,7 млрд, где доля драгоценных металлов оставила 38,7 %, легкой промышленности – 12,0 и товаров пищевого блока – 11,3 %.

Более 2/3 всего экспорта составляет доля сырьевых и промежуточных товаров. Лидирует в составе экспорта доля продукции горнодобывающей отрасли (золота) – на нее приходится около 40 % экспортного объема. Экспортируется продукция сельского хозяйства, пищевой и текстильной отрасли, швейные изделия, стройматериалы. Отношение экспорта к ВВП составило в 2018 году 21,9 %.

В то же время импортная квота достигла в том же году 61 %. Эта цифра, на фоне низкой экспортной квоты, говорит о высоком уровне зависимости экономики республики от зарубежных поставок²². Структура промышленности отражается в экспорте, который характеризуется высокой долей первичных товаров (сырья) и невысокой долей конечных товаров с высокой добавленной стоимостью. Сложившееся структурное качество промышленности служит ориентиром для выработки и реализации промышленной политики.

Государственный комитет промышленности, энергетики и недропользования КР (ГКПЭН) проводил работу над подготовкой Стратегии устойчивого развития промышленности Кыргызской Республики на 2019–2023²³ годы, при технической поддержке Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО). В этом документе приоритетными направлениями развития промышленности определены: пищевая и легкая промышленность, а также энергетика и отрасль по производству сопутствующих товаров для туристического комплекса²⁴. Такой подход, возможно, направлен на решение

²² Джаманкулов Б.С. Структурные изменения в экономике Кыргызстана // Экономические отношения. – 2019. – № 2 (Апрель-июнь).

²³ URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/157190>

²⁴ URL: <http://www.gkpen.kg/index.php/press/news/500-k>

конкретных проблем диверсификации в этих отраслях. Но, с точки зрения выработки стратегии, у данного подхода, как нам представляется, есть два недостатка. Во-первых, консервируется сложившаяся структура промышленности. Нет ориентации на структурную перестройку. Во-вторых, не учитывается зарождение новой промышленной революции 4.0. Не упоминается актуальный и необходимый на современном этапе развития процесс цифровизации, хотя в Кыргызстане создана государственная программа цифровизации. В этой связи мы считаем возможным высказать некоторые предложения, которые могут быть учтены при составлении стратегического плана по промышленной политике. Достоинство данного документа в компактности и информативности. Информативно, ёмко и вместе с тем компактно представлен анализ состояния и структуры промышленности КР, ее динамики. Комплексность документу придает одновременное выделение проблем, сдерживающих ее развитие, и конкурентных преимуществ.

К основным проблемам в сфере промышленного развития относятся: ограниченный размер внутреннего рынка Кыргызстана, не позволяющий предприятиям в полной мере использовать положительные эффекты масштаба производства; остающаяся высокой зависимость от одного золотодобывающего (бюджетообразующего) предприятия «Кумтор», доля которого в общем объеме промышленного производства страны составляет около 20 %; недостаточная квалификация отечественной рабочей силы, требуемая для внедрения и развития современных производств; сложные процедуры налогового администрирования, особенно в области возмещения налога на добавленную стоимость; недостаток инфраструктуры для сертификации промышленной продукции; высокая доля транспортных расходов при поставках сырья и доставке товаров на внешние рынки. Также негативным фактором для развития промышленности является высокая доля неформального сектора экономики (по данным Национального статистического комитета КР, она превышает 23,6 %), что

создает неравные условия конкуренции для добросовестных инвесторов. Также среди основных факторов, препятствующих осуществлению инвестиций, согласно опросам предпринимателей, названы: высокий уровень коррупции, недостаточная защита прав собственности, трудности с получением доступа к электроэнергии, другим коммунальным услугам, и проблемы с местным населением²⁵.

А вот к конкурентным преимуществам относятся: существующая база образования, относительно низкая стоимость факторов производства, а также умеренный уровень инфляции. Благодаря *невысокой стоимости рабочей силы* Кыргызстан обладает сравнительными преимуществами для развития трудоемких отраслей промышленности.

Надо подчеркнуть, что одновременно существует противоречивость преимуществ и проблем: запасы природных ресурсов страны, в частности, золота, с одной стороны, создают условия для развития горнодобывающей промышленности, с другой – ставят экономику в уязвимое положение из-за колебаний мировых цен на сырьевые товары. Комплексность документу придает выделение приоритетных отраслей промышленности (их девять), перечень инструментов для развития приоритетных отраслей, ожидаемые результаты, риски и угрозы, финансирование, мониторинг выполнения. Высоко оценивая документ, следует указать на его недостатки и направления для продолжения работы.

1. Первым приоритетом называется развитие горнодобывающей и горно-металлургической отраслей промышленности. Тем самым консервируется сырьевая направленность, которую авторы считают недостатком. Не отрицая важность и место этого направления в реально сложившейся экономике, можно было бы особо выделить технологическое развитие этих отраслей с учетом новых требований научно-технологического прогресса.

2. К конкурентным преимуществам относится существующая система образования, а к недостаткам – низкая квалификация

²⁵ URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/157190>

рабочей силы. Оба утверждения, на наш взгляд, представляются противоречивыми. Во всяком случае, актуальным предметом изучения выступает необходимость трансформации преимуществ в системе образования в конкурентные преимущества человеческого капитала.

3. Справедливо указывается на дублирование управленческих функций многими ведомствами и на необходимость сосредоточения всей промышленной политики в одном органе управления. Но для завершения этого положения надо назвать этот орган, определить его основную функцию и исключить дублирование. Позитивное развитие стратегии промышленной политики должно опираться на концептуальный подход. Ниже будет осуществлена такая попытка.

4. Столь же справедливо указание на совершенствование нормативной базы. Это универсальное предложение, уместное для любого документа такого жанра, поскольку это процесс, не имеющий четких границ. Имеет смысл уточнить: ради какой конкретной идеи предлагается совершенствовать нормативную базу. Это будет конкретизацией универсальной рекомендации.

5. Такой же конкретизации требуют столь же универсальные рекомендации по привлечению инвестиций.

В документе привлекает завершенность, доведённая до расчётов по финансированию, с указанием источников, инструментального мониторинга.

При отмеченных и иных достоинствах рассматриваемого документа он имеет ограничения, связанные, прежде всего, со временем разработки. Выделим некоторые из них с целью дальнейшего продвижения.

Стратегическая программа промышленного развития в современных условиях не может обойти уже выявленные направления современной технологической революции. Это утверждение – отнюдь не дань конъюнктурной тематике, а требование объективной закономерности обновления основного капитала в период промышленных революций. В этой связи промышленная стратегия должна предполагать структурные сдвиги прежде

всего на уровне доступных проектов 4.0. Но структурные сдвиги связаны не только с 4.0, но и со всеми межукладными сдвигами и переходами. Этот процесс должен быть охвачен созданием технологических лифтов на основе реально существующей многоукладности. Развивающиеся экономики не могут сразу претендовать на массовое обновление капитала на основе технологий 4.0 по объективным причинам ограниченности ресурсов. Начать следует с освоения цифровой инфраструктуры на микро- и макроуровнях. Это направление менее капиталоемкое и имеет быструю отдачу. Далее следует расширять эту сферу по мере того, как будут формироваться материальные, финансовые, организационные, кадровые условия. Тем временем надо использовать потенциал и пространство технологий второй и третьей промышленных революций для развития экономики с одновременной ориентацией на технологии 4.0. В этом состоит суть технологических лифтов. При таком подходе главная задача правительства КР состоит в том, чтобы создать среду и стимулировать технологические потоки восхождения предприятий и отраслей по технологическим укладам. При этом высшие уровни многоукладности служат локомотивом для более низких уровней.

Для реализации подобного подхода фискальную и монетарную политики необходимо дополнить воспроизводственной экономической политикой. Ее содержанием должно быть выстраивание технологических цепочек и трансфера технологий в приоритетных отраслях и направлениях. Это должно быть основной функцией министерства экономического развития, которое следует освободить от дублирования функций министерства финансов, Национального банка и комитета по статистике.

Источником промышленной политики являются и интеграционные процессы, имеющие разные формы. В основе интеграционных объединений лежат фундаментальные экономические законы международного разделения труда, специализации на преимуществах и торговли. Это тот случай, когда в выигрыше оказываются все участвующие страны.

В потоке интеграционных процессов научное и практическое значение приобретает как проблема уровней, так и глубины интеграции. Из различных классификаций, существующих в специальной литературе, интерес представляет позиция М. Алле, которым выделено шесть форм региональной интеграции: система взаимных преференциальных тарифов, зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз и полная интеграция национальных рынков. Рассмотрим уровни интеграции, которые учитывают общую логику классификации М. Алле, но и содержат дополнительно анализ важного элемента – технологическую интеграцию.

Институциональный уровень определяет универсальные условия трансграничного движения экономических ресурсов и благ. Финансовая интеграция охватывает отношения от двусторонних соглашений до создания единого регулятора. Наиболее глубоким уровнем интеграции, имеющим стратегическое значение и долгосрочные последствия, является технологическая интеграция, которая предполагает образование устойчивых воспроизводственных комплексов. Она имеет особую актуальность для инновационного развития и структурной перестройки экономик РФ и КР, у которых много общего в деформациях отраслевой структуры и технологического отставания. Далее можно выделить следующие направления:

- импортозамещение промышленных товаров из третьих стран на общем рынке ЕАЭС за счет увеличения взаимных поставок продукции государств-членов;
- увеличение добавленной стоимости производства за счет переработки сырья, производства материалов и комплектующих, технологических операций как партнеров по ЕАЭС, так и своих национальных;
- наращивание экспорта продукции обрабатывающей промышленности за счет реализации совместных действий государств-членов ЕАЭС по его поддержке;

- ускорение технологического развития промышленных комплексов государств-членов за счет формирования современной инновационной инфраструктуры в рамках ЕАЭС.

В Кыргызской Республике 5,3 % составляет нефтепереработка. В России около половины добываемой нефти экспортируется в сыром виде. Расширение базы переработки нефти на основе внедрения новых технологий усилит вертикальную интеграцию, увеличит добавленную стоимость. Кроме роста экспорта, расширение предложения на внутреннем рынке горючесмазочных материалов и иных продуктов переработки повысит конкурентоспособность отечественных предприятий. В России и Казахстане уже имеются высокие технологии в этой сфере, которые могут распространяться среди участников интеграции, имеющих отношение к отрасли переработки нефти.

Следующим направлением структурной перестройки и этапом вертикальной интеграции является создание материалов и конструкций из отечественных сырьевых ресурсов. Вместе с тем, импорт сантехнических изделий и оборудования из черных и цветных металлов превышает объем их производства. Аналогичная структурная деформация отмечается и в России. Развитие технологических цепочек с созданием промежуточной продукции и конечного потребления – реальный резерв развития развивающихся экономик сырьевой направленности.

Совместно совершенствуя существующую структуру экономик, обеим странам надо параллельно создавать новый «слой» современного производства вторичной металлургии и металлоконструкций, производства строительных материалов, новых производств в лесопромышленном комплексе (ЛПК) с комплексным использованием лесных ресурсов. Перспективно и развитие производства конструкционных материалов при крупных предприятиях с активным участием малых и средних предприятий.

В рамках технологической интеграции перспективным направлением является превращение ресурсных преимуществ

в конкурентные преимущества, о чем уже выше упоминалось. Само повышение конкурентных преимуществ можно считать высшей целью интеграции.

Обе наши страны являются крупными производителями и экспортерами сырьевых ресурсов. В России лишь половина добываемой нефти перерабатывается внутри страны. К тому же, глубина и качество ее переработки вдвое ниже ведущих зарубежных аналогов. В этом направлении существует потенциал вертикальной интеграции и наращивания добавленной стоимости. Рост предложения продуктов переработки на внутреннем рынке будет способствовать снижению цен для отечественных производителей. Этот процесс, поддержанный государствами, создаст льготный доступ и конкурентное преимущество отечественным производителям.

Но надо учитывать, что уступленная зарубежным производителям часть добавленной стоимости служит пространством для объединения усилий по вертикальной интеграции и импортозамещению. В обеих странах растет импорт изделий из сырьевых ресурсов, вывезенных из России и Кыргызстана. Речь идет о металлах, в том числе и драгоценных, продуктах переработки нефти, газа, древесины, металлических конструкциях и др. То, чего не удалось сделать нашим странам в отдельности, имеет больше шансов для осуществления в рамках интеграции.

В рамках промышленной интеграции КР имеется возможность, в партнерстве с РФ, включиться в машиностроительный комплекс. Это ключевая сфера для роста добавленной стоимости. Кроме того, эта сфера отличается высокой эффективностью инвестиций, которые окупаются за 2–3 года.

Уже складывается практика обсуждения конкретных направлений интеграции в области наукоемких технологий и товаров. Например, в «Рособоронэкспорте» проводятся заседания Координационного совета по развитию машиностроения с участием представителей Белоруссии, Казахстана и Армении, где идет активное обсуждение кооперации и координации

в радиоэлектронной промышленности в рамках ЕАЭС. В сфере радиоэлектроники в рамках объединения перспективными для сотрудничества определены совместная разработка и производство оборудования связи и телекоммуникаций, интегральных схем, и ряд других направлений. Среди проектов, намеченных к совместной реализации – создание инновационного суперкомпьютера с принципиально новой системой охлаждения, кристаллографических ускорителей. К подобным проектам следует активно присоединяться и Кыргызстану в интересах ускорения структурной перестройки экономики.

Потребуется дополнительные исследования для установления степени важности и очередности среди приоритетных отраслей как для отдельных стран, так и для согласованных интересов. Важно определиться с методологическим подходом в отношении стратегии интеграции, учитывая необходимость дополнительных действий при наличии уже существующих рамок интеграционных структур.

ГЛАВА 2. РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ

Не вызывает сомнения тот факт, что инновационно-технологическое развитие лежит в основе долгосрочного роста производительности труда и, как следствие, прогрессивного экономического развития, которое, в свою очередь, определяет рост благосостояния людей. Знания и инновации стали основным фактором стабильного конкурентного преимущества как отдельных компаний, так и государств в целом. В настоящее время значение исследований, связанных с природой, развитием и последствиями применения современных технологий, существенно выросло. Это связано, прежде всего, со вступлением в новый технологический уклад, в основе которого лежит стремительное развитие цифровых технологий практически во всех сферах социально-экономической жизни. Данные процессы оказали существенное воздействие и на экономические отношения между странами. Такое воздействие связано с распространением и обменом технологиями, влиянием данных факторов на международную конкуренцию и темпы экономического и технологического развития отдельных стран. Международный технологический обмен (трансфер) является важнейшим условием диффузии современных технологий, знаний и инноваций, напрямую влияющим на национальные модернизационные процессы.

Международный трансфер технологий (МТТ) оказался в центре внимания многих исследователей, прежде всего западного мира, уже в 70-е годы прошлого века и в основном был связан с выявлением зависимости совокупной факторной производительности от инвестиций в исследования и развитие

(ИиР – R&D), связанных с импортом высокотехнологичных товаров²⁶. В последующие годы, помимо анализа импорта конечной продукции в качестве важнейшего канала технологического обмена, акцент был сделан на исследование роли прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в этом процессе. Значительное внимание уделялось, в частности, роли глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) в обмене технологиями между государствами, находящимися на различных уровнях социально-экономического и технологического развития.

2.1. Международный обмен технологиями: необходимость, способы, стратегии

В системе внутринационального и международного разделения труда неизбежно происходит обмен (трансфер) технологиями. WIPO (World Intellectual Property Organization – организация, занимающаяся интеллектуальной собственностью) дает следующее определение: «Технологический трансфер представляет собой процесс обмена идеями, знаниями, технологиями и навыками с другим индивидуумом или институтом, который приводит к приобретению им этих идей, знаний, технологий и навыков»²⁷. Что касается международного технологического трансфера, то он представляет собой совокупность различных способов, посредством которых национальные экономические агенты получают доступ к зарубежным знаниям и технологиям и успешно применяют их в производственных процессах²⁸.

²⁶ *Coe D., Helpman E.* International R&D Spillovers // *European Economic Review.* – 1995. – № 39. – P. 859–887.

²⁷ *Transfer of Technology.* Document prepared by the Secretariat, Standing Committee on the Law of Patents, Fourteenth Session. – WIPO. – Geneva, January 25 to 29. – 2010. URL: http://www.wipo.int/edocs/mdocs/scp/en/scp_17/scp_14_4_rev_2.pdf. (дата обращения: 13.03.2020).

²⁸ *Maskus K.* Encouraging International Technology Transfer (Vol. 7). – Geneva: International Centre for Trade and Sustainable Development. – 2004. – P. 28.

Большая часть исследований, посвященных МТТ, рассматривает его в основном исходя из существующего технологического разрыва между компаниями развитых государств, владеющих наиболее продвинутыми технологиями, и агентами из менее развитых стран, стремящимися получить доступ к этим технологиям²⁹. В данном контексте МТТ рассматривается в качестве приоритетного фактора роста эффективности производства и важного дополнения к внутренним источникам роста производительности труда, прежде всего, в развивающихся странах. Однако этот подход применяется и в случае технологического обмена между государствами в целом, независимо от уровня их развития. Глобальное распространение и применение современных знаний и технологий, которому способствует международный технологический обмен, в настоящее время является одной из приоритетных целей экономической политики государств независимо от уровня экономического и технологического развития.

Международный трансфер технологий осуществляется различными способами, главными из которых являются:

- торговля товарами с высокой долей добавленной стоимости,
- прямые иностранные инвестиции,
- межстрановая миграция высококвалифицированной рабочей силы,
- торговля на рынках технологий (лицензирование).

Все эти способы передачи технологий подпадают под контроль их владельцев. Но существуют другие каналы, которые контролировать не представляется возможным и которые не являются предметом рыночных операций. Это, в частности, обратное проектирование, исследования на базе находящейся в свободном доступе или купленной информации (опубликованные заявки на патенты, опубликованные исследования, материалы конференций), незапланированное передвижение ключевых специалистов и т.п. Помимо этого, к неформальным

²⁹ Financing SMEs and Entrepreneurs: An OECD Scoreboard. – OECD Publishing. – Paris, 2017. – P. 336.

способам трансфера технологий относятся: приглашение на работу недавних выпускников университетов, межфирменный обмен кадрами, совместные межгосударственные исследовательские проекты, специальные проекты на основе ПИИ. В последнем случае обмен технологиями зачастую является лишь одним из компонентов более широкого проекта, а не автономной целью.

Обмен технологиями, независимо от конкретных каналов, по которым он осуществляется, обычно связан, с одной стороны, с высокими издержками, а с другой – с провалами рынка, зачастую наблюдающимися в ходе этого процесса. Такие провалы рынка на фоне необходимости поддержки распространения знаний и технологий являются существенным аргументом в защиту необходимости государственного регулирования процессов, связанных с МТТ, и выработки соответствующих государственных стратегий. В данном процессе, при выработке целого ряда стратегий и инструментов, регулирующих МТТ, представляется очевидной значительная разница в акцентировании на их различных элементах. В частности, технологически развитые страны, традиционно выступающие в роли экспортеров технологий и прямых иностранных инвесторов, во главу угла ставят торговую и инвестиционную открытость и защиту прав интеллектуальной собственности (ПИС), защиту своих инвестиций в исследования и развитие, а также регламентацию процесса распространения технологий. Что же касается развивающихся и «догоняющих» стран, выступающих обычно в роли «принимающих» в процессе МТТ, то они опираются на более специфические стратегии. Страны и отдельные компании, являющиеся производителями знаний и технологий, заинтересованы в минимизации издержек, неизбежно связанных с неопределенностью процесса технологического трансфера, с одной стороны, и в защите своих прав на прибыль в результате его осуществления, с другой. Принимающие же страны и компании заинтересованы

в минимизации затрат и максимизации преимуществ сверх тех, которые должны возникать по определению. Производители и владельцы технологий стараются обеспечить и сохранить эксклюзивные права при их эксплуатации, в то время как получатели технологий прибегают к стратегии стимулирования или принуждения к осуществлению технологического трансфера в больших объемах или по ценам ниже тех, которые существуют на рынке. При выработке стратегий приобретатели технологий также прибегают к методам, связанным выдвиганием требований по обязательному инвестированию в национальные R&D, обучение работников в обмен на вхождение прямых иностранных инвестиций на национальный рынок и др. Таким образом, имеются убедительные аргументы, подтверждающие необходимость государственного вмешательства в регулирование международного обмена технологиями как со стороны экспортеров технологий и прямых иностранных инвесторов, так и со стороны их получателей. Весомым аргументом в защиту государственного вмешательства в данные процессы служит и тот факт, что очень часто государственная оценка прибыли от будущих инвестиций в конкретные технологии может быть выше по сравнению с оценкой частных акторов. Это связано с тем, что последние не в состоянии учесть положительные последствия таких инвестиций для национальной экономики в целом. Однако существуют и потенциальные негативные стороны такого вмешательства. Они связаны с возможными искажениями или даже блокировкой данного процесса в случаях, с которыми более успешно мог бы справиться рынок.

В последние двадцать лет стратегии, которые применяются в сфере МТТ, быстро развивались и менялись. Причинами таких изменений являются:

- ускорившийся экономический рост и быстрое накопление капитала и знаний в ряде быстроразвивающихся экономик;

- произошедшие изменения в национальных и международных институциональных и регламентационных условиях. В качестве примера можно привести тот факт, что ряд развитых стран, в частности, США, в настоящее время существенно усовершенствовали свои системы защиты прав интеллектуальной собственности;
- стремительное развитие самих технологий, связанное со вступлением в новый виток технологической революции на основе цифровизации;
- развитие новых моделей производства и международной конкуренции на основе, прежде всего, возрастания роли основанного на знаниях капитала и интернационализации производства в глобальных цепочках стоимости.

2.2. Каналы международного технологического трансфера

Рассмотрим главные каналы международного трансфера технологий.

Международная торговля

Основное место в МТТ по-прежнему занимает международная торговля. Это связано с тем, что при продаже товаров продаются и технологии, заключенные в них.

В таблице 1 показаны абсолютные значения и динамика экспорта высокотехнологичной продукции в ряде развитых и быстро развивающихся стран в 2012–2013 гг. Такие тенденции отмечались в течение периода 2007–2013 гг. и сохранялись в последующие шесть лет. Мы видим, что устойчивое лидирующее положение занимает КНР. Причем Китай лидирует не только в экспорте высокотехнологичной, но и особо высокотехнологичной продукции. Далее следуют США, Германия и Республика Корея. При этом по объему чистого экспорта высокотехнологичной продукции Корея занимает третье место после Китая и Германии, обеспечивая 11 % общемирового экспорта.

Таблица 1 – Крупнейшие экспортеры высокотехнологичной продукции в 2012–2013 годы

Страна-экспортер	Место в рейтинге	Изменение места	Экспорт высокотехнологичной продукции, млн долл.	Доля на мировом рынке высокотехнологичной продукции, %	Изменение доли на мировом рынке высокотехнологичной продукции %	Преобладающий сегмент высокотехнологичной продукции
Китай	1	–	761 906	27	↑↑ (7.1)	ННТ (57)
США	2	–	317 573	11	↓ (–3.9)	ННТ (57)
Германия	3	–	311 806	11	– (–0.4)	ННТ (50)
Южная Корея	4	↑	167 827	6	– (0.5)	МНТ (52)
Япония	5	↓	164 331	6	↓ (–1.4)	МНТ (55)
Сингапур	6	↓	160 744	6	– (0.1)	ННТ (73)
Франция	7	↓	159 820	6	– (0)	ННТ (67)
Нидерланды	8	–	110 832	4	– (–0.4)	ННТ (55)
Швейцария	9	↑	88 498	3	– (0.4)	МНТ (53)
Бельгия	10	↓	77 071	3	– (–0.4)	МНТ (59)
Итого в целом по крупнейшим экспортерам высокотехнологичной продукции			2 320 410	81	↑ (1,5)	ННТ (55)
Условные обозначения: МНТ – умеренно высокотехнологичный экспорт; ННТ – особо высокотехнологичный экспорт						

Источник. Журнал Форсайт. С. 53–67.

На протяжении трех последних десятилетий Корея показывает беспрецедентные темпы технологического роста, в том

числе в области цифровых технологий, благодаря грамотной государственной политике в этой сфере³⁰. Что касается России, то, к сожалению, она остается «занимающим весьма узкую нишу производителем и экспортером высокотехнологичной продукции со слабыми конкурентными позициями по большинству товаров и высокой зависимостью от импорта из стран, введших против нее санкции»³¹. По большинству сегментов, связанных с производством и экспортом высокотехнологичных товаров, позиции России являются «умеренно слабыми» или «устойчиво отрицательными»³². Однако по некоторым позициям в реальном секторе Россия традиционно выступает лидером. Это экспорт продуктов, связанных с ядерными технологиями, турбинами и двигателями. В частности, РФ обладает устойчивыми конкурентными преимуществами в сфере производства некоторых типов турбореактивных двигателей и газовых турбин, реактивных двигателей и т. д.

Прямые иностранные инвестиции

Ключевым способом передачи современных технологий, влияющим, прежде всего, на технологическое развитие стран-реципиентов, выступают в настоящее время прямые иностранные инвестиции (ПИИ). В данном контексте основное внимание в исследованиях уделяется функционированию глобальных производственно-сбытовых цепочек (ГПСЦ). Исследования показывают, что несмотря на влияние ПИИ, чаще оцениваемое положительно с точки зрения передачи знаний, особенно в динамично развивающихся странах, тем не менее, значение горизонтальных и вертикальных побочных эффектов дифференцировано в зави-

³⁰ См.: *Рассадина А.* Роль планирования в модернизационном развитии. Опыт Республики Корея // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. – 2020. – № 1. – С. 197–214.

³¹ *Гнидченко А., Могилат А., Михеева О., Сальников В.* Трансфер зарубежных технологий: оценка зависимости российской экономики от импорта высокотехнологичных товаров // Форсайт. – 2016. – Т. 10. – № 1. – С. 60.

³² Там же. – С. 65–66.

симости от конкретной страны и сферы экономики. Поэтому, несмотря на потенциальные выгоды, их возникновение не является автоматическим, а регулирование должно учитывать целый ряд потенциальных рисков. Один из них – вероятность возникновения зависимости от узкой технологической базы³³.

В связи со значительным влиянием ПИИ на трансфер технологий и экономическое развитие принимающих стран, остановимся на этом более подробно в контексте Российской Федерации. За 2013–2019 гг. объем поступающих в Россию ПИИ несколько снизился, но она все же остается крупнейшим их реципиентом среди бывших союзных республик и стран Восточной Европы. При этом влияние ПИИ на развитие российских компаний и экономики в целом неоднозначно. Факторы этого влияния можно разделить на положительные и отрицательные. В ряду положительных – следующие:

- Иностранные компании, прежде всего в лице ТНК, в процессе прямого инвестирования создают высокопроизводительные рабочие места, стимулируют тем самым применение высококвалифицированного труда, способствуют применению инновационных продуктов, осуществляют трансфер технологий и современных знаний.
- Деятельность зарубежных ТНК через прямые иностранные инвестиции способствует активизации борьбы за долю рынка, что, в свою очередь, стимулирует российские компании к развитию. Развитие на фоне конкуренции вынуждает их модернизировать производство, внедрять инновации, инвестировать капитал в продвижение своей продукции, заниматься активным поиском новых производственных и рыночных ниш и т. п. Причем данные эффекты, в силу тесной взаимосвязанности и взаимозависимости различных отраслей и производств, распространяются и на отраслепокупателей продукции конкретных компаний, и на отрасли-

³³ Global Value Chains: Investment and Trade for Development. – United Nations publication. – World Investment Report. – New York and Geneva, 2013.

поставщиков промежуточных продуктов, с которыми они связаны в своей производственной деятельности. В итоге, так называемый «внешний эффект» от прямых иностранных инвестиций может выступать в роли фактора, способствующего повышению эффективности российских компаний и росту их конкурентоспособности на глобальном рынке.

С другой стороны, ПИИ оказывают существенное воздействие на структуру российского рынка в направлении перераспределения долей на нем не в пользу национальных компаний. Мощное конкурентное воздействие зарубежных компаний на российские фирмы приводит к сокращению рыночной доли последних, снижая в целом внутренние инвестиции в российской экономике³⁴. Не выдерживая конкуренции с мощными высокотехнологичными зарубежными ТНК, значительное число российских компаний или совсем уходят с рынка, или вытесняются в менее технологичные рыночные сегменты, с соответственно более низкой долей добавленной стоимости и более низким платежеспособным спросом на свою продукцию.

В процессе конкурентной борьбы зачастую имели место сделки по поглощению российских предприятий. Так, в 2010 году состоялась сделка по осуществлению продажи компании «Нидан соки» американской компании «Coca-Cola»; в 2011 году компания «Pepsi Co» приобрела контрольный пакет акций «Вимм-Билль-Данн»; холдинг ЮТВ продал 49 % акций компании «Walt Disney». На глобальном же уровне объем приобретений в сегменте слияний и поглощений, которые осуществили ТНК в одном только 2015 году, составил почти 400 млрд долларов³⁵.

Факторы влияния иностранных прямых инвестиций на принимающую национальную экономику можно разделить на прямые и внешние.

³⁴ Дранкин И., Лукьянов С., Бокова А. Влияние прямых иностранных инвестиций на внутренние инвестиции в российской экономике // Вопросы экономики. – 2020. – № 5. – С. 81.

³⁵ World Investment Report / UNCTAD. – Geneva. – 2015. – Pp. 18, 146.

Прямые факторы могут влиять на:

- рост ВВП;
- сокращение безработицы;
- увеличение поступлений в госбюджет;
- диффузию знаний, возникновение и распространение в стране новых технологий и инноваций. Национальным компаниям, находящимся в непосредственной близости к более эффективным иностранным корпорациям, проще заимствовать продвинутые технологии в сфере производства и управления, чтобы впоследствии использовать их для повышения собственной эффективности.

Очевидно, что прямые факторы положительно влияют на экономическое развитие принимающей страны.

Внешние факторы обычно способствуют следующим обстоятельствам:

- сокращению прибыли и возможному уходу с рынка неэффективных с точки зрения конкурентоспособности национальных компаний, которые не выдерживают конкуренции с имеющими большие, прежде всего, технологические возможности, а значит, и более эффективными иностранными фирмами. Данные обстоятельства обычно возникают в рамках одной отрасли, поэтому их называют внутриотраслевыми или горизонтальными;
- снижению рыночной доли национальных игроков в результате появления на рынке новых мощных участников в лице иностранных ТНК.

Очевидно, что внешние факторы обычно имеют отрицательное воздействие на положение национальных компаний. Однако ситуация не однозначна, так как в более длительной перспективе взаимодействие зарубежных и национальных компаний может способствовать росту эффективности последних и возвращению ими части ранее утраченной доли на рынке.

Основную роль в возникновении положительного воздействия данных процессов на национальные компании и экономику

в целом играет распространение знаний и современных технологий. В качестве такого положительного влияния можно привести пример Китая в плане абсорбции современных западных технологий и на их основе создания собственных.

Роль ПИИ в технологическом развитии КНР весьма значительна. За один лишь период 2010–2019 гг. 20 крупнейших зарубежных ТНК (в частности, Amazon, Alphabet, Volkswagen, и др.) выполнили в Китае 73 проекта в сфере R&D. Причем, если в начале 2000-х годов создание зарубежными фирмами в Китае центров R&D было связано преимущественно с низкой стоимостью земли, рабочей силы и капитала, то в настоящее время приоритетным фактором для локализации R&D стало наличие в стране высококвалифицированных специалистов и технологий³⁶. Именно фокусирование на двух этих факторах дало Китаю возможность к середине 2000-х гг. сконцентрироваться на производстве собственных НИОКР. При этом следует подчеркнуть тот факт, что успехи Китая в технологической сфере связаны, в том числе, с приоритетным финансированием сферы R&D, которое в последние 20 лет, с начала 2000-х гг., выросло почти в 50 раз и составило в 2019 г. порядка 450 млрд. долларов. Это позволило стране занять по данному показателю второе место в мире после США³⁷.

В российской и зарубежной литературе рассматривают также внешние вертикальные факторы или факторы влияния ПИИ «вниз» («нисходящие внешние эффекты»³⁸. Это факторы влияния зарубежных ТНК на поставщиков в принимающей стране, воздействующие как положительно, так и отрицательно на национальную экономику. В случае увеличения прибыли национальных компаний, производящих промежуточные продукты (полуфабрикаты) для иностранных ТНК, возникают положи-

³⁶ Хейфец Б. Технологическое возвышение Китая: новые вызовы для России // Вопросы экономики. – 2020. - № 6. – С. 111.

³⁷ Хейфец Б. Указ. Работа. – С. 110.

³⁸ Global Value Chains: Investment and Trade for Development. – United Nations publication. – World Investment Report. – New York and Geneva, 2013.

тельные эффекты от прихода иностранных прямых инвестиций. Однако в случае прихода зарубежных ТНК в отрасль конечного продукта, при снижении прибыли национальных поставляющих компаний, налицо – отрицательные последствия для национального бизнеса. В основном, отрицательное влияние ПИИ от вертикальных внешних эффектов «вниз» связано с тем, что иностранные ТНК, действующие на территории России, в процессе своей производственной деятельности применяют преимущественно импортные комплектующие, так как российские производители не могут обеспечить их адекватными с технологической точки зрения полуфабрикатами. Аналогично можно охарактеризовать влияние факторов, возникающих в цепочке «зарубежный поставщик – российский покупатель», заключающихся в действии вертикальных «восходящих» эффектов от ПИИ – «вверх».

Отраслевое (горизонтальное) и межотраслевое (вертикальное) влияние ПИИ на принимающую экономику различно. Вытеснение национальных компаний с рынков происходит обычно лишь в первом случае. Напротив, в случае значительной разницы в уровнях технологического развития между иностранной ТНК и национальными компаниями, именно на межотраслевом уровне наиболее вероятно получение положительного эффекта от прямого инвестирования.

Следует отметить, что в различных российских регионах качество рыночной среды различно. Это сказывается на степени влияния ПИИ в контексте технологического трансфера. В целом более сильное влияние внешних эффектов ПИИ имеет место в регионах с большим количеством высококвалифицированных человеческих ресурсов, а также с более высокой инновационной активностью. Преимущественно это центральные и западные регионы РФ. Здесь национальный бизнес в большей степени сталкивается с угрозой вытеснения со стороны иностранных компаний, но, с другой стороны, обладает и большей способностью абсорбировать новые технологии и конвертировать в долгосрочном периоде присутствие иностранных ТНК в свою пользу.

Известно, что ТНК совершают очень крупные инвестиции в исследования и развитие, на которые приходится порядка 80 % всех мировых расходов на R&D³⁹. Но эти инвестиции сосредоточены в основном в материнских компаниях, а не в зарубежных филиалах. Выстраивая цепочки создания стоимости, ТНК контролируют их ключевые фрагменты – научные исследования и разработки, использование интеллектуальной собственности (патенты, лицензии, ноу-хау), финансирование, маркетинговые и рекламные услуги – удерживая их за материнскими фирмами. В результате на долю производящих или сборочных филиалов приходится всего лишь несколько процентов добавленной стоимости, а основные финансовые потоки концентрируются в материнской компании. Аналогично выглядит распределение добавленной стоимости между материнской фирмой и ее аффилированными компаниями в развивающихся странах и в случаях производства гораздо более простых, средне- или низкотехнологичных товаров. Стратегическое значение такого распределения цепочек стоимости состоит в том, что материнские компании ТНК блокируют перемещение исследований и разработок за пределы стран базирования, тем самым препятствуя самостоятельному научно-технологическому развитию стран, где расположены их филиалы. В случае же более простых товаров ТНК получают львиную долю прибыли за счет услуг логистики, дистрибуции, маркетинга и конечных продаж.

Следует отметить, что передача новых технологий в отделения или филиалы ТНК в России возможна, но наиболее широко такие технологии передаются в виде ввоза в страну готовых высокотехнологичных изделий, хотя и здесь всегда действовали ограничения, связанные как с государственной политикой, так и с политикой самих корпораций. В меньшей степени ТНК склонны идти на передачу наиболее современных производственных технологий, хотя это возможно в случае реализации крупных проектов, открывающих для них значительные выгоды.

³⁹ World Investment Report / UNCTAD. – Geneva, 2018.

Положительным примером могут служить совместные предприятия ВСМПО-Ависма с Боингом Ural Boeing Manufacturing (UBM) и французской Figeac Aero, которые производят титановые детали и заготовки для Boeing и Airbus Industrie. Заинтересованность столь мощных партнеров в продукции из России обусловила поставку на эти предприятия самого современного оборудования и ноу-хау по обработке титановых деталей. Такое современное производство позволяет ВСМПО-Ависма выступать также поставщиком для компаний Snecma, Rolls Royce, Pratt & Whitney, Honeywell, Embraer, Commercial Aircraft Corporation of China.

В целом, крайне маловероятно развертывание зарубежных ТНК каких-либо значимых НИОКР на территории России. Гораздо активнее они приобретают готовые результаты российских НИОКР и совершают сделки по переуступке прав на российские патенты в свою пользу.

В условиях необходимости решения проблем, связанных с модернизацией российской экономики, стоит задача максимального использования прямых иностранных инвестиций в качестве инструмента трансфера технологий для повышения эффективности национальных компаний, роста их конкурентоспособности, развития бизнеса на современном технологическом уровне.

Лицензирование

Все большую роль в качестве канала международного трансфера технологий играет лицензирование. Но этот способ МТТ может создавать определенные сложности в случаях, когда между потенциальными партнерами по сделке существуют существенные различия в отношении их доступа к информации и знаниям. Использование лицензирования в качестве канала передачи современных технологий напрямую зависит от наличия технических навыков, а также научно-исследовательской и опытно-конструкторской базы, без которых весьма затруднительна адаптация новых технологий и обучение персонала⁴⁰.

⁴⁰ World Investment Report. / UNCTAD. – Geneva, 2007.

Поэтому использование лицензирования в качестве способа МТТ связано с уровнем научно-исследовательского и технологического развития экономики в целом и обычно более распространено в развитых и ряде быстро развивающихся стран (таких, как Россия, Китай, Бразилия). Эффективное функционирование этого способа трансфера технологий предполагает наличие в конкретной стране достаточно развитой функциональной инновационной системы, а также способность частных фирм к адекватной абсорбции технологий.

Следует отметить, что США и страны ЕС являются крупнейшими получателями и в то же время плательщиками лицензионных платежей и роялти. По оценкам ВТО, совокупная доля государств Северной Америки и 28 стран-членов ЕС в общемировых продажах объектов интеллектуальной собственности в 2016 г. равнялась практически 75% и составляла 235 млрд. долларов⁴¹. Одна из причин такого лидерства – высокие объемы внутрифирменной торговли технологиями. Так, 60 % американского экспорта объектов интеллектуальной собственности приходилось в 2012 году на отчисления материнским компаниям от дочерних компаний, расположенных в других странах⁴².

2.3. Способность к абсорбции современных технологий – ключевой фактор эффективности МТТ

Ключевым фактором, влияющим на процесс распространения современных технологий и знаний, является способность к абсорбции.

Факторами, делающими возможным восприятие (абсорбцию) знаний и технологий и их имплементацию, являются:

- наличие соответствующего человеческого капитала;

⁴¹ *Лихачев В.* Международный трансфер технологий: основные тенденции и позиции России // Российский внешнеэкономический вестник. – 2017. – № 10. – С. 35.

⁴² *Шакиров А.* Противодействие США нарушениям прав интеллектуальной собственности на международных рынках // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2012. – № 4. – С. 115.

- определенный уровень научного и технологического развития;
- доступ к адекватному финансированию;
- наличие соответствующей технологической инфраструктуры.

Анализ, в качестве канала МТТ, прямых иностранных инвестиций в развивающихся и «догоняющих» странах свидетельствует о том, что чем больше технологический разрыв между страной-инвестором и страной-реципиентом ПИИ как источником современных знаний и технологий, тем меньше их влияние на экономический рост в последней⁴³. Наличие собственных R&D выступает в качестве одного из приоритетных факторов, усиливающих способность фирм ассимилировать и использовать внешние знания.

Следует отметить, что влияние собственных R&D на способность к абсорбции менее выражено в экономиках развитых стран, входящих в ОЭСР. Возможно, это связано с их ориентацией в сфере R&D не на абсорбцию внешних, а на создание собственных новых технологий⁴⁴.

Важнейшим фактором, определяющим способность к абсорбции и применению современных технологий, является наличие адекватного человеческого капитала и образования. Достаточное количество высококвалифицированных работников, способных воспринимать и распространять новые знания и технологии, является необходимым условием, оказывающим влияние на эффективность процесса МТТ. В свою очередь, это предполагает определенный уровень качества научной инфраструктуры и высших образовательных учреждений, а также налаживание системы отношений между образовательными и научными институтами, с одной стороны, и предприятиями –

⁴³ *De Mello Jr.* Foreign direct investment in developing countries and growth: A selective survey // *The Journal of Development Studies*. 34(1). – 1997. – P. 1–34.

⁴⁴ *Kneller R.* Frontier technology, absorptive capacity and distance // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, 67(1). – 2005. – P. 1–23.

с другой. Не менее важным является обеспечение доступа к соответствующему финансированию. Целевое финансирование и поддержка цепочек «университеты – компании» стимулирует образование экосистем, где эксперты с необходимым уровнем компетенции разрабатывают инновационные продукты. Если же это не представляется возможным, проблема решается с помощью стратегий по привлечению иностранных работников или обучения своих сотрудников за рубежом. Еще одним способом повышения технологического уровня местных фирм является стимулирование создания партнерств между национальными компаниями и зарубежными фирмами⁴⁵.

Стратегии, облегчающие инвесторам доступ к человеческому капиталу в технологически интенсивных областях, достаточно широко применяются в экономически развитых странах, где они принимают форму связей между техническими школами и предприятиями. Например, с начала 2000-х годов Управление омбудсмана Республики Корея активно продвигает рекрутинг (для работы в иностранных инвестиционных компаниях) выпускников вузов непосредственно в кампусе. Этот процесс представляет собой набор квалифицированных сотрудников из бывших студентов для таких технологически интенсивных отраслей, как автомобилестроение, электроника и Ай-Ти⁴⁶. Аналогичные стратегии начинают применяться в последние годы и в Российской Федерации.

Способность к абсорбции знаний и технологий тесно связана с общим предпринимательским климатом в стране и наличием соответствующей инфраструктуры, создающим для местных компаний возможность адекватно отвечать на конкретные условия, связанные с технологическим обменом. Необходимым

⁴⁵ *Ejiwale, J.* Breaking Impediments to Technology Transfer through Foreign Trained Nationals // International Journal of Business, Humanities and Technology. – 2014. – 4(4).

⁴⁶ *Kim L.* Technology Transfer & Intellectual Property Rights. The Korean Experience / UNCTAD-ICTSD Project on IPRs and Sustainable Development // Intellectual Property Rights and Sustainable Development. – June 2003.

условием является, в частности, возможность для компании или предприятия получать финансирование на развитие R&D или на внедрение современных технологий и инноваций. Слабое развитие местных финансовых институтов или ограниченные корпоративные финансовые ресурсы могут стать серьезным препятствием на пути осуществления МТТ. В качестве негативного фактора может выступать также отсутствие конкуренции в местной деловой среде, отрицательно сказывающееся на стоимости инвестиций и себестоимости производства и, соответственно, снижающее стимулы к инновационному развитию. В этом случае задачей правительства является обеспечение необходимых условий для развития конкуренции, создающей для местных фирм стимулы к развитию инноваций.

Таким образом, уровень экономического, технологического и институционального развития конкретной страны в значительной степени определяет ее способность к абсорбции современных технологий. Зачастую это связано с более широким спектром стратегий и инструментов, которые сложно реформировать за короткое время. Однако существует убедительное свидетельство того, что выбор правильной стратегии как на национальном уровне, так и на уровне фирмы, значительно повышает способность к технологической абсорбции.

Примером эффективной государственной политики, направленной на повышение абсорбционного потенциала, в частности, в области производства возобновляемых видов энергии, может служить Китай, осуществляющий в течение 15-ти лет, начиная с 2005 года, государственную стратегию в сфере стимулирования производства ветряных двигателей. В 2005 году в КНР появился закон о производстве возобновляемых видов энергии, который делал акцент на создание индустрии ветряных турбин и ставил задачу расширения возможностей китайских фирм по развитию инноваций в этой сфере. Правительство содействовало развитию R&D в этой области путем стимулирования сотрудничества местных и иностранных компаний, а также путем

стимулирования обучения работников специалистами из мультинациональных корпораций. В 2009 году, в целях повышения качества производства ветряных турбин, выпускаемых в стране, министерство финансов КНР отменило пошлины на вводимые турбины. Но это касалось только тех производителей, которые достигли определенного минимума производства, воспитали профессиональную команду работников в сфере R&D и параллельно обладали определенным опытом производства в электротехнике и машиностроении. Эти меры способствовали развитию технологического сотрудничества и созданию китайских учреждений в сфере НИОКР, а также существенно расширили возможности партнерства китайских предприятий с иностранными фирмами⁴⁷.

Большинство развивающихся стран применяют различные стратегии, связанные с административными упрощениями, стимулирующими рост абсорбционной способности применительно к конкретным секторам и технологиям. Так, в Индии, применительно к тому же сектору производства возобновляемых видов энергии, правительство ослабило налоговые требования к компаниям, инвестирующим в обучение своего персонала за границей. Это расширило их возможности для технологического обучения и тренингов персонала за рубежом, а также для участия в зарубежных совместных предприятиях и дочерних компаниях⁴⁸. Основным механизмом получения технологий стало участие индийских компаний в стратегических инвестициях, направленных на развитие в данной сфере. Одновременно происходило укрепление потенциала страны в области технологических инноваций⁴⁹. В результате в настоящее время

⁴⁷ *Sklarew, J.* How can China and India serve as models for developing nations striving to build absorption capacity for renewable energy technologies // *Renewable Energy*. – L. & Pol'y Rev. – F. – 2011.

⁴⁸ См. там же.

⁴⁹ *Pradhan J. Singh N.* Outward FDI and Knowledge Flows: A Study of the Indian Automotive Sector // *International Journal of Institutions and Economies*. – 2009. – 1(1). – P. 156–187.

индийский сектор производства возобновляемых видов энергии демонстрирует стабильные темпы роста, а индийские компании активно работают на международном уровне. Так, индийская компания Suzlon, имея целью повышение технологического уровня, наняла на работу высококвалифицированный иностранный персонал, параллельно осуществляя обучение своих работников в Германии. Кроме того, компания заключила соглашение с немецкой фирмой Repower, целью которого было создание в Германии совместного индийско-германского Технологического центра возобновляемых видов энергии (Renewable Energy Technology Center – RETC). Такая практика широко применяется и рядом других индийских компаний, инвестирующих в R&D и устанавливающих стратегические партнерские отношения с иностранными фирмами⁵⁰. Индия также может служить примером структурированного подхода к упрощению секторальных административных мер, обеспечивая доступ ПИИ по «автоматическому маршруту» в приоритетных секторах, снижая тем самым бюрократическую нагрузку. Например, для заявителей из оборонного, телекоммуникационного и вещательного секторов не требуется разрешение Резервного банка Индии при создании филиала или совместного с иностранным партнером проектного учреждения.

Следующая диаграмма иллюстрирует объемы применяемых мер, стимулирующих МТТ, в различных странах мира (рисунок 1).

Мы видим, что стратегии по продвижению МТТ в меньшей степени применяются в развитых странах, чем в развивающихся и быстро растущих экономиках. Что касается Российской Федерации, то из данной диаграммы видно, что по объему мер, стимулирующих технологический трансфер, она находится где-то в середине между быстро растущими экономиками и развитыми странами.

⁵⁰ Sklarew, J. How can China and India serve as models for developing nations striving to build absorption capacity for renewable energy technologies. // *Renewable Energy*. – L. & Pol’y Rev. – F. – 2011.

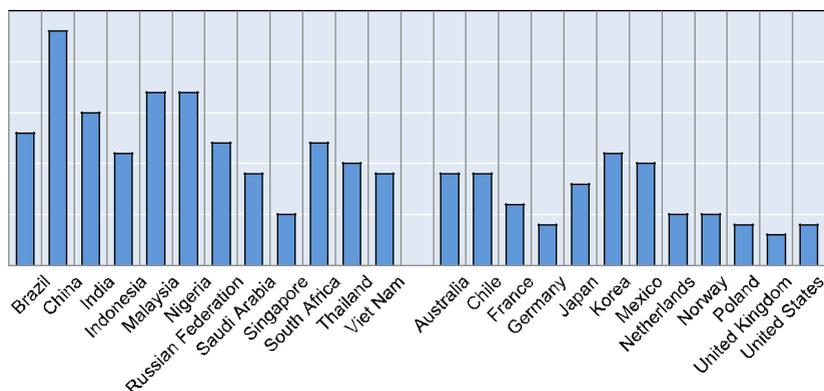

Рисунок 1 – Применение стратегий в сфере МТТ по странам мира.

Источник. OECD, 2017; OECD, 2016; OECD, 2015a

Выводы:

Применение государственных стратегий, стимулирующих инвестирование частных фирм в R&D, подготовку высококвалифицированной рабочей силы, а также обеспечение доступа к ней, имеет приоритетное значение для создания возможности абсорбирования и распространения технологий. Это особенно актуально для стран с более низким уровнем экономического и технологического развития. Важнейшими факторами, стимулирующими МТТ в принимающих странах и непосредственно связанными с деятельностью государства, являются также: адекватное государственное финансирование сферы R&D, наличие соответствующей институциональной инфраструктуры и общего уровня образования. Все эти факторы способствуют осуществлению МТТ, необходимого для создания и укрепления инновационно-технологического потенциала национальных экономик.

Наряду с торговлей высокотехнологичными товарами и технологиями, а также продуктами интеллектуальной собственности, функционирование глобальных цепочек создания стоимости генерировало появление новых возможностей для применения трансфера технологий, что, в свою очередь, требует координации экономической политики разных стран. Эти факторы

привели к возникновению множества новых проблем и повлияли, в частности, на ход дискуссии о роли открытости в стратегиях в области технологий и инноваций.

В современной мировой экономике знания и инновации становятся все более важным источником стабильных конкурентных преимуществ и важнейшим направлением государственной экономической политики. Все страны, независимо от уровня развития, заинтересованы в распространении современных знаний и используют стратегии, направленные на продвижение международного технологического обмена. Однако в развивающихся и быстро растущих экономиках такие стратегии используются шире. При этом акценты на различных элементах политики в области технологического обмена существенно отличаются в странах, находящихся на различных уровнях экономического и технологического развития. Хотя большинство современных технологий разрабатывается и управляется частными акторами, различные государственные стратегии и методы регулирования обмена технологиями как на национальном, так и на международном уровне, могут влиять на выбор конкретными компаниями своей политики, связанной с инновационным развитием, и тем самым формировать глобальное распределение связанных с технологическим обменом экономических выгод.

Обмен знаниями и навыками в различных областях науки и технологий оказывает глубокое длительное воздействие на траектории развития всех стран и на решение новых и старых проблем как в национальных, так и в международном масштабах. Пандемия Covid-19, с которой столкнулось сегодня человечество, как никогда прежде высветила еще большую потребность сосредоточиться на развитии науки, технологий и инноваций как в плане разработки теоретических направлений, так и в прикладном ключе. На передний план вышло требование ускорения научно-технологического сотрудничества и обмена технологиями – в данном случае, медицинскими, медико-биологическими – между странами в целях быстрого купирования воздействия коронавируса на людей и борьбы с ним, а также в направлении

разработки соответствующих стратегий на будущее. Постановка именно этой цели была озвучена на заседании Комиссии ООН по развитию науки и технологий (The United Nations Commission on Science and Technology for Development (CSTD), состоявшемся в мае 2020 года⁵¹.

В свою очередь, на Конференции по науке, инновациям и информационно-коммуникационным технологиям Экономической комиссии ООН по странам Латинской Америки и Карибского бассейна (United Nations Economic Commission for Latin and the Caribbean – ECLAC), в докладе исполнительного секретаря Комиссии Алисии Барсена было сказано: «Пандемия вскрыла необходимость подхода, выходящего за рамки национальных границ и усиливающего региональную интеграцию на базе объединения научно-технологических и производственных систем национальных государств. Человечество лихорадочно ищет способы выработки вакцины и средств лечения нового опасного вируса, и именно сейчас важнейшее значение приобретают совместные скоординированные усилия разных стран. Пандемия заставила нас перейти к новым направлениям работы, обучения и отношения друг к другу. Мы знаем, что сегодняшний кризис требует немедленного вклада науки, технологий и инноваций в преодоление новых угроз во время и после пандемии. На этом фоне абсолютно критичным фактором является связь науки, технологий и национальных производственных систем, а также межгосударственный обмен знаниями»⁵².

21 апреля 2020 года, в разгар пандемии, Европейская комиссия официально открыла новый портал, в рамках которого ученые из разных стран получили возможность делиться знаниями и результатами исследований по Covid-19. На этом портале уже публикуются различные научные и практические результаты – от геномных данных о вирусе до эпидемиологических исследований.

⁵¹ URL: <https://unctad.org/en/Pages/CSTD/CSTD-and-COVID-19.asp> (дата обращения: 11 июня 2020 г.)

⁵² URL: <https://www.cepal.org/en/pressreleases/contribution-science-technology-and-innovation-key-facing-challenges-health-industry> (дата обращения: 12.06.2020).

Портал заработал в рамках находящегося в стадии разработки так называемого проекта «Открытой науки». Процесс разработки данного проекта активно продвигается ЮНЕСКО и рядом других международных организаций. Он будет включать единые платформы с данными экспериментов и наблюдений, а также предоставит открытый доступ к экспертизе, публикациям и даже научной инфраструктуре разных стран. Пандемия существенно ускорила процесс разработки данного проекта. Считается, что такое сотрудничество является беспрецедентным. При этом темпы обмена современными технологиями и соответствующей информацией в разы превышают те, которые наблюдались 30 лет назад, во время координации усилий в борьбе с ВИЧ. Мы наблюдаем сегодня новый этап выработки стратегий по международной координации в обмене знаниями и технологиями, научной кооперации разных стран. Данный опыт, коснувшийся в настоящее время, прежде всего, медицинской и медико-биологической сфер знаний, может применяться в будущем и при решении других проблем и вызовов, стоящих перед человечеством – экономических, социальных, климатических, психологических и т. д. Следует отметить, что в мире начинает наблюдаться осознание необходимости применения комплексного подхода к решению серьезных проблем, не ограничивающегося одной областью знаний. В качестве примера можно привести создание в апреле 2020 года в Финляндии Научной комиссии, в задачу которой входит оценка последствий кризиса, вызванного пандемией, в области экономики, социального развития, психологии и т. д. В комиссию вошли экономисты, специалисты в области психологии, поведенческих наук, экономики социальной сферы, образования, наук об окружающей среде⁵³. Есть основания полагать, что в будущем можно будет наблюдать междисциплинарную международную кооперацию и обмен знаниями в рамках различных направлений развития науки и технологий.

⁵³ *Дежина И.* Международное научное сотрудничество: что меняет пандемия? – 2020. – Май. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnoe-nauchnoe-sotrudnichestvo-chto-menyaet-pandemiya/> (дата обращения: 11.07.2020).

ГЛАВА 3. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ЭФФЕКТИВНЫХ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЙ

3.1. Основы построения промышленного сектора Южной Кореи

Среди стран Восточной и Юго-Восточной Азии Республика Корея занимает особое место. По своим масштабам страна выделяется из группы «азиатских тигров» (Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг). По сравнению с Малайзией, Таиландом, Филиппинами и Индонезией Южная Корея обладает более мощной и диверсифицированной промышленностью и имеет заметно более высокие душевые показатели ВВП. Ей принадлежало и принадлежит первое или одно из первых мест в мировом экспорте судов, полупроводников, стали, электронной бытовой техники, автомобилей.

В 60-е годы XX века президент Южной Кореи генерал Пак Чон Хи начал промышленные и экономические реформы. Была разработана программа развития промышленного сектора экономики, преобладающая ориентация на экспорт подкреплялась тесными отношениями с США, предполагалось брать иностранные займы, приобретать сырье и современные технологии, а полученную прибыль вновь пускать на приобретение сырья и техники. Корейские реформаторы сделали вывод, что стабильная экономика должна опираться на крупные концерны, но создавать таковые следовало в кратчайшие сроки, поэтому самым выдающимся бизнесменам Кореи правительство предоставило кредиты и займы под государственные заказы, при этом определенные правовые и налоговые послабления предоставили возможность маленьким предприятиям вырасти до обширных конгломератов. Среди удачливых предпринимателей оказался и Ли Бён Чхоль.

Его освободили из тюремного заключения и назначили главой корпорации Samsung.

Таким образом, были созданы 30 крупных компаний (чёболи – «денежные семьи»). Среди них, помимо Samsung, были Daewoo, Hyundai, Honda, Goldstar (LG) и др. У каждой «денежной семьи» было свое направление: Daewoo – это производство автомобилей, Goldstar (LG) – бытовая техника Samsung – электроника, Hyundai – строительство и т.д. Экономика развивалась в тот период стремительными темпами – от 6 до 14 % в год. Прирост экспорта в этот период составил 30 %. Отметим также, что в 1969 году, когда компания Samsung, после объединения с Sanyo, начала производство черно-белых телевизоров, в самой Корее они имелись только у 2 % жителей.

Объединение Sanyo и Samsung положило начало одному из крупнейших секторов Samsung Group – Samsung Electronics. Компании удалось, хоть и с большими убытками, пережить экономический кризис 80-х годов ценой закрытия нескольких непрофильных подразделений, да и количество дочерних компаний резко сократилось. И уже в скором времени доход компании вновь показал динамику роста.

В 1983 году было открыто производство персональных компьютеров.

В 1991–1992 годы завершилась разработка персональных мобильных устройств и мобильной телефонии. И, наконец, в 1999-м премия журнала Forbes Global в сфере производства бытовой электроники была присуждена компании Samsung Electronics.

На данный момент Samsung является лидером в области полупроводникового и телекоммуникационного оборудования, а также в сфере разработки и внедрения цифровых технологий. Отделения компании открыты более чем в 50 странах мира, а продажи составляют около 50 млрд долл. США.

Чёболь, или финансово-промышленные группы, играют главную роль в экономике Южной Кореи. Чёболь – южнокорейская форма бизнес-конгломератов, представляющая собой

группу формально самостоятельных фирм, находящихся в собственности определенных семей и под единым административным и финансовым контролем. Основной род деятельности чёболь включает машиностроение, приборостроение, текстильную, электротехническую, судостроительную, автомобилестроительную, нефтехимическую отрасли промышленности, капитальное строительство, транспорт и т. д.

В последнее время роль чёболь распространилась далеко за пределы «страны утренней свежести», и уже сегодня эти финансово-промышленные конгломераты существенно влияют на мировое производство, технологию и торговлю. По своей структуре чёболь напоминают японские дзайбацу. Возникновение первых чёболь относится ещё к периоду японского колониального господства в Корее. Большинство из них имеет семейно-клановый характер, они построены главным образом по вертикали, объединяя компании, действующие в разных отраслях промышленности.

Правительство поощряло и всячески поддерживало рост чёболь путем слияния, укрупнения и расширения их производственной и финансовой базы. Наиболее активно этот процесс проходил в 80-е годы XX века. Число фирм, входящих в финансово-промышленные группы только в 80-е годы возросло с 400 до 850.

По совокупному показателю концентрации производства и капитала чёболь значительно опережают японские монополии. Четыре южнокорейские чёболя входят в число ста крупнейших ТНК, в то время как 50 чёбелей создают 48 % ВВП Республики Корея, а на 30 чёбелей приходится примерно 50 % экспорта Южной Кореи.

Особую роль сыграли южнокорейские монополии в процессе интеграции Южной Кореи в мировое хозяйство. Динамичный рост чёболь, ориентация на внешний рынок постепенно способствовали их превращению в ТНК, которые являются основной интегрирующей силой мировой экономики. Из общего числа

крупных корейских фирм к ТНК можно отнести около 20 чёболь, это прежде всего Samsung, Hyundai, Daewoo, «Лаки Голдстар», «Санкёнг», «Лотте», Ssang Yong и др. Именно эти фирмы явились проводниками политики экспортной ориентации. Благодаря высокой конкурентоспособности южнокорейских товаров и агрессивной торговой политики чёболь, Южной Корее удалось занять весьма твёрдые позиции на многих мировых товарных рынках.

Вкратце можно разбить ведущие конгломераты по следующим отраслям:

Автомобилестроение – «Hyundai Моторс» (47 %), «Daewoo Моторс» (18 %) и «Kia Моторс».

Судостроение – «Hyundai», «Daewoo», «Samsung» и «Кориа шипбилдинг энд инжиниринг» – 90 % всех мощностей.

Электротехническая промышленность – «Лаки Голдстар», Samsung, Daewoo и Hyundai, практически все производство микроэлектроники, компьютеров, телевизоров и т. д.

Эта же четверка занимает лидирующее положение в химической индустрии и машиностроении, однако в этих отраслях экспортная деятельность не столь активна и результативна. Освоение данных рынков началось сравнительно недавно.

Что касается строительной индустрии, то степень монополизации в этой отрасли значительно ниже. Здесь действуют более 40 крупных компаний. В основном это специализированные подрядчики, предлагающие полный цикл услуг – от проектирования до строительства. Однако и в этой отрасли сильно влияние «Большой четверки». В частности, Samsung стал первой корпорацией, которой удалось в 70-х годах выйти на рынок строительных услуг Ливии, Ирана, Ирака, а в 80-е годы – на рынки Ближнего Востока, Южной Америки, Юго-Восточной Азии и Африки.

Следует также отметить текстильную промышленность, где 65 % южнокорейского экспорта приходится на «Daewoo текстайл кампани». Как и другие чёболь, эта компания также меняет свою экономическую политику и переходит к экспорту капитала

в места сбыта продукции. Таким образом, создаются совместные предприятия в странах-импортерах.

Специфической чертой чёболь считается их «независимость» друг от друга. Если в других странах, где действуют промышленные группы, обязательно прослеживаются значительные и тесные связи между ними – такие как создание СП, открытые директораты, совместное владение акционерным капиталом и т. д., то в Южной Корее ничего подобного не происходит, каждая группа абсолютно независима от других. Хотя и здесь под давлением государства было создано несколько совместных предприятий.

Другой специфичной чертой является «четкость границ» – подчинённость головной компании всегда определена и однозначна, так же как и её руководству – «принцип единоличного контроля». Не только права на владение компанией принадлежат одной семье, но и, как правило, контроль над работой этой компании в целом концентрируется в руках одного человека – хведжана. Как будет отмечено далее, акции в таких фирмах распределяются между членами семьи, это производится главным образом в целях снижения налоговых выплат и выполнения установленных законом пределов единоличного владения акциями одной фирмы.

Промышленная структура чёболь также весьма специфична. В первую очередь, необходимо отметить необычайное разнообразие отраслей, в которых может работать одна и та же чёболь, а также исключительную широту ассортимента производимых товаров. Так, одна из крупнейших чёболь Samsung имеет свои мощности в текстильной промышленности, целлюлозно-бумажной, в производстве микросхем, кинескопов, электрического оборудования, металлообрабатывающих станков, военной техники, в судостроении, оптовой и розничной торговле, имеет свою страховую компанию, свою газету, радиостанцию, гостиницы, клиники и даже университеты.

Структура крупнейших финансово-промышленных групп в целом идентична. Они представляют собой объединения

на холдинговой основе различных компаний, осуществляющих единую политику и находящихся под единым руководством. Планирование и управление осуществляется советом директоров, возглавляемым основателем чёболя (или его преемником – крупнейшим акционером) и формируемым обычно на основе семейных связей. Так, до начала 1987 года председателем совета директоров Hyundai был её основатель Чон Джу Ёнг, в 1987-м Чон стал «почетным председателем», уступив свое место младшему брату Чон Сё Ёну. Принцип наследования власти характерен для деятельности других чёболей: семейство Ли контролирует Samsung, Ким – Daewoo, кланы Ку и Ха – «Лаки Голдстар». Элементы демократизма допускаются только в тех случаях, когда возникает необходимость избрать президента из нескольких родственников и глава клана не может осуществить выбор.

С конца 80-х годов прослеживается стремление чёболей повысить эффективность работы за счет реорганизации структуры управления – через уменьшение степени централизма в решении стратегических вопросов и развития демократической инициативы в низах. Конфуцианская модель управления и семейная собственность ведут к подавлению творческой инициативы и «обюрокрачиванию» процесса управления.

Дальше всех в реорганизации процесса управления продвинулся Samsung. Его структура управления выглядит следующим образом. Совет директоров имеет в своём ведении комитет по управлению и ревизионный орган. Комитет по управлению, в свою очередь, подотчётен ревизионному органу и контролирует деятельность комитетов экспертов (технического и коммерческого) и всех отделов чёболя. В результате реорганизации Samsung удалось диверсифицировать источники экономической и технологической инициативы.

Материально-техническое снабжение компаний внутри чёболя происходит на основе хозяйственных договоров в соответствии с планом развития группы. Поставки осуществляются по внутренним ценам, на которые больше влияет ценовая политика чёболя, чем реальный уровень цен.

Компании одного чёболя могут осуществить взаимные инвестиции и кредитование, причём под более низкие проценты, чем на рынке капитала. Такое положение снижает уровень конкурентной борьбы, негативно сказывается на деловой активности фирм.

В области распределения прибыли сохраняется большая самостоятельность фирм. Вместе с тем в Южной Корее отработан механизм восполнения потерь нерентабельных компаний за счёт прибылей наиболее рентабельных корпораций одной и той же группы.

3.2. Опыт КНР в реализации эффективных индустриальных стратегий

Четвертая промышленная революция, безусловно, ведёт к усилению связей национальных экономик на глобальном уровне. С другой же стороны, как показывает опыт, следует ожидать ещё большего обострения противоречий интересов участников процесса глобальной конкуренции. В XXI веке возросло напряжение на мировых рынках ресурсов и благ. В новых условиях конкурентная борьба будет определяться изменённой конфигурацией мировой экономики и положением основных участников. Сферы влияния и доминирование на рынках определяются величиной и силой капитала⁵⁴.

В докладе, сделанном на 19-м съезде КПК (2017, октябрь) указывается, что, перейдя от высоких темпов роста к высококачественному развитию, китайская экономика в настоящий момент находится на стадии преодоления труднейших барьеров в трансформации форм развития, оптимизации экономической структуры и замещения старых драйверов развития. Насущным требованием и стратегической целью развития Китая было выдвинуто создание модернизированной экономической системы, которая способна преодолеть эти барьеры. На первое место в этом

⁵⁴ Си Цзиньпин принял участие в 19-м заседании СГГ ШОС и выступил с важной речью // Контимост. – 2019. – № 7(19). Июль. С. 17.

процессе выдвигается качество при приоритете эффективности. Основной линией авторы трансформации экономики считают проведение структурной реформы в сфере предложения. В контексте экономического развития они выдвигают необходимость стимулировать ряд преобразований, нацеленных на повышение качества, рост эффективности и трансформацию движущих сил, рост общей факторной производительности. Необходимо сосредоточить силы на ускоренном создании производственной системы, обеспечивающей скоординированное развитие реального сектора экономики, научно-технических инноваций, современного финансового сектора и людских ресурсов, на формировании экономической системы, отличающейся эффективностью рыночных механизмов, жизнеспособностью микросубъектов и умеренностью макрорегулирования, постоянно наращивать инновационный потенциал и конкурентоспособность китайской экономики (таблица 2)⁵⁵.

В марте 2015 года в КНР был опубликован важнейший документ – «Концепция и план действий по продвижению и совместному созданию “Экономического пояса Шелкового пути” (ЭПШП) и “Морского Шелкового пути XXI века”». Первоисточник, изданный с санкции Госсовета КНР, был подготовлен тремя ведомствами – Госкомитетом по делам развития и реформ, Министерством иностранных дел и Министерством коммерции, документ получил название «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути XXI века”». Официальная риторика Пекина нашла отражение в публикациях большинства китайских ученых, которые отмечают, что ускоренное строительство «Пояса...» и «...Пути» будет способствовать экономическому развитию, стимулировать региональное взаимодействие, укреплять взаимопонимание между различными культурами стран, располагающихся вдоль

⁵⁵ Сокращенная версия доклада главы КНР Си Цзиньпина в журнале // *Контимост*. – 2019. – № 7(19). Июль. – С. 8.

Экономического пояса Шелкового пути. А в целом его направленность – на поддержание мира и всеобщего развития.

Геополитический проект «Один пояс, один путь» предполагает реализацию всех новых технологических достижений. Реализация этого проекта направлена на т. н. «мирное доминирование» Китая в экономическом пространстве, объединяющем континенты и страны. Возрождающаяся пассионарность Китая имеет шанс влияния на цивилизационное развитие в XXI веке⁵⁶.

Реализация проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь» должна осуществляться на принципах общих консультаций, совместной работы и взаимной выгоды, а также должны предприниматься попытки интеграции стратегий развития стран-участниц.

КНР планирует использовать свой проект в качестве огромного механизма приложения капитала, технологий, оборудования и рабочей силы в страны Центральной Азии, которые остро нуждаются в строительстве транспортных объектов. Перечень сделок, заключенных в рамках концепции ЭППП, подтверждает, что прокладка транспортных артерий не является главной целью китайских инвестиций. Китай вкладывает основные средства в энергетику, сырьевые отрасли, сферу услуг, обрабатывающую промышленность, телекоммуникации и недвижимость, совмещая достижение экономических целей по вхождению своего капитала в экономику других стран с геополитическим расчетом превращения Китая во вторую глобальную державу⁵⁷.

Из официальной доктрины (Концепция и план действий по продвижению совместного создания «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века») следует, что одной из ключевых целей «Одного пояса, одного

⁵⁶ Си Цзиньпин принял участие в 19-м заседании СГГ ШОС и выступил с важной речью // Контимост. – 2019. – № 7(19). Июль. С. 17.

⁵⁷ Посол Кыргызстана в КНР: «Визит Председателя КНР заложит основу для новых договорённостей и новых направлений взаимодействия между двумя странами»// Контимост. – 2019. – № 7(19). Июль. – С. 23.

Таблица 2 – Динамика реального ВВП некоторых стран мира в 2011–2019 гг. (в % к предшествующему году)

Страны и регионы	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Мир	3,1	2,5	2,7	2,8	2,8	2,5	3,1	3,0	2,3
Развитые страны:									
США	1,8	1,3	1,5	2,0	2,4	1,7	2,5	2,3	1,7
ЕС	1,6	2,2	1,8	2,5	2,9	1,6	2,2	2,9	2,3
Германия	1,8	–0,4	0,3	1,7	2,4	2,0	2,6	2,0	1,7
Франция	3,9	0,4	0,4	2,2	1,7	2,2	2,5	1,5	0,8
Англия	2,2	0,3	0,6	1,0	1,1	1,1	2,3	1,7	1,3
Япония	1,5	1,5	2,1	2,6	2,4	1,9	1,9	1,4	1,2
Развивающиеся страны:									
Китай	9,6	7,9	7,8	7,3	6,9	6,7	6,8	6,6	6,1
Индия	5,2	5,5	6,4	7,4	8,0	8,2	7,2	6,8	7,3
Бразилия	4,0	1,9	3,0	0,5	–3,5	–3,3	1,1	1,1	2,1
Россия	4,3	3,7	1,8	0,7	–2,3	0,3	1,6	2,3	1,6

Источник: World Bank. 2020. Global Economic Prospects, January 2020: Slow Growth, Policy Challenges. Washington, 2020. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33044>.

пути» является желание создать транспортную инфраструктуру для доставки товаров в Европу.

Китайская инициатива «Одного пояса, одного пути» может быть направлена на создание новых неформальных институтов глобального управления и развития (типа G20), но уже не в западной, а в китайской версии.

Центральная Азия – это место, где впервые была выдвинута инициатива «Пояс и путь». Китай предпринимает реальные действия, чтобы с еще более высокой отправной точки продвигать строительство «Пояса и пути».

Лидеры ряда стран в ходе 19-го заседания Совета глав государств-членов ШОС высоко оценили достигнутый прогресс в совместном строительстве «Пояса и пути», подтвердив, что эта

инициатива совпадает с направлениями стратегий своих стран. Они выступают за углубление практического сотрудничества в таких сферах, как торговля, финансы, инвестиции, транспорт, энергетика, сельское хозяйство, инновации, высокие технологии и т. д.

Инициатива «Пояс и путь» укладывается в рамки другой инициативы о формировании единого азиатского сообщества с единой судьбой, инициированной Председателем КНР Си Цзиньпином в 2015 г. «В нынешних условиях следует придерживаться намеченных целей, совместно реагировать на возможности и вызовы, рука об руку создавать новую обстановку безопасности развития в Азии», – заявил лидер Китая на пятом саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия новой обстановке, обеспечивающей безопасность и развитие в Азии.

Создание открытой, инклюзивной, процветающей Азии является общим стремлением. Следует совместно продвигать либерализацию и упрощение процедур торговли и инвестиций, способствовать сопряжению стратегий развития, укреплять всестороннюю взаимосвязанность и содействовать высококачественному развитию разных стран.

По мнению лидера КНР, «...построение кооперативной и инновационной Азии является общей потребностью. Необходимо продвигать инновации в области теории, системы, науки и техники, культуры и стремиться находить новые решения для всех проблем и хорошие решения для новых вопросов в Азии».

Китай придерживается политики открытости и получения общего выигрыша, и потому делится возможностями развития с другими странами. Китай готов вместе с другими сторонами использовать общее строительство «Пояса и пути» в качестве платформы для международного сотрудничества и придать мощный импульс общему развитию.

Кыргызстан, являясь одним из западных соседей Китая, в сфере внешнеэкономических отношений рассматривает Китай в качестве главного партнера и заинтересован развивать взаимную

торговлю, диверсифицировать ее, продвигая совместные инвестиционные проекты, представляющие взаимный интерес. Две соседних страны, давние партнеры, имеют тесные связи и могут извлечь еще более значительные выгоды при реализации Инициативы пояса и пути (ИПП), провозглашенной руководством КНР.

Видение китайской стороной процесса взаимодействия с Кыргызстаном в рамках реализации инициативы ИПП наглядно показано в статье председателя КНР Си Цзиньпина. «Мы готовы к углублению сотрудничества с кыргызскими партнерами в рамках инициативы «Пояс и путь», в том числе активизации сопряжения национальных стратегий развития, к претворению в жизнь итогов Второго форума международного сотрудничества «Пояс и путь», к расширению сотрудничества в отрасли сельского хозяйства, проектов в сферах инфраструктуры, транспорта и коммуникаций, упрощению торговых и инвестиционных процедур. Мы приветствуем активное участие кыргызских компаний в Китайской международной выставке, готовы наращивать импорт высококачественной сельхозпродукции из Кыргызстана, оказывать посильную помощь и поддержку кыргызским друзьям в деле экономического развития и повышения благосостояния населения»⁵⁸.

Подтвердила безусловную общность этих планов и намерений Посол Кыргызстана в Китае К. Бактыгулова: «Кыргызская сторона всемерно поддерживает инициативу «Пояс и путь». На протяжении многих веков мостом дружбы, взаимного притяжения, познания и культурного обогащения служит Великий Шелковый путь, который в XXI веке становится инновационным рычагом для модернизации и объединения экономик всех заинтересованных государств».

«Инициатива «Пояс и путь» играет важную роль в содействии сотрудничеству и общему развитию стран и регионов,

⁵⁸ Сокращенная версия выступления главы КНР Си Цзиньпина в журнале // Контимост. – 2019. – № 7(19). Июль. – С. 17.

в защите и развитии мировой открытой экономики, а также в продвижении экономической глобализации», – сказала К. Бактыгулова. Она убеждена, что совместное строительство «Пояса и пути» будет способствовать экономическому развитию Кыргызстана, так как создает новые возможности для участия страны в региональном разделении труда и кооперации, международном бизнесе и инвестициях, развитии торговли товарами и услугами, а также в процессе создания новых рабочих мест.

В последние годы все яснее становится углубленное сопряжение инициативы «Один пояс, один путь» и Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018–204 гг., суть которого заключается в высококачественном совместном строительстве «Пояса и пути». Речь идет о реальном расширении сотрудничества в области строительства инфраструктуры, энергетики, сельского хозяйства, промышленности, взаимной связи и взаимного сообщения; о содействии упрощению процедур торговли и инвестиций, установлении тесных гуманитарных и местных обменов. Китайская сторона достигла ряда значительных результатов в области экономики и торговли с Кыргызстаном и Таджикистаном, уже подписано свыше 20 документов о сотрудничестве.

Торгово-экономические связи Китая с Таджикистаном и Кыргызстаном принесли богатые результаты уже первыми итогами совместного осуществления инициативы «Пояс и путь». Ниже приводятся главные факты и цифры об успехах, достигнутых за последние годы в рамках расширенных экономических связей между Кыргызстаном, Таджикистаном и Китаем.

Китай стал крупнейшим источником инвестиций и третьим по величине торговым партнером для Таджикистана. Внешнеторговый оборот двух стран в 2018 году достиг 1,51 млрд долл. США с приростом на 10 % в годовом выражении. На конец 2017 года объем прямых инвестиций Китая в Таджикистан составил 95,1 млн долларов.

Проект строительства ТЭС «Душанбе-2», запущенный совместно Китаем и Таджикистаном и выполненный в 2016 году,

обеспечивает электроэнергией 60 % населения столицы Таджикистана. Благодаря этой ТЭС центральное отопление было восстановлено в домах более чем 700 тысяч жителей Душанбе после 15-летнего перерыва.

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), многосторонний банк развития, организацию которого инициировал Китай, в 2016 году предоставил кредит в размере 27,5 млн долл. на финансирование проекта по улучшению дороги из Душанбе до границы с Узбекистаном, и 60 млн долл. в 2017 году для первой очереди проекта «Восстановление Нурекской гидроэлектростанции».

Китай на протяжении ряда лет является крупнейшим источником инвестиций, а также первым торговым партнером для Кыргызстана.

Реализация некоторых китайских проектов в Кыргызстане началась в 2013 году, еще до провозглашения ИПП руководством КНР. Некоторые проекты реализуются частными китайскими компаниями. Все эти виды деятельности и проекты можно рассматривать как прямой вклад в достижение целей ИПП по укреплению взаимосвязей региона и улучшению физической и институциональной инфраструктуры, содействующей расширению экономических и человеческих связей в большей части Евразии и за ее пределами (таблица 3).

Таблица 3 – Число действующих предприятий с участием иностранного капитала в отдельных странах СНГ и вне СНГ (единиц)⁵⁹

Показатель	Всего		В том числе, с полным участием иностранного капитала	
	2017	2018	2017	2018
Всего	3 107	3 177	1 779	1 847
Китай	574	639	397	446

⁵⁹ Статистический ежегодник: ст. сб. 2019. – Бишкек: Нацстатком КР, 2020. – С. 236–237.

В 2018 году объем двусторонней торговли составил 5,61 млрд долл., он вырос более чем в 150 раз по сравнению с первыми годами суверенного развития Кыргызстана, когда две страны установили дипломатические отношения (таблица 4).

Таблица 4 – Поступление в КР прямых иностранных инвестиций, по некоторым странам (в процентах к итогу)⁶⁰

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018
Всего	100	100	100	100	100
Из стран вне СНГ	87,5	63,3	61,3	75,8	81,7
Китай	30,5	30,2	37,0	49,1	39,7
Из стран СНГ	12,5	36,7	38,7	24,2	18,3

В 2017 году китайские предприятия подписали в Кыргызстане 25 строительных контрактов общей стоимостью 317 млн долл. За 2006–2017 годы накопленный валовой приток китайских ПИИ составил 2,3 млрд долларов. В течение этого периода китайские инвестиции составляли 25–50 % общего притока ПИИ в Кыргызстан, что эквивалентно 2–7 % ВВП страны.

Объем китайских инвестиций в экономику Кыргызстана в общей сложности приблизился к 3 млрд долларов. Так, в 2019 году основными странами-инвесторами являлись Китай (31,4 % в общем объеме поступивших инвестиций), Канада (24,1), Швейцария (9,6), Турция (8,8), Великобритания (6,8) и Нидерланды (5,7 %).

Инвестиции из Китая в основном направлялись в геолого-разведку (60,9 %), добычу полезных ископаемых (26,2 %), а также в предприятия обрабатывающих производств (11,8 %), из Канады – в предприятия обрабатывающих производств (99,5 %) и добычу полезных ископаемых (0,4 %), из Швейцарии – в сферу информации и связи (97,7 %), финансового посредничества и страхования (1,6 %), из Турции – в сферу строительства (56,2 %), транспортной деятельности и хранения грузов (19,1 %),

⁶⁰ Там же. – С. 386.

в предприятия обрабатывающих производств (14,1 %), оптовой и розничной торговли (9,4 %), из Великобритании – в геологоразведку (99,9 %), из Нидерландов – в сферу информации и связи (53,2 %), финансового посредничества и страхования (37,7 %), а также в предприятия обрабатывающих производств (7,2 %) ⁶¹.

Таким образом, основными секторами, в которые приходили китайские ПИИ, являются геологоразведка, горнодобывающая промышленность и производство нефтепродуктов. ПИИ, связанные с добычей полезных ископаемых (геологоразведка и горнодобывающая промышленность), сконцентрированы на разработке месторождений золота в Кыргызстане. Китайские компании разрабатывают около десяти средних по размеру месторождений золота, на которых производят золотой концентрат и экспортируют его для производства чистого золота в Китай.

Основное воздействие на ВВП Кыргызстана происходит через накопление основного капитала (модернизированные дороги, ЛЭП и подстанции, нефтеперерабатывающие заводы, рудники и т. д.).

Автодорожные проекты общей стоимостью 1128 млн долл. США направлены на улучшение транспортных коммуникаций внутри Кыргызстана в направлениях Север-Юг и Восток-Запад. Одновременно эти проекты являются составными частями так называемых коридоров ЦАРЭС, которые призваны улучшить транспортные связи внутри Центральной Азии и соединить регион с Китаем, Южной и Западной Азией, Европой. Дорога Бишкек – Нарын – Торугарт является частью коридора 1с, альтернативная дорога Север – Юг соединяет коридоры 1 и 3, а дороги Ош – Сарыташ – Иркештам и Ош – Баткен – Исфана входят в коридор 2. Эти дороги рассматриваются как стратегические для страны. Бишкек – Нарын – Торугарт и Ош – Сарыташ – Иркештам – это главные дороги, связывающие Кыргызстан с Китаем; альтернативная дорога Север – Юг станет второй дорогой,

⁶¹ Инвестиции в Кыргызской Республике. 2015–2019: ст. сб. – Б.: Нацстатком КР, 2020. – С. 12.

соединяющей северную и южную части Кыргызстана, разделенные горами; дорога Ош – Баткен – Исфана строится с целью обойти узбекские и таджикские анклавы и создать возможность для беспрепятственного движения между Баткенской областью и остальным Кыргызстаном.

Некоторые из проектов ИПП, особенно в сфере энергетики, направлены на повышение степени независимости Кыргызстана от региональных рынков. Например, возведение стратегической линии электропередачи (ЛЭП) Датка – Кемин и подстанции Датка должны уменьшить зависимость национальной электрической сети от транзита электроэнергии через энергосистемы Казахстана и Узбекистана. Энергетические проекты общей стоимостью 984 млн долл. включают строительство ЛЭП Датка – Кемин и подстанции Датка, и связанный с этим проект по модернизации ЛЭП на юге Кыргызстана, которые должны стать частью мегапроекта CASA-1000, создающего возможность поставок электроэнергии из Кыргызстана и Таджикистана в страны Южной Азии. Другой энергетический проект – теплоэлектроцентральный (ТЭЦ) в городе Бишкек – был направлен на улучшение энерго- и теплоснабжения в столице Кыргызстана. Эта ТЭЦ использует уголь, так что другие доноры могли бы не поддержать такой «не зеленый» проект. В дополнение к этим займам на реализацию энергопроектов Китай также намеревается построить газопровод в южном Кыргызстане, являющийся составной частью ветки D сети газопроводов Центральная Азия – Китай. Кыргызстан здесь будет играть только транзитную роль без технической возможности подключения к трубе. Правительство Кыргызстана не имеет планов участвовать в капитале трубопровода, так что данный трубопровод – это проект ПИИ Китая в Кыргызстане. Совсем недавно правительство Китая распространило свою инфраструктурную деятельность в Кыргызстане и на сферу городского развития, предоставив два гранта общей стоимостью 121 млн долл. на реабилитацию/развитие дорожной инфраструктуры в г. Бишкеке.

Все эти инфраструктурные проекты реализуются китайскими компаниями, например, China Road and Bridge Corporation (CRBC) в случае дорожных проектов или TBEA Co. Ltd – в случае энергетических проектов. Эти компании используют почти исключительно китайскую рабочую силу. Большая часть машин, оборудования и материалов также импортируется из Китая.

В последние годы стремительно растет объем экспорта сельскохозяйственной продукции Кыргызстана в Китай, в 2018 году он превысил 13,15 млн долл. США. К концу апреля 2019 года объем инвестиций КНР в разные сферы Кыргызстана составил более 2,75 млрд долларов. Китай стал крупнейшим источником инвестиций в Кыргызскую Республику. Предприятия с китайскими инвестициями осуществляют проекты в сферах: строительства и реабилитации дорог, передачи и преобразования электроэнергии, реформирования электрического поля, тем самым они продвигают энергетическую независимость, стимулируют свободное движение в стране и ускоряют местное экономическое развитие⁶².

В планах китайских инвесторов – строительство Аграрно-промышленного парка сотрудничества «Азиатская звезда» общей площадью 5,67 кв. км, который будет полностью оснащен производственной цепочкой и самой совершенной инфраструктурой среди подобных зон в странах-участницах «Пояса и пути» в Центральной Азии. На данном предприятии планируется производить мясо, рыбу и корм для скота как на внутренний рынок, так и для экспорта в Китай.

За последние годы при содействии китайской стороны завершены: строительство и запуск ЛЭП Датка – Кемин, строительство автомобильной дороги Север – Юг, модернизация ТЭЦ в Бишкеке, реализованы проекты в области медицины, образования и др., которые имеют большое социально-экономическое

⁶² Торгово-экономические достижения ШОС привлекают внимание мира // *Контимост.* – 2019. – № 7(19). Июль. – С. 10–11.

значение для Кыргызстана⁶³. Благодаря совместному проекту ЛЭП Датка – Кемин неравномерное распределение электроэнергии и трудности снабжения остались в прошлом. Больница в г. Ош обеспечивает местных жителей лучшими в Центральной Азии медицинскими услугами. Экспорт из Кыргызстана в Китай постоянно увеличивается, экологически чистые продукты и высококачественная аграрная продукция, в том числе мед, фрукты, появились теперь в ассортименте простых китайских семей. С помощью электронной коммерции поклонники интернет-шопинга в Кыргызстане стали пользоваться благом совершенно нового потребительского образца.

По крайней мере, некоторые из китайских инвесторов являются государственными (например, компания-производитель золота «Фул Голд Майнинг» основана государственной корпорацией «Линбао Голд»). Они реализуют свои инвестиционные проекты либо как полностью иностранные компании, либо в виде СП с кыргызскими государственными (например, принадлежащая государству золотодобывающая компания «Кыргызалтын») и частными компаниями, в которых китайский партнер является мажоритарным акционером.

Есть существенные сдвиги и в сфере производства нефтепродуктов. Китайские компании построили два нефтеперерабатывающих завода в северной части Кыргызстана около Бишкека; одно из этих предприятий («Джунда Чайна Петрол Компани») является крупнейшим предприятием в этом секторе в Кыргызстане (средним в масштабах региона Центральной Азии). Но никаких нефтяных месторождений на разумном расстоянии от этих предприятий, позволяющем снабжать их сырьем по трубопроводу, нет. В Кыргызстане есть небольшое производство нефти на юге страны (поставки этой нефти на китайские нефтеперерабатывающие заводы возможны

⁶³ Посол Кыргызстана в КНР: визит Председателя КНР заложит основу новым договоренностям и новым направлениям взаимодействия между двумя странами // Контимост. – 2019. – № 7(19). Июль. С. 20.

только по железной дороге с пересечением территорий Узбекистана и Казахстана).

Другим, более важным источником сырья является импорт нефти и нефтепродуктов низкой степени переработки (мазут) из Казахстана. Это сырье поступает на заводы по железной дороге. Из-за сравнительно высоких стоимости сырья и транспортных издержек данным нефтеперерабатывающим заводам непросто конкурировать на внутреннем рынке с нефтепродуктами, импортируемыми из России на льготных условиях (в соответствии с двусторонним российско-кыргызским межправительственным соглашением нефтепродукты, поставляемые в Кыргызстан, не облагаются в России экспортной пошлиной).

В результате, согласно имеющейся информации, эти заводы были загружены примерно на треть своей проектной мощности и в основном экспортируют свою продукцию в Таджикистан и Афганистан, где цены на нефтепродукты выше, чем в Кыргызстане. В ближайшем будущем эти предприятия могут столкнуться с необходимостью дополнительных инвестиций, так как в Кыргызстане вступает в силу новый технический регламент для нефтепродуктов, принятый в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Исходя из экологических соображений, этот регламент требует прекратить производство бензина и дизельного топлива классов Евро-2, Евро-3 и Евро-4, поставляемого на рынок ЕАЭС, включая внутренний рынок Кыргызстана, к 2019 году; к 2021 году также должен быть прекращен экспорт этих низкокачественных нефтепродуктов в третьи страны. Это напрямую затрагивает китайские нефтеперерабатывающие заводы в Кыргызстане, так как они производят как раз продукты классов Евро-2, Евро-3 и Евро-4. Следовательно, чтобы продолжить свою деятельность, этим предприятиям необходимо модернизировать свое оборудование и технологические процессы, чтобы в течение следующей пары лет перейти к производству продуктов, по меньшей мере, класса Евро-5.

Имеются и иные хорошие перспективные проекты – строительство газопровода «Кыргызстан – Китай» и железной дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан». Кроме того, наиболее важными и перспективными направлениями двустороннего торгово-экономического взаимодействия является сотрудничество в области инфраструктуры и транспорта, энергетики, перерабатывающей промышленности, сельского хозяйства, туризма, а также приграничное сотрудничество с Синцзянь-Уйгурским автономным районом Китая⁶⁴.

Очень большой проект, который обсуждается уже около 20 лет, – это железная дорога Китай – Кыргызстан – Узбекистан с кыргызским сегментом от Торугарта на кыргызско-китайской границе до города Джалал-Абад. Как ожидается, это будет весьма дорогостоящий проект, стоимость которого оценивается в 5 млрд долл. (согласно Железнодорожной стратегии ЦАРЭС на 2017–2030 годы). В то время как эта дорога может оказаться полезной для транзита (см. текст ниже), она вряд ли будет обслуживать значительные внутренние грузовые потоки, по крайней мере, в среднесрочной перспективе. Какой бы маршрут ни был выбран для этой дороги (рассматриваются два варианта – северный длиной 472 километра и южный длиной 276 километров; насколько известно, решения по точному маршруту еще не принято), он пройдет в основном через малонаселенную часть Кыргызстана, где не ведется практически никакой экономической деятельности. Для того чтобы данная железная дорога стала полезна для внутренних нужд Кыргызстана, нужно будет построить еще одну соединяющую дорогу до Балыкчи, конечной станции существующей железной дороги на севере Кыргызстана; стоимостная оценка строительства этой соединяющей дороги пока что неизвестна. Если будет выбран северный маршрут, то железная дорога пройдет рядом с некоторыми месторождениями

⁶⁴ Посол Кыргызстана в КНР: «Визит Председателя КНР заложит основу для новых договоренностей и новых направлений взаимодействия между двумя странами» // Контимост. – 2019. – № 7(19). Июль. С. 20.

полезных ископаемых, что позволит снизить стоимость их разработки. Однако если главной целью строительства дороги является транзит, то предпочтительным будет более короткий и дешевый южный маршрут. Очевидно, что развитие инфраструктуры должно сопровождаться увеличением ресурсов, направляемых на эксплуатацию и обслуживание только возведенных или реабилитированных объектов инфраструктуры. Это может происходить или через прямое финансирование из государственного бюджета (в этом случае расходные потребности должны быть тщательно оценены до принятия решения о строительстве нового инфраструктурного объекта), или через введение/увеличение платежей пользователей инфраструктуры. Это особенно важно для энергетической системы, поскольку, как известно, пока что энергетические тарифы в Кыргызстане находятся на неустойчиво низком уровне. Перспективы проектов ПИИ могут сильно различаться в зависимости от рассматриваемой отрасли экономики. Весьма вероятно, что проекты разработки полезных ископаемых будут по-прежнему поглощать большую часть китайских ПИИ.

Между тем, вклад данных проектов в ситуацию с занятостью трудовых ресурсов в Кыргызстан вряд ли можно назвать значительным. Как упоминалось выше, инфраструктурные проекты реализуются китайскими компаниями с использованием весьма ограниченного числа работников из Кыргызстана. В стране имеется 10–15 предприятий с объемными китайскими ПИИ. На каждом из этих предприятий занято от 100 до 500 работников из Кыргызстана (и сравнимое число работников из Китая), так что общее число новых рабочих мест для граждан республики не превышает нескольких тысяч, или 0,1–0,3 % общего числа занятых в стране (их в 2016 году насчитывалось около 2,4 млн человек).

Что касается вклада предприятий с китайским участием в государственный бюджет Кыргызстана, об этом можно судить по данным на уровне предприятий, предоставляемым

Министерством финансов КР (Минфином). По этим данным, в 2017 году основные китайские предприятия, представленные в Кыргызской Республике, заплатили в бюджет 3,66 млрд сомов в виде налогов (эквивалентно 53,2 млн долл. США по среднегодовому обменному курсу 68,87 сомов за доллар в 2017 году). Это составило 2,5 % общих доходов государственного бюджета в этом году. Из этой суммы две трети было заплачено одним предприятием – нефтеперерабатывающим заводом «Джунда». А все горнодобывающие предприятия с китайским участием заплатили в бюджет 1,18 млрд сомов (17,1 млн долларов).

Торговые потоки в Кыргызстане, связанные с ИПП, можно подразделить на две категории: 1) торговля товарами и услугами между Кыргызстаном и Китаем/третьими странами, в которой Кыргызстан является или поставщиком, или покупателем; 2) торговля транзитными услугами, в которой Кыргызстан предоставляет свою инфраструктуру для транзита товаров между Китаем и другими странами. Важной частью экономического обоснования целесообразности больших проектов в сфере транспортной инфраструктуры, реализуемых в Кыргызстане и ряде других стран в рамках ИПП, является возможность транзита товаров между Китаем и Европой/Западной Азией.

Основной компонент этой торговли – импорт и реэкспорт 10 видов китайской продукции легкой промышленности (одежда, обувь и др.) – получил развитие еще в 1990-е годы и достиг пика в 2008-м. Эта часть торговли осуществляется в основном индивидуальными предпринимателями и малыми предприятиями без непосредственной поддержки правительства Китая; ее вряд ли можно отнести к повестке дня ИПП. Но на нее могла повлиять реабилитация основных транспортных артерий, обслуживающих эту торговлю, – автомобильных дорог Бишкек – Нарын – Торугарт и Ош – Сарыташ – Иркештам. Реабилитация этих дорог была в основном завершена в начале/середине 2010-х годов. Китайские данные о весе продукции легкой промышленности, экспортированной в Кыргызстан, не показывают никакого

роста; напротив, по имеющимся данным, среднегодовой объем (в тоннах) отгруженной в КР продукции легкой промышленности в 2016–2017 годы был на 16 % меньше, чем в 2011–2013 годах (источник: UN Comtrade). Конечно, физический и стоимостной объем этой торговли зависит не только/не столько от величины транспортных издержек на кыргызской части пути, но и от многих других факторов, в особенности от спроса на китайскую продукцию на российском и центрально-азиатском рынках. В любом случае, пока что нет свидетельств того, что улучшение транспортной инфраструктуры на китайском направлении положительно повлияло на торговлю китайской продукцией легкой промышленности.

Масштаб же торговли услугами между Кыргызстаном и Китаем невысок. Экспорт услуг в Китай и импорт услуг оттуда составляют 4,7 % общего экспорта услуг и 7,9 % общего импорта услуг, соответственно. В 2016 г. экспорт туристических услуг в Китай составил только 8,6 млн долл., или 2 % общего объема экспорта туристических услуг. Ключевые торгуемые в обоих направлениях услуги включают туризм и строительство внутри Кыргызстана. Между тем, также Кыргызстан импортирует услуги китайских компаний в сфере автомобильного и авиационного транспорта и логистики. Строительные услуги и, возможно, часть транспортных услуг могут быть прямо связаны с проектами ИПП, упоминавшимися выше.

Правительства стран-участниц имеют амбициозные планы координации деятельности в рамках ЕАЭС и ИПП. Практическим шагом в этом направлении стало Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР (май 2018). По имеющейся информации, данное соглашение является неpreferentialным, но включает различные меры по содействию взаимным инвестициям, упрощению торговых процедур и сокращению/устранению нетарифных барьеров в торговле между Китаем и странами-членами ЕАЭС. Некоторые из вышеупомянутых проектов ИПП одновременно входят в планы развития инфраструктуры в рамках ЕАЭС.

3.3. Хрестоматия процесса индустриализации Сингапура

В 1959 году Сингапур приобрел статус самоуправляемой единицы в составе Великобритании. Август 1963 года – это дата объявления независимости Сингапура от Соединенного Королевства и вхождения в Федерацию Малайзии. А с 1965 года начинается отчет полной независимости Сингапура.

Из воспоминаний Ли Куан Ю – автора сингапурского экономического чуда: «За несколько недель до того я встретил доктора Альберта Винсемиуса – нашего экономического советника из Голландии. Он нарисовал мрачную, но небезнадежную картину. В результате «конфронтации» с Индонезией уровень безработицы в Сингапуре вырос. Если бы мы продолжали развиваться в условиях отсутствия общего рынка с Малайзией и торговли с Индонезией, то к концу 1966 года уровень безработицы превысил бы 14 %. Это могло привести к серьезным социальным волнениям. «Сингапур ходит по лезвию бритвы», – подытожил советник»⁶⁵.

В тот период очень сложно было предположить, что средний рост ВВП Сингапура будет расти более чем на 6,3 % ежегодно с 1980 года по данным МВФ и на 7,3 % ежегодно с 1960 года по данным национальной статистики. За период независимости (с 1965 года) страна увеличила ВВП более чем в 42 раза (в 9,6 раза с 1980 года)⁶⁶.

Такие внушительные показатели стали возможными благодаря тому, что быстро пришло понимания верного пути развития. «С тех пор как мы пришли к власти в 1959 году, постоянно сталкивались с проблемой безработицы. Поэтому все члены правительства знали, что единственный для нас способ

⁶⁵ Ли Куан Ю. Из третьего мира – в первый. История Сингапура (1965–2000) / Ли Куан Ю.; пер. с англ. Александра Боня. – 2-е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – С. 51.

⁶⁶ Сингапур: социально-экономические основы процветания / Аналитический центр при Правительстве РФ // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. – 2018. Сентябрь. – С. 4.

выжить – проведение индустриализации. Развитие посреднической торговли в Сингапуре достигло предела, угроза ее упадка стала реальной. Мы по-прежнему находились в состоянии «конфронтации» с Индонезией, а Малайзия всячески стремилась обойти Сингапур в развитии своих внешнеэкономических связей. Мы хватались за любую идею, которая сулила создание новых рабочих мест и позволяла обеспечить людей средствами к существованию»⁶⁷.

Ли Куан Ю продолжает: «После нескольких лет проб и ошибок, зачастую обескураживающих, мы пришли к выводу, что наилучшим выходом для нас стало бы привлечение в Сингапур американских многонациональных корпораций (МНК). Когда в 60-х годах на сингапурский рынок пришли предприниматели из Гонконга и Тайваня, они принесли с собой такие достаточно простые технологии, как производство тканей и игрушек. Эти производства являлись трудоемкими, но не крупномасштабными. Американские МНК принесли бы с собой высокие технологии, использовавшиеся в крупномасштабных производствах, и создали бы множество рабочих мест. Американцы имели вес и обладали уверенностью в своих силах. Они полагали, что правительство США намерено сохранять американское присутствие в Юго-Восточной Азии, и их бизнес будет, таким образом, защищен от возможной конфискации или потерь в результате военных действий.

Общепринятой мудростью экономистов того времени считалось то, что МНК являлись эксплуататорами дешевой земли, труда и сырья. Эта «школа зависимости» доказывала, что МНК продолжали политику колониальной эксплуатации, которая обрекала развивающиеся страны продавать сырье развитым странам и закупать у них товары. МНК контролировали технологию и вкусы потребителей в своих странах и формировали союзы с правительствами развивающихся стран, чтобы эксплуатировать народы и держать их в отсталости. Многие

⁶⁷ Ли Куан Ю. Из третьего мира – в первый... – С. 52.

лидеры стран третьего мира верили этой теории колониальной эксплуатации, но Кен Сви и меня она не впечатляла. Мы решали насущные проблемы страны и не могли позволить себе быть опутанными какими-то теориями или догмами. В любом случае каких-либо природных ресурсов, которые МНК могли бы эксплуатировать, в Сингапуре не было. Все, чем мы располагали, – это трудолюбивые люди, хорошая базовая инфраструктура и правительство, которое решило быть честным и компетентным. Нашим долгом было обеспечить два миллиона жителей Сингапура средствами к существованию, и если МНК могли обеспечить нашим рабочим занятость и научить их техническим, инженерным и управленческим навыкам, значит нам следовало иметь дело с МНК»⁶⁸.

Ли Куан Ю вспоминает: «В августе 1961 года мы образовали Управление экономического развития (УЭР). Винсемиус рекомендовал создать его так, чтобы инвесторы имели дело с одним агентством, а не с большим числом отделов, департаментов и министерств. На это агентство возлагалось решение всех проблем, возникавших у инвесторов, – будь то земельные вопросы, снабжение электроэнергией и водой или охрана окружающей среды и обеспечение безопасности труда. В течение нескольких первых месяцев работы УЭР использовало экспертов Программы развития ООН и Международной организации труда (МОТ – International Labour Office), чтобы справиться с этой задачей. Главные усилия УЭР направляло на привлечение инвестиций в четыре основные отрасли промышленности, которые Винсемиус рекомендовал в своем отчете: разборка и ремонт кораблей, машиностроение, химическая промышленность, производство электрооборудования и приборов.

Кен Сви выбрал Хон Суй Сена первым председателем УЭР, он также предоставил ему право пригласить работать наших

⁶⁸ Ли Куан Ю. Из третьего мира – в первый. История Сингапура (1965–2000) / Ли Куан Ю.; пер. с англ. Александра Боня. – 2-е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – С. 57–58.

лучших выпускников и ученых, возвращавшихся из Англии, Канады, Австралии и Новой Зеландии. Суй Сен – спокойный человек и выдающийся администратор – обладал удивительной способностью вдохновлять этих молодых людей и добиваться от каждого из них наилучших результатов в соответствии с их способностями. Он сформировал особую культуру, присущую УЭР: энтузиазм, изобретательность, которую они проявляли, чтобы преодолевать препятствия, высокую мораль. Это позволяло его сотрудникам привлекать инвестиции и создавать рабочие места. Суй Сен сделал УЭР настолько большим и эффективным учреждением, что ему пришлось со временем выделить из состава учреждения два независимых агентства, превратив отдел промышленного развития в Jurong Town Corporation, а отдел развития финансов – в Development Bank of Singapore. Обе новые организации вскоре стали лидерами в своих сферах деятельности. Банк помогал финансировать наших предпринимателей, которые нуждались в капитале, потому что старые банки не обладали опытом работы за пределами сферы финансирования торговых операций, были слишком консервативными, не желая одалживать деньги потенциальным производителям.

Чтобы заинтересовать иностранных инвесторов возможностями ведения бизнеса в Сингапуре, убедить их прислать сюда свои миссии и лично убедиться в этом, чиновникам УЭР пришлось хорошенько потрудиться. Поначалу, когда Чин Бок посещал офисы МНК, их управляющие не всегда даже знали, где находится Сингапур, так что ему приходилось показывать им на глобусах небольшую точку на крайней оконечности Малайского полуострова в Юго-Восточной Азии. Служащим УЭР иногда приходилось посетить 40–50 компаний, пока одна из них направляла свою миссию в Сингапур. Они работали с неистощимой энергией, потому что чувствовали, что от них зависело выживание Сингапура»⁶⁹.

⁶⁹ Ли Куан Ю. Из третьего мира – в первый... – С. 59.

Ли Куан Ю высоко ценил мнение экономического советника из Голландии доктора Альберта Винсемиуса: «Винсемиус впервые прибыл в Сингапур в 1960 году, когда он руководил Программой развития ООН (UN Development Program), в качестве советника по вопросам индустриализации Сингапура. Я запомнил его первый отчет, предоставленный мне в 1961 году, в котором он изложил два главных условия успешного развития Сингапура: во-первых, отстранение коммунистов от власти (ибо они делали любой экономический прогресс невозможным); во-вторых, сохранение статуи основателя Сингапура Стамфорда Рафлса. Его требование об отстранении коммунистов от власти в 1961 году, когда Объединенный фронт коммунистов находился в зените своего могущества, ежедневно подвергая нападкам правительство ПНД (Партия народного действия), лишило меня дара речи – я просто смеялся над нелепостью такого простого решения. Не убирать статую Рафлса было легко.

В качестве экономического советника Винсемиус играл критически важную роль, работая с нами на протяжении 23 лет, вплоть до 1984 года. Он посещал Сингапур два раза в год, каждый визит длился около трех недель. Мы оплачивали только его авиабилеты и счета за гостиницы в Сингапуре. Чтобы держать его в курсе событий, я посылал ему регулярные отчеты и ежедневные выпуски газеты *Straits Times*. Обычно он проводил первую неделю в Сингапуре в дискуссиях с нашими официальными лицами, следующую неделю – встречаясь с управляющими МНК и некоторых сингапурских компаний, а также с лидерами Национального конгресса профессиональных союзов (НКПС – *National Trades Union Congress*). Он предоставлял свой отчет и рекомендации министру финансов и мне, затем мы обычно устраивали деловой обед, на котором присутствовали только вдвоем. Управляющие МНК скоро поняли ценность контактов с ним и свободно обсуждали с Винсемиусом свои проблемы: избыточное регулирование со стороны правительства, растущий курс сингапурского доллара, слишком высокую текучесть

кадров, слишком суровые ограничения на привлечение иностранных рабочих и так далее. Винсемиус был прагматиком, смотрел на вещи практически, имел отличную память на цифры и умел решать вопросы с официальными лицами, не отвлекаясь на ненужные детали. Самые же ценные его качества – мудрость и осторожность, он многому меня научил, в особенности тому, как мыслили и работали руководители европейских и американских компаний.

В перерывах между посещениями Сингапура Винсемиус встречался со мной всякий раз, когда я посещал Лондон, Париж, Брюссель или Амстердам. ... Как-то он сказал мне, что чувствовал какую-то духовную близость со мной и Суй Сенем, отметив, что единственное, что он мог предположить по этому поводу – это близость философии конфуцианства и кальвинизма. Как бы там ни было, Сингапуру очень повезло, что нам пришлось работать именно с ним»⁷⁰.

Ли Куан Ю гордился правительством Сингапура: «Ключевую роль в привлечении инвестиций играло правительство. Мы создавали инфраструктуру и хорошо спланированные промзоны, предоставляли финансы для развития промышленности, налоговые и экспортные льготы. Наиболее важным было проведение разумной макроэкономической политики и установление хороших отношений в трудовой сфере, то есть создание тех основ, которые позволяют работать частному предприятию. Самым большим проектом по созданию инфраструктуры стало строительство промышленной зоны Джуронг, которая в итоге заняла площадь в 9 тысяч акров и в которой проложили дороги, канализацию, дренаж, линии электро-, газо- и водоснабжения. Начиналось медленно. К 1961 году мы выдали предпринимателям всего 12 сертификатов на право работы в этой зоне (а в течение 1963–1965 годов, когда Сингапур был в составе

⁷⁰ Ли Куан Ю. Из третьего мира – в первый. История Сингапура (1965–2000) / Ли Куан Ю.; пер. с англ. Александра Боня. – 2-е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – С. 51, 60.

Малайзии, центральное правительство в Куала-Лумпуре не выдало ни одного сертификата). В качестве министра финансов Кен Сви обычно присутствовал на церемонии закладки фундамента, а потом – на церемонии открытия фабрики. Таким образом, каждая фабрика создавала две возможности для рекламы. Он не упускал случая посетить даже самую маленькую фабрику с горсткой работников, например фабрику по производству нафталиновых шариков.

Тем не менее к концу 1970 года мы выдали 390 сертификатов, предоставлявших инвесторам право на освобождение от налогов сроком на пять лет, который был продлен до десяти лет для тех, кому сертификаты выдали после 1975 года. Джуронг гудел от деловой активности, как улей. Перелом произошел в октябре 1968 года, после визита делегации компании Texas Instruments. Американцы хотели основать здесь предприятие по производству полупроводников, что в то время считалось высокотехнологичным производством, и обещали начать производство в течение 50 дней после принятия решения. За ними по пятам последовала компания National Semiconductor.

Вскоре после этого их конкуренты, компания Hewlett-Packard прислала своего «разведчика». Служащий УЭР работал с ним день и ночь, немедленно предоставляя любую информацию, в которой тот нуждался, и не отстал от него до тех пор, пока он все-таки не согласился посетить Сингапур, чтобы самому посмотреть все на месте. На него, как и на представителей Texas Instruments, Сингапур произвел хорошее впечатление. К нему приставили руководителя проекта УЭР, который заботился о делегации, так что все было организовано быстро и удобно. Когда представители компании Hewlett-Packard вели переговоры о строительстве фабрики, они решили первоначально взять в аренду два верхних этажа шестиэтажного здания. Лифт для подъема большого технического оборудования нуждался в трансформаторе, которого у нас к моменту визита самого господина Хьюлетта не было. Вместо того чтобы

заставить его подниматься на шестой этаж пешком, сотрудники УЭР проложили огромный кабель из соседнего здания, и в день его визита лифт работал. Hewlett-Packard основал предприятие в Сингапуре⁷¹.

Ли Куан Ю продолжает: «К 70-м годам отчеты о Сингапуре появились в американских журналах, включая US News and World Report, Harper's, Time. В 1970 году компания General Electric основала в Сингапуре шесть различных предприятий по производству электрических и электронных изделий, предохранителей, электродвигателей. В 70-х годах эта компания стала самым большим работодателем в Сингапуре. Американские МНК заложили фундамент развития масштабной, высокотехнологичной электронной промышленности Сингапура. Тогда мы еще не знали, что электронная промышленность позволит Сингапуру преодолеть проблему безработицы, а в 80-х годах превратит его в крупного экспортера электроники. ...

К концу 70-х годов старые проблемы безработицы и нехватки инвестиций остались позади. Перед нами встала задача улучшения качества новых инвестиций, а с ними – образования и квалификации наших рабочих. Мы нашли рынки в Америке, Европе и Японии. Современные средства коммуникаций и транспорта позволили нам наладить связи с этими когда-то далекими странами.

В 1997 году в Сингапуре работало более 200 американских компаний, инвестировавших более 19 миллиардов сингапурских долларов. Они не только стали нашими самыми крупными иностранными инвесторами, но также постоянно повышали уровень технологии и производимой продукции. Это сокращало их затраты на рабочую силу, позволяло платить более высокую зарплату, сохраняя конкурентоспособность»⁷².

⁷¹ Ли Куан Ю. Из третьего мира – в первый. История Сингапура (1965–2000) / Ли Куан Ю.; пер. с англ. Александра Боня. – 2-е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – С. 61.

⁷² Там же. – С. 62–63.

Ли Куан Ю выделяет роль государственного планирования: «Оглядываясь, я могу утверждать, что наше экономическое развитие и индустриализация протекали успешно, потому что мы занимались планированием. ...»

Наша работа заключалась в планировании, постановке крупных экономических задач на длительный период, в течение которого предполагалось их достичь. Мы регулярно рассматривали планы и корректировали их по мере того, как менялась ситуация. Чтобы удовлетворить потребности предпринимателей, планирование развития инфраструктуры, обучения и подготовки рабочих должно было осуществляться за многие годы до того, как в них возникала нужда. Мы не располагали прослойкой готовых предпринимателей, как Гонконг, куда китайские промышленники и банкиры прибыли, спасаясь бегством из Шанхая, Кантона и других городов, захваченных коммунистами. Если бы мы ждали, пока наши торговцы выучатся и дорастут до того, чтобы стать промышленниками, мы бы умерли с голоду. Совершенно абсурдным являлось предположение наших критиков, высказанное в 90-х годах, что если бы мы вырастили собственных предпринимателей, то меньше зависели бы от безжалостных МНК. Даже тот опыт, который принесли в Гонконг китайские беженцы, не позволил им поднять технологический уровень производства до уровня предприятий МНК в Сингапуре.

Правительство взяло на себя инициативу основания новых отраслей: сталелитейной (National Iron and Steel Mills), пароходной компании «Нептун ориент лайнз» (НОЛ – Neptun Orient Lines), авиакомпания Singapore Airlines. Два наших министра проявили себя в качестве потрясающе разносторонних людей. Хон Суй Сен основал Development Bank of Singapore, The Insurance Corporation of Singapore и Singapore Petroleum Company. С помощью австралийского эксперта в производстве артиллерийских систем сэра Лоренса Хартнета Кен Сви основал наш монетный двор – Chartered Industries of Singapore –

и фабрику по производству боеприпасов, которые размещались вместе, так как оба производства предъявляли высокие требования к обеспечению безопасности и наличию хорошего инструментального производства. Под руководством практически и находчивого директора Он Ка Кока предприятие успешно развивалось. Молодой постоянный секретарь правительства, а впоследствии председатель УЭР Филипп Ео вскоре взял руководство этим предприятием на себя и основал на нем новые производства, которые привели к созданию высокотехнологичной компании Singapore Technologies. Эта компания также основала совместные предприятия по производству микросхем с ведущими МНК.

Мы верили в наших молодых служащих, в их честность, интеллект, энергию, пусть даже и при полном отсутствии делового опыта. Из каждого выпуска отбирали и посылали лучших выпускников наших школ в лучшие университеты Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Германии, Франции, Италии, Японии, а впоследствии, когда у нас появились средства, – США. Мы вырастили из них наших собственных предпринимателей, чтобы основать такие преуспевающие компании, как Neptun Orient Lines и Singapore Airlines»⁷³.

Ли Куан Ю резюмирует: «Если бы мне пришлось описать одним словом, почему Сингапур преуспел, то этим словом стало бы «доверие» (confidence). Именно доверие к нам позволяло иностранным инвесторам основывать свои фабрики и нефтеперегонные заводы в Сингапуре. Через несколько дней после начала нефтяного кризиса в октябре 1973 года я решил подать ясный сигнал нефтяным компаниям, что мы не станем требовать никаких специальных привилегий в отношении запасов нефти, которые они имели на нефтеперегонных заводах в Сингапуре. Если бы мы блокировали те запасы нефти, которые они имели

⁷³ Ли Куан Ю. Из третьего мира – в первый. История Сингапура (1965–2000) / Ли Куан Ю.; пер. с англ. Александра Боня. – 2-е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – С. 65–66.

в Сингапуре, то нам хватило бы ее для обеспечения собственных нужд на протяжении двух лет. Но это показало бы, что мы являлись ненадежными партнерами. 10 ноября 1973 года я встретился с руководителями и управляющими всех нефтеперегонных заводов: Shell, Mobil, Esso, Singapore Petroleum, British Petroleum. Я публично заверил их, что Сингапур готов урезать свою квоту потребления в той же степени, в какой они собирались урезать ее для своих клиентов в других странах. Их клиенты находились в государствах, расположенных далеко друг от друга: на Аляске, в Австралии, Японии, Новой Зеландии, не говоря уже о государствах нашего региона.

Это решение повысило доверие к правительству Сингапура, ибо в наших долгосрочных интересах было стать надежным местом для нефтяного и иного бизнеса. В результате нефтяная промышленность Сингапура значительно расширилась, в конце 70-х годов в городе начала развиваться нефтехимия. К началу 90-х годов, располагая предприятиями по переработке нефти общей мощностью 1,2 миллиона баррелей в день, Сингапур стал третьим крупнейшим мировым центром нефтепереработки после Хьюстона и Роттердама; третьим крупнейшим мировым центром торговли нефтью после Нью-Йорка и Лондона; самым большим в мире центром торговли мазутом. Сингапур также является крупным центром нефтехимии.

Чтобы преодолеть опасения инвесторов относительно качества нашей рабочей силы, я попросил японцев, немцев, французов и голландцев основать в Сингапуре собственные центры по подготовке наших технических специалистов, в которых обучение проводилось бы их собственными инструкторами. Некоторые центры финансировались правительством, другие создавались совместно с такими корпорациями, как Philips, Rollei и Tata. В течение четырех – шести месяцев обучения рабочие, проходившие подготовку в условиях, близких к производству, могли ознакомиться с системой работы и культурой других наций, так что компании охотно принимали их на работу.

Эти центры обучения стали полезными еще и потому, что они помогли инвесторам сравнить уровень подготовки наших рабочих с рабочими из других стран, что способствовало повышению стандартов подготовки рабочих в Сингапуре»⁷⁴.

Опыт проведения эффективной индустриализации Сингапура имеет огромное значение для всех развивающихся экономик. Именно активное и взаимовыгодное сотрудничество с ТНК развитых стран является «краеугольным камнем» сингапурского экономического чуда.

⁷⁴ Ли Куан Ю. Из третьего мира – в первый... – С. 66–67.

ГЛАВА 4. ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА ЕАЭС

4.1. Формирование основ промышленной политики ЕАЭС

Обращаясь к анализу промышленной политики, следует, прежде всего, определиться с базовыми ее характеристиками. Говоря о промышленной политике, нужно понимать ее значимость и широту охвата. Изучив ряд позиций ученых в определении промышленной политики, целесообразно представить определение, сформулированное нами: «промышленная политика – это комплекс мер, разработанных и реализуемых государством, направленных на совершенствование национальной экономики, поддержание конкурентоспособности отраслей и предприятий, а также технологическая трансформация предприятий в области улучшения производительности и роста качества продукции». Один из главных вопросов промышленной политики при этом – о роли государственной поддержки в области промышленного развития государства. Однако рассмотрение промышленной политики Евразийского экономического союза – еще более сложный и комплексный вопрос, требующий особого внимания.

С позиций кейнсианского направления экономической теории предполагается, что полная занятость ресурсов является не правилом, а исключением. Отсюда вытекает необходимость вмешательства государства в экономику с целью ее стабилизации и стимулирования. В смешанной экономической системе промышленная политика нацелена на борьбу с провалами рынка, а в условиях директивно-управляемой экономики происходит замена рынков лучшим механизмом координации размещения ресурсов – централизованным планированием. Однако эти подходы не могут быть применены в разрезе модели экономического развития стран ЕАЭС. Важным условием разработки

эффективной промышленной политики является строгое соблюдение метода системности в ее формировании и реализации. Кроме того, соблюдение основных принципов при ее разработке, таких как динамичность, своевременная корректировка в соответствии с происходящими изменениями, а также соблюдение принципов самоорганизации – повышают шансы на доработку имеющихся основ и совершенствование политики по развитию промышленного сектора в странах ЕАЭС, а их скоординированность и единство реализации ускорят промышленное развитие и интеграцию в реальном секторе евразийской экономики.

Успешность проведения промышленной политики будет определяться четко продуманным механизмом ее реализации через использование проектного и кластерного подходов, государственно-частного партнерства, наднациональных, национальных и региональных институтов развития.

Промышленный комплекс ЕАЭС имеет огромное значение для формирования базового развития экономики интеграционного объединения. Именно уровень развития промышленности и определяет силу и мощь любого государства мира и, безусловно, степень их экономической устойчивости.

Как стратегическому структурообразующему элементу интеграционной экономики, развитию промышленного сектора следует уделять особое внимание. По словам министра промышленности и агропромышленного комплекса ЕЭК С.С. Сидорского, «...реальный сектор – центральный стержень экономической интеграции стран-участниц Евразийского экономического союза, вокруг которого выстраиваются процессы координации других секторов экономики – единого торгового, таможенного и финансового пространства»⁷⁵.

Для эффективного развития данного сегмента требуется разработка и реализация согласованной промышленной политики государств-членов ЕАЭС. «Целями осуществления

⁷⁵ Промышленная политика в Евразийском экономическом союзе: три года интеграции // Доклад. – М., 2018. – С. 10.

промышленной политики в рамках Союза являются ускорение и повышение устойчивости промышленного развития, повышение конкурентоспособности промышленных комплексов государств-членов, осуществление эффективного сотрудничества, направленного на повышение инновационной активности, устранение барьеров в промышленной сфере, в том числе на пути движения промышленных товаров государств-членов»⁷⁶.

Для полноценной реализации обозначенной политики требуется глубоко проработанная институциональная структура, которая представлена Департаментом промышленной политики, созданным в 2011 году и начавшим работать еще на этапе создания Таможенного союза. Департамент провел анализ промышленных политик государств ТС и ЕЭП, структуры кооперационных связей между производителями промышленной продукции. На основе полученных данных подготовлены рекомендации по углублению интеграционного процесса в этой сфере и в области разработки, скоординированной и согласованной далее между участниками промышленной политики (рисунок 2).

Рисунок 2 – Структура Департамента промышленной политики ЕЭК

Департамент промышленной политики				
Отдел промышленной политики, межгосударственных программ и проектов	Отдел промышленных субсидий	Отдел мониторинга и анализа развития промышленных комплексов государств-членов ЕЭП	Отдел взаимодействия по вопросам промышленной политики	Отдел добровольного согласования специфических субсидий и проведения разбирательств

⁷⁶ Договор от 29.05.2014 «Об учреждении Евразийского экономического союза». URL: <http://www.alta.ru/tamdoc/14bn0044/>

Важно отметить, что Департаментом был подробно изучен опыт других интеграционных объединений в области промышленного, научно-технического и инновационного сотрудничества (ЕС, МЕРКОСУР, АТЭС и других). Благодаря слаженной работе заинтересованных сторон появился первый основной документ, ставший отправной точкой в разработке единой промышленной политики ЕАЭС – Решение Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав правительств от 31.05.2013 № 40, в котором были отражены основные направления промышленного сотрудничества и представлены практически дальнейшие векторы развития промышленного сектора. Главы правительств подтвердили необходимость активизировать такое сотрудничество для ускорения промышленного развития и перевода его на качественно новый этап с возможностью выхода на рынки третьих стран с качественной и конкурентоспособной продукцией. Для оценки масштабов проводимой Департаментом работы можно рассмотреть подробную схему разработанных блоков промышленной политики, представленную на рисунке 3.

Основными задачами⁷⁷ для достижения целей единой промышленной политики Департамент промышленной политики называет следующие:

- обеспечение условий для ускорения темпов роста и объемов промышленного производства в государствах-членах, а также условий, способствующих развитию взаимной торговли и добросовестной конкуренции между предприятиями стран содружества на едином рынке ЕАЭС;
- обеспечение эффективного сотрудничества государств-членов, направленного на повышение инновационной активности промышленных предприятий;

⁷⁷ Промышленная политика в Евразийском экономическом союзе: три года интеграции // Доклад. – М., 2018. – С. 31.

- обеспечение создания условий для увеличения доли продукции государств-членов на общем рынке ЕАЭС и поэтапного повышения ее локализации;
- обеспечение создания условий для развития производств новой конкурентоспособной продукции, ориентированной на экспорт, модернизации (технического перевооружения) действующих производств с созданием новых инновационных секторов промышленности государств-членов;
- обеспечение устранения барьеров в промышленной сфере;
- обеспечение создания условий для привлечения инвестиций и повышения доступности финансовых ресурсов предприятиям промышленности;
- обеспечение контроля над реализацией положений статьи 93 и Приложения № 28 к Договору о ЕАЭС;
- повышение эффективности реализации положений Договора в сфере промышленного сотрудничества и предоставления промышленных субсидий.
- В задачи промышленного блока ЕЭК входит решение сложных актуальных вопросов:
- углубление промышленной кооперации и развитие импортозамещения в базовых отраслях (сельхозмашиностроение, автомобиле- и станкостроение, металлургия, легкая промышленность и др.);
- введение инноваций и развитие современных высокотехнологичных отраслей, включение специальных финансовых инструментов для стимулирования совместных кооперационных производственно-технологических проектов и устранение барьеров и препятствий во взаимной торговле промышленными товарами государств-членов.

В дополнение статьи 92 Договора, Евразийским межправительственным советом 8 сентября 2015 года утверждены Основные направления промышленного сотрудничества в рамках Союза (ОНПС).

Основная цель промышленного сотрудничества стран-участниц Евразийского объединения – как можно более полно

реализовать потенциал эффективного и взаимовыгодного взаимодействия. Именно так можно обеспечить и ускорение, и устойчивость процесса промышленного развития. А это неизбежно повлечет за собой рост конкурентоспособности и всплеск инновационной активности в промышленном секторе.

Реализация перечисленных выше целей позволит улучшить качественные и количественные показатели развития промышленности стран ЕАЭС. В рамках проведения системной работы по осуществлению ОНПС Советом Комиссии принят План разработки актов и мероприятий по реализации ОНПС (март, 2016).

При выполнении пунктов Плана и в рамках достигнутой согласованности действий сторон по ключевым направлениям промышленной политики приняты стержневые документы, обеспечивающие реализацию задач ОНПС. Среди них:

- Положение о формировании и функционировании Евразийских технологических платформ;
- Концепция создания сети промышленной кооперации и субконтрактации;
- Концепция создания Евразийского инжинирингового центра по станкостроению;
- Положение о разработке, финансировании и реализации межгосударственных программ и проектов в промышленной сфере;
- Механизмы взаимодействия Комиссии, государств-членов и Евразийского банка развития по реализации и финансированию кооперационных проектов;
- Положение о порядке мониторинга рынка промышленной продукции в рамках Евразийского экономического объединения.

Основными же документами в сфере реализации промышленной политики являются:

- Раздел «Промышленность» Договора о ЕАЭС;
- Приложение № 27 к Договору о ЕАЭС «Протокол о промышленном сотрудничестве»;

- Приложение № 28 к Договору о ЕАЭС «Протокол о единых правилах предоставления промышленных субсидий»;
- Соглашение о порядке добровольного согласования государствами-членами ЕАЭС с ЕЭК специфических субсидий в отношении промышленных товаров и проведения Евразийской экономической комиссией разбирательств, связанных с предоставлением государствами-членами Евразийского экономического союза специфических субсидий.

Очевидно, что каждое государство, являющееся членом ЕАЭС, самостоятельно разрабатывает, формирует и реализует национальную промышленную политику, программы развития промышленности на уровне государства и рассматривает возможность предоставления промышленных субсидий. Но данные документы не должны противоречить ЕЭК и развиваться в направлении обозначенных Комиссией векторов.

Основными принципами в разработке промышленной политики в рамках Союза являются: равноправие и учет национальных интересов государств-членов; взаимовыгодность и добросовестная конкуренция; отсутствие дискриминации и открытость информации (таблица 5).

Сравнение промышленных политик государств-членов ЕАЭС указывает на схожесть модели политики в Армении, Беларуси, Казахстане и Кыргызстане, представленной типом догоняющего развития, нацеленной на рынок, сфокусированной, главным образом, на внешней конкурентоспособности и экспортоориентированности. В свою очередь, в России – компенсационная модель, призванная снизить негативные социальные последствия трансформации промышленного комплекса, а также решить проблемы структурной безработицы, инфраструктурного обеспечения структурной перестройки промышленности, повышение «инновационности» и т. д.

Такой характер политики, как вертикальный вектор, присущ Армении, Беларуси, Казахстану и России, он свидетельствует о фокусном воздействии на отдельные отрасли через

Таблица 5 – Сравнительный анализ промышленной политики стран-участниц ЕАЭС⁷⁸

Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
1	2	3	4	5	6
Тип промышленной политики	Политика догоняющего развития, вертикальная	Политика догоняющего развития, вертикальная	Политика догоняющего развития, вертикальная	Политика догоняющего развития, горизонтальная	Компенсационная, вертикальная
Цели промышленной политики	Развитие новых направлений экономического роста вместе с непрерывным развитием существующих	Проведение структурных преобразований промышленного комплекса; модернизация традиционных отраслей и создание новых высокотехнологичных производств;	Создание базовых условий для активного промышленного развития; расстановка приоритетов традиционных секторов промышленности;	Формирование экспортноориентированной структуры промышленности; го производства; модернизация и расширение мощностей существующих отраслей	Создание конкурентоспособной, устойчивой, структурно сбалансированной промышленности, способной к эффективному саморазвитию на основе интеграции

⁷⁸ Доржиева В. Сравнительный анализ промышленных политик государств-членов ЕАЭС. URL: <http://eurasian-studies.org> (Составлен автором по данным нормативно-правовых документов: Федеральный закон РФ № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 г.; Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь до 2020 г.; Концепция индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2020–2025 гг., Закон Республики Армения «О промышленной политике» от 12.12.2014 г. № ЗР-184; Проект Стратегии устойчивого развития Кыргызской Республики на 2018–2040 гг.)

Продолжение табл. 5

Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
1	2	3	4	5	6
	экспортирующих отраслей и также тех отраслей, в которых имеется экспортный потенциал	наращивание экспортного потенциала; ресурсосбережение и рациональное использование имеющихся сырьевых ресурсов; углубление переработки сырья; стимулирование инвестиционной активности	формирование эффективного промышленного малого и среднего бизнеса; ориентация на экспорт; технологическая трансформация; достижение среднего уровня производительности труда по странам ОЭСР		в мировую технологическую среду, разработки и применения передовых промышленных технологий, нацеленных на формирование новых рынков инновационной продукции
Приоритетные отрасли	Горнодобывающая; металлургия; добыча драгоценных камней и изделий ювелирных изделий; машиностроение; химическая и легкая промышленность	Металлургическое пр-во; машиностроение; авиапром; станкостроение; радиоэлектрон. пр-м-ть; химическая и фармацевтич. пр-м-ть; легкая промышленность	Металлургия; машиностроение; химическая пр-м-ть; легкая пр-м-ть; производство строительных материалов; фармацевтика	Горнодобывающая; нефтеперерабатывающая; химическая и фармацевт. пр-м-ть, машиностроен.; авиапром; ОПК; леспромышленный комплекс; производ-во стройматериалов	Металлургия; нефтеперерабатывающая, химическая и фармацевт. пр-м-ть, машиностроен.; авиапром; ОПК; леспромышленный комплекс; производ-во стройматериалов; легкая пр-м-ть

применение селективных мер, направленных на определенные сектора или группы компаний, а для Кыргызстана характерна горизонтальная политика, которая определяется неоднородностью воздействия применяемых инструментов на разные сектора и сферы.

Цели промышленных политик исходят из выбранных типов и моделей в рамках проведения национальных промышленных политик. Существует схожесть методологии разработки политик, инструментов (проведение НИОКР, развитие промышленных кластеров, стимулирование и поддержка экспортоориентированных национальных промышленных компаний и т. д.) и механизмов ее реализации.

Прошло уже семь лет, однако проблема создания скоординированной (согласованной) промышленной политики не решена, в связи с наличием большого количества барьеров и ограничений. При этом к 2020 году планировалось создать единое цифровое пространство промышленности. Наличие обращений по сферам регулирования в рамках промышленной политики в Суд ЕАЭС превышает 4 %, что доказывает наличие узких мест в единой промышленной политике. Основными барьерами, вытекающими на основании изложенного, являются:

- Применение Казахстаном рентного налога при вывозе угля с его территории на территории других государств-членов.
- Отсутствие общих рынков нефти и нефтепродуктов стран Союза.
- Отсутствие общего рынка газа стран Союза.
- Отсутствие общего электроэнергетического рынка стран Союза.
- Отсутствие единых и прозрачных подходов к определению технических возможностей систем транспортировки нефти и нефтепродуктов, расположенных на территориях стран объединения.
- Отсутствие единых и прозрачных подходов к определению технических возможностей, свободных мощностей

газотранспортных систем, расположенных на территориях стран объединения.

- Отсутствие единых и прозрачных подходов к определению технической возможности при передаче электроэнергии на территориях стран объединения.
- Отсутствие единой стратегии промышленного развития стран объединения.
- Отсутствие согласованной позиции государств-членов ЕАЭС в отношении позиции на ограничительные меры со стороны третьих стран.
- Структурная технологическая перестройка предприятий в условиях нового технологического уклада.
- Технологическая импортозависимость и опасность сохранения догоняющего развития.
- Отсутствие единых правил доступа к системам транспортировки нефти и нефтепродуктов, расположенным на территориях государств-членов.
- Отсутствие единых правил доступа к услугам субъектов естественных монополий государств-членов в сфере электроэнергетики.
- Отсутствие регламентации в законодательствах государств-членов механизма поддержания рыночных цен, обеспечивающих коммерческую рентабельность продажи газа на территориях стран ЕАЭС.
- Ограничение в предоставлении равного доступа к газотранспортным системам государств-членов производителям газа, не являющимся собственниками газотранспортных систем.
- Отсутствие единой транспортно-логистической системы в рамках ЕАЭС⁷⁹.

Наряду с барьерами, существуют изъятия, связанные с установлением мер в отношении инвестиционных соглашений,

⁷⁹ Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза // Доклад. – М., 2016.

заключенных в соответствии с национальными нормативно-правовыми актами государств-членов и Решением Комиссии ТС от 27 ноября 2009 года № 130 «О едином таможенно-тарифном регулировании таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации».

Однако это не является следствием отсутствия работы в данном направлении. Так, «с 2016 года в ЕАЭС было устранено восемь ограничений из 45, а также пять изъятий из 19. Необходимость их устранения была определена государствами Союза. Разрабатываемые сейчас Комиссией совместно со странами ЕАЭС стратегические направления дальнейшей интеграции до 2025 года содержат комплекс мероприятий и действий, которые позволят устранить еще 11 ограничений и одно изъятие»⁸⁰. Работа по устранению барьеров идет довольно медленно, что связано с рядом сложностей: сохраняется разница в системе налогообложения, таможенного регулирования, в уровне технологического развития, распределении ресурсов и возможностей, разрыве технологических связей и недостаточной проработке технологических цепочек, есть и разрывы в законодательной базе, сложности согласования проводимой политики как на национальном уровне, так и особенно на наднациональном уровне, новый технологический переход и прочие моменты, которые как снежный ком наматываются и усложняют решение отдельных конфликтов, затормаживая борьбу с изъятиями и ограничениями (рисунок 3).

⁸⁰ Межправсовет поручил странам ЕАЭС принять меры по устранению барьеров на внутреннем рынке. URL: <http://www.eurasiancommission.org>

4.2. Состояние промышленных комплексов государств-участников ЕАЭС

Анализируя состояние промышленного производства в ЕАЭС, следует отметить наличие тенденции к росту в период 2015–2018 годов, а вот в 2019-м темпы немного снизились. Рассматривая участие стран объединения в промышленном производстве, можно отметить примерно сложившуюся структуру, в которой львиную долю составляет Российская Федерация (свыше 88 %), далее Республика Казахстан (свыше 6 %), Республика Беларусь (свыше 4 %), и в доле по 0,3 % – Республика Армения и Кыргызская Республика. Безусловно, что основной вектор развития реальному сектору задает именно РФ, ее уровень технологий, геополитическая и экономическая обстановка. Согласно данным таблицы 6, в структуре промышленного производства ЕАЭС преобладает обрабатывающая промышленность, однако наметившаяся тенденция снижения ее объемов говорит о постепенном сокращении производства продукции с высокой добавленной стоимостью, а в объемах горнодобывающей промышленности наметился рост, говорящий об увеличении добычи полезных ископаемых и их реализации. В таком случае требуется усиление влияния государства на изменение данной тенденции промышленной политики, чтобы не допускать такой перестройки, во избежание стремления к ресурсной экономике.

Текущая структура промышленного производства ЕАЭС и каждого государства-члена ЕАЭС представлена на рисунке 4.

Согласно представленным данным, практически у всех участников ЕАЭС, кроме Республики Казахстан, доля обрабатывающей промышленности в структуре производства свыше 60 %, в Республике Беларусь почти 90 %, что свидетельствует о наличии ресурсов и возможностей для представления на рынок готовой продукции и внедрения высокотехнологичного производства. Горнодобывающая промышленность активно представлена в Казахстане и России, а также в Армении.

Таблица 6 – Структура объема промышленного производства ЕАЭС⁸².

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
Объем промышленного производства ЕАЭС, млн долл.	907,1	858,8	1105,2	1245,8	1216,1
Доля производства государств-членов ЕАЭС:					
Армения	0,30 %	0,40 %	0,30 %	0,28 %	0,36 %
Беларусь	4,90 %	4,60 %	4,40 %	4,32 %	4,47 %
Казахстан	7,30 %	6,30 %	6,30 %	6,40 %	6,24 %
Кыргызстан	0,30 %	0,30 %	0,30 %	0,28 %	0,32 %
Россия	87,20 %	88,40 %	88,70 %	88,67 %	88,60 %
в т.ч.:					
обрабатывающая промышленность, в т.ч.,	596,1 (65,7 %)	567,8 (66,1 %)	715,2 (64,7 %)	785,9 (63,1 %)	767,9 (63,1 %)
ее доля в структуре производства в:					
Армении	61,90 %	61,90 %	62,60 %	66,60 %	70,90 %
Беларуси	88 %	86,60 %	88 %	88,70 %	88,80 %
Казахстане	39,30 %	41,50 %	40,40 %	37,80 %	38,40 %
Кыргызстане	77 %	78,20 %	76,30 %	77,80 %	79,50 %
России	66,60 %	66,80 %	65,30 %	63,60 %	63,50 %
Горнодобывающая промышленность	222,1 (24,5 %)	203,4 (23,7 %)	273,5 (24,7 %)	341,5 (27,41 %)	331,5 (27,26 %)
Ее доля в структуре производства в:					
Армении	0,20 %	0,20 %	0,25 %	0,18 %	0,22 %
Беларуси	0,30 %	0,20 %	0,20 %	0,21 %	0,21 %
Казахстане	15,10 %	13,40 %	13,16 %	12,90 %	12,66 %
Кыргызстане	0,05 %	0,08 %	0,10 %	0,08 %	0,08 %
России	84,40 %	86,04 %	86,20 %	86,60 %	86,76 %

⁸² Составлено автором на основе данных ЕЭК. URL: <http://www.eurasiancommission.org>

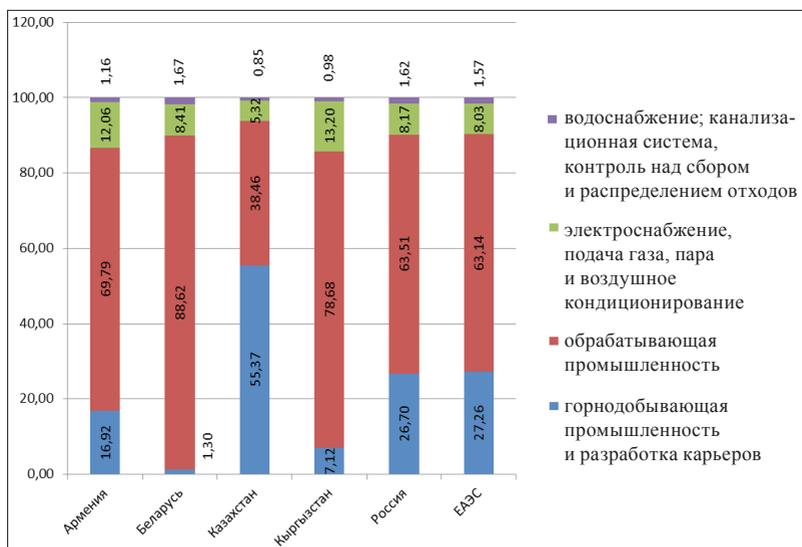

Рисунок 4 – Структура промышленного производства в 2019 г.,
в % к итогу⁸³

Рассмотрим более детально промышленные комплексы государств-членов ЕАЭС для выявления сильных и слабых сторон и определения экспортоориентированных направлений, а также возможностей кооперации среди государств для производства конкурентоспособной продукции реального сектора.

Республика Армения

2 января 2015 года Армения вступила в ЕАЭС. Промышленность дает свыше 18 % ВВП республики. К основным видам производства, развитым в Армении, относятся производство синтетического каучука, текстильная и пищевая промышленность, производство строительных материалов, машиностроение и ювелирная отрасль. Активно работают предприятия по выпуску прессово-формовочного оборудования, металлорежущих станков, точных приборов и т. д.

⁸³ Составлено автором на основе данных ЕЭК. URL: <http://www.eurasiancommission.org>

В последние годы значительное развитие получили отрасли, связанные с цифровой экономикой. Более 2 % населения страны занято в сфере информационных технологий в настоящее время. Также одним из быстроразвивающихся секторов является сектор туризма.

Таблица 7 – Темпы прироста/снижения индекса промышленного производства⁸⁴

Показатель	2016	2017	2018	2019
Промышленность, всего	6,7	12,6	4,3	9
Обрабатывающие производства	7,7	15,7	10	7,6
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	8,9	14,5	7,6	6,9
Легкая промышленность			39,2	19
Обработка древесины и производство изделий из дерева	18,8	-17,3	36,9	52,2
Производство бумаги и бумажной продукции	1,2	22,7	32,3	8,4
Производство кокса и нефтепродуктов				
Химическое производство	-1,6	24,9	43,4	13,8
Производство фармацевтической продукции	6	16,2	0,6	4,1
Металлургическая промышленность	3,2	7,7	-6,4	-3,5
Производство готовых металлических изделий			9,6	50,7
Машиностроение	в 15,2 раза	-1	4,3	11
Производство электронного и оптического оборудования	42,7	95,4	10,7	3,3
Производство мебели			45,2	36,9
Производство прочих товаров	81,7	33,8	17	5,8

⁸⁴ Составлена автором на основе данных ЕЭК. URL: <http://www.eurasiancommission.org>

Анализируя темпы изменения индекса промышленного производства, представленные в таблице 7, следует выделить высокие темпы роста обработки древесины, целлюлозно-бумажной продукции, химического производства, производства металлических изделий, мебели и машиностроения.

В экспорте промышленной продукции преобладают продукция металлургии, табачные изделия, одежда, электроника и оптика, напитки и прочие товары.

Республика Беларусь

Промышленный сектор РБ занимает свыше 26 % от ВВП страны. Страна входит в число лидеров среди мировых экспортеров тракторов, грузовых автомобилей, коммунальной и дорожно-строительной техники. Основные отрасли промышленности Беларуси представлены машиностроением и металлообработкой, а также производством калийных удобрений, химической и нефтехимической промышленностью, легкой, пищевой, лесной и деревообрабатывающей промышленностями.

Анализируя данные таблицы 8, можно заметить высокие темпы роста в обработке древесины, производстве бумаги и бумажной продукции, машиностроении и производстве прочих товаров.

Таблица 8 – Темпы прироста/снижения индекса промышленного производства⁸⁵

Показатель	2016	2017	2018	2019
Промышленность, всего	-0,4	6,1	5,7	1
Обрабатывающие производства	-0,1	7	5,8	1,3
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	2,7	3	3,7	2,1
Легкая промышленность			4,2	-1,9
Обработка древесины и производство изделий из дерева	13,3	18,8	14,2	-0,7

⁸⁵ Составлено автором на основе данных ЕЭК. URL: <http://www.eurasiancommission.org>

Продолжение табл. 8

Показатель	2016	2017	2018	2019
Производство бумаги и бумажной продукции	7	4,8	12,5	24,2
Производство кокса и нефтепродуктов	-16,8	0	1,4	-5,2
Химическое производство	-2,7	9,8	6,2	-1,2
Производство фармацевтической продукции	4,4	10,1	8,9	1,3
Металлургическая промышленность	-2,6	4,6	7	0,4
Производство готовых металлических изделий			-0,8	14,4
Производство электронного и оптического оборудования	7,8	6	-0,4	2
Машиностроение	11,7	-8,2	10,4	4,6
Производство мебели			17,2	4,9
Производство прочих товаров	-2,8	10,8	91,6	1,5

В экспорте промышленной продукции преобладают: кокс и нефтепродукты, химическая продукция и продукция металлургии, деревянные изделия, машины и оборудование, строительные материалы, пищевые продукты, автотранспортные средства и прочие товары.

Республика Казахстан

Промышленность является одной из ключевых отраслей экономики Казахстана. Главные позиции занимает черная металлургия. По запасам железной руды РК занимает восьмое место в мире. Свыше 170 золоторудных месторождений способствуют крупному производству золота. Работает крупный комплекс по переработке минеральных удобрений, фосфоритной руды, синтетических моющих средств. Государство обладает значительными нефтегазовыми ресурсами.

Анализируя данные таблицы 9, отметим высокие темпы роста в машиностроении, производстве электронного и оптического оборудования, а также в производстве прочих товаров.

Таблица 9 – Темпы прироста/снижения индекса промышленного производства⁸⁶

Показатель	2016	2017	2018	2019
Промышленность, всего	-1,1	7,1	4,1	3,8
Обрабатывающие производства	0,7	5,1	4	4,4
Производство пищевых продуктов (с напитками) и табака	2,4	3,2	1,3	1,5
Легкая промышленность			4	11,3
Обработка древесины и производство изделий из дерева	5,3	0,5	2,2	-6,4
Производство бумаги и бумажной продукции	-13,4	3,8	4,9	7,8
Производство кокса и нефтепродуктов	0,6	5,1	8,1	5,9
Химическое производство	-1,6	7,2	8,1	0,9
Производство фармацевтической продукции	2,5	41,8	0,9	12,2
Металлургическая промышленность	6,3	5,9	2,2	4,1
Производство готовых металлических изделий			1	-7,7
Производство электронного и оптического оборудования	-4,1	17,6	29,4	-0,4
Машиностроение	-15,6	38,4	26,3	32,6
Производство мебели			1,3	0,1
Производство прочих товаров	1,3	5,8	170	54

В экспорте промышленной продукции ведущее положение занимает продукция металлургии, кокс и нефтепродукты, химическая продукция и прочие товары.

⁸⁶ Составлено автором на основе данных ЕЭК. URL: <http://www.eurasiancommission.org>

Кыргызская Республика

Промышленность Кыргызстана формирует свыше 18 % ВВП страны. Преобладающее значение в промышленном производстве имеет обрабатывающая промышленность (почти 80 %). Основные отрасли промышленности КР: гидроэнергетика, цветная металлургия, машиностроение, приборостроение, легкая, пищевая и горнорудная промышленность. В стране ведется добыча ртути, угля, сурьмы, а также нефти, газа, волластонита и горючих сланцев. Значительный сектор составляет золотодобыча.

Таблица 10 – Темпы прироста/снижения индекса промышленного производства⁸⁷

Показатель	2016	2017	2018	2019
Промышленность, всего	4,9	11,5	5,4	6,9
Обрабатывающие производства	5,4	7,6	5	8,3
Производство пищевых продуктов (включая напитки) и табака	17,1	12,2	5,5	3,8
Легкая промышленность			16,5	18
Обработка древесины и производство изделий из дерева	4,9	22,9	1	0,3
Производство бумаги и бумажной продукции	1,8	-7,7	16,4	-61,5
Производство кокса и нефтепродуктов	44,4	25,9	8,9	-40
Химическое производство	-27,3	6,7	-8,5	-3,8
Производство фармацевтической продукции	-1,2	25,6	-23,3	-2,2
Металлургическая промышленность	9,4	4	4,4	12,3
Производство готовых металлических изделий			-3,7	-2,1
Производство электронного и оптического оборудования	-12,1	-14,4	44,9	24,1
Машиностроение	8,8	35,6	-7,5	55,6
Производство мебели			-6,8	-13,9
Производство прочих товаров	-2,6	17,3	0,2	35,8

⁸⁷ Составлено автором на основе данных ЕЭК. URL: <http://www.eurasiancommission.org>

Рассматривая данные таблицы 10, можно заметить стабильные темпы роста промышленного производства, активно наращивает темпы обрабатывающая (легкая и металлургическая) промышленность, набирает темпы производство электронного и оптического оборудования, машиностроение, а также производство прочих товаров. Но одновременно снижаются темпы прироста производства пищевых продуктов (включая напитки) и табака, существенно снизился темп прироста в производстве кокса и нефтепродуктов, отрицательные темпы прироста химического производства, фармацевтической продукции, производства готовых металлических изделий и мебели.

В экспорте промышленной продукции преобладают машины и оборудование, кокс и нефтепродукты, продукция автомобилестроения, строительные материалы, продукция металлургии, пищевые продукты и прочие товары.

Российская Федерация

Основную долю промышленного производства ЕАЭС составляет промышленность Российской Федерации, как самого крупного субъекта экономического объединения. В структуре ВВП страны доля промышленности превышает 24 %. Основные отрасли промышленности: добыча и переработка нефти, газа, драгоценных камней и металлов, самолетостроение, ракетно-космическое производство, машиностроение, пищевая промышленность и мн. др.

За анализируемый период (2016–2019 гг.) высокие темпы прироста в промышленном производстве не наблюдались ни в одной отрасли. Однако почти везде отмечены положительные показатели прироста (таблица 11).

Выше нами уже давалась краткая информация о состоянии промышленных комплексов государств-членов ЕАЭС. Ее данные подтверждают наличие потенциала для развития названных приоритетных направлений в промышленной отрасли, представленных в национальных программах развития. Однако техническая перевооруженность определяется размером инвестиций в основной капитал (таблица 12).

Таблица 11 – Темпы прироста/снижения индекса промышленного производства⁸⁸

Показатель	2016	2017	2018	2019
Промышленность, всего	1,1	1	2,9	2,4
Обрабатывающие производства	0,1	0,2	2,6	2,3
Производство пищевых продуктов (включая напитки) и табака	2,4	3,9	4,6	4,3
Легкая промышленность			2,6	-0,5
Обработка древесины и производство изделий из дерева	2,8	2,2	10,6	5,3
Производство бумаги и бумажной продукции	0,8	2,5	12,6	3,6
Производство кокса и нефтепродуктов	-2,4	0,6	1,8	1,4
Химическое производство	5,3	4,3	2,7	3,4
Производство фармацевтической продукции	3,7	12,3	8,2	19,6
Металлургическая промышленность	-2,3	-3,3	1,7	0,6
Производство готовых металлических изделий			1,3	8,9
Производство электронного и оптического оборудования	-1	-3,2	-1,5	8
Машиностроение	-3	7,3	3,6	-2,5
Производство мебели			5,5	6,8
Производство прочих товаров	-6,2	9,5	11,2	-0,4

Информация по темпам прироста инвестиций в государствах-членах ЕАЭС в основной капитал (таблица 13) доказывает положительную динамику и стабильный рост данного показателя во всех государствах объединения, и ЕАЭС в целом.

Таким образом, можно отметить, что потенциал для развития промышленного производства в государствах имеется, но существует целый ряд проблем, ограничений, барьеров (рассмотренных нами в 4.1), которые не позволяют в должной мере

⁸⁸ Составлено автором на основе данных ЕЭК. URL: <http://www.eurasiancommission.org>

Таблица 12 – Инвестиции в основной капитал,
к предыдущему году, в % прироста⁸⁹

Показатель	2017	2018	2019
Армения	-6,4	4,5	4,4
Беларусь	1,4	5,1	4,3
Казахстан	4,4	3,3	9,7
Кыргызстан	4	3,3	6,3
Россия	4,2	4,1	0,7
ЕАЭС	4,1	4,1	1,9

развиваться промышленности как на национальном уровне, так и в рамках евразийской экономической интеграции. В этой связи стоит задача нейтрализации существенных негативных факторов и разработки основных направлений промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС, непременно учитывая имеющиеся сложности и ориентируясь на перспективы развития промышленного производства отдельно по участникам экономического союза.

Таблица 13 – Матрица соответствия приоритетных
отраслей промышленного сектора в программах развития
государств-членов ЕАЭС⁹⁰

№ п/п	Показатель	РА	РБ	РК	КР	РФ
1	Фармацевтическая промышленность	х	х			х
2	Алмазообрабатывающая, ювелирная и часовая промышленность	х				
3	Производство строительных материалов	х	х	х	х	х
4	Легкая промышленность	х	х		х	х
5	Виноделие и коньячная промышленность	х				
6	Автомобилестроение		х	х		х

⁸⁹ Составлено автором на основе данных ЕЭК. URL: <http://www.eurasiancommission.org>

⁹⁰ Составлено автором самостоятельно на основе данных ЕЭК.

Продолжение табл. 13

№ п/п	Показатель	РА	РБ	РК	КР	РФ
7	Производство сельскохозяйственной техники		x	x		x
8	Производство железнодорожной техники		x	x		x
9	Производство машин и оборудования для нефтеперерабатывающей и нефтедобывающей промышленности		x	x		x
10	Производство машин и оборудования для горнодобывающей промышленности			x	x	x
11	Радиоэлектронная промышленность	x	x			x
12	Производство электрических машин и электрооборудования		x	x		x
13	Станко-инструментальная промышленность	x	x			x
14	Металлургия (черная и цветная)		x	x		x
15	Топливо-энергетический комплекс		x		x	x
16	Медицинская и микробиологическая промышленность		x			x
17	Лесная и деревообрабатывающая промышленность, целлюлозно-бумажная промышленность		x			x
18	Химическая и нефтехимическая отрасль, нефтепереработка и нефтегазохимия		x	x		x
19	Производство продуктов питания			x		
20	Агрохимия			x		
21	Сектора научно-технической и инновационной сферы	x	x			x

4.3. Основные направления промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС в условиях зарождения Четвертой промышленной революции

Рассматривая вопрос о промышленном сотрудничестве в новых условиях, следует изучить более детально характерис-

тику особенностей Четвертой промышленной революции. Промышленная революция представляет собой революционные изменения в орудиях и организации производства, переход от доиндустриального способа производства к индустриальному, а в настоящее время – к постиндустриальному. Понимание сути нового качественного перехода и будет способствовать специфике раскрытия вопроса о промышленном сотрудничестве.

Основой развития новой промышленной революции послужили достижения предыдущих трех промышленных революций, а причиной – меняющийся технологический уклад. Новый технологический уклад, основанный на цифровых технологиях, биотехнологиях, внедрении интернет-знаний и прочих новшествах, меняет не только производственный процесс, но и организацию производства, его распределение и, соответственно, систему управления процессом производства. Это приводит к изменению производственных связей, трансформирующихся в технологические платформы, т. е. зарождается новый тип взаимодействия между потребителем и производителем в пользу совместного расширенного производственного процесса, меняется структура цепочки создания добавленной стоимости, превращаясь в динамичную и неустойчивую цепь неопределенных ролей и ответственностей. Происходят изменения и в типе производства – сочетается массовое и высококастомизированное (индивидуализированное) производство, с достижением конкурентных преимуществ в виде снижения издержек на единицу продукции для определенного потребителя. Слияние материального и виртуального мира рождает новые киберфизические комплексы, формирующие одну целостную digital-экосистему, содержащую в себе объединение массы процессов и этапов производства, начиная от проектирования изделия и заканчивая готовым продуктом. Преобразование имеющихся заводов и фабрик в «умные предприятия» является процессом небыстрым, требующим при этом значительных затрат, но это главное условие для получения конкурентоспособных продуктов на новом витке промышленного развития.

Огромное значение имеет смена научной парадигмы, приводящая к коренным изменениям в организации производства через промышленный интернет. Современный тип производства, характеризующийся парадигмой эффективности, сменяется сетевой кооперативной деятельностью, где вертикально-интегрированная организация производства трансформируется в сетевую. Важным элементом в этом процессе является разработка продукта. Локальный дизайн продукта в крупнейших мировых ТНК, производящийся в глобальных масштабах, актуализируется как глобальный дизайн через сетевую систему разработчиков продукта и локальное производство, ориентированное на конкретного потребителя с его индивидуальными требованиями к товару. Все эти преобразования развитые государства уже активно переживают, анализируя свои ошибки в движении впереди всего остального мира.

А что же происходит в ЕАЭС и какие приоритеты сотрудничества в развитии стоят перед государствами-членами объединения?

В поисках ответа на поставленный вопрос нами проанализированы программы государств-членов ЕАЭС по приоритетным направлениям промышленного развития. Анализ выявил следующее. У всех пяти членов ЕАЭС в качестве приоритетного направления выделено производство строительных материалов, у четырех – легкая промышленность. Остальные же сферы представлены в основном тремя государствами. А вот развитие научно-технической и инновационной сферы частично представлено в Республике Армения, остальные направления – только в Республике Беларусь и Российской Федерации. Свод приоритетных отраслей представим в следующей матрице (таблица 13).

Данная матрица показывает выделенные в государственных программах промышленного развития на ближайшие годы отрасли, которые имеют потенциальные возможности для расширения производства и ориентированы на экспорт.

Важно отметить, что «...Целью промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС является реализация потенциала эффективного и взаимовыгодного взаимодействия государств-членов для обеспечения ускорения и устойчивости промышленного развития, повышения конкурентоспособности и инновационной активности промышленности государств-членов»⁹¹. В рамках базового стратегического документа «Основные направления промышленного сотрудничества» стороны определили перечень приоритетных видов экономической деятельности для взаимодействия государств-членов ЕАЭС в этой сфере. «...Это 19 базовых направлений, такие как сельскохозяйственное машиностроение, металлургия, легкая промышленность, электромобили, космическая отрасль, авиастроение, станкостроение, нано-индустрия, подъемно-транспортное оборудование, производство строительных материалов, деревообработка, энергетическое машиностроение (электротехническая промышленность), железнодорожное машиностроение, химическая промышленность, фармацевтика»⁹².

При координации работы ЕЭК осуществляется выбор наиболее весомых кооперационных проектов в приоритетных отраслях промышленности, определенных экспертами государств с помощью широкого аналитического инструментария и привлечением научно-исследовательских и прочих организаций. Анализ национальных стратегий развития отраслей, определение основных тенденций развития, а также мониторинг состояния внешних и внутренних торговых отношений государств-членов ЕАЭС, позволяют целостно оценить состояние отраслей промышленного производства и определить основные направления для корректировки промышленной политики, а также решения возникших проблем как на национальном, так и наднациональном уровнях.

⁹¹ Решение Межправсовета от 8 сентября 2015 г. № 9. – С. 7. URL: <http://www.eurasiancommission.org>

⁹² Промышленная политика в Евразийском экономическом союзе: три года интеграции, 2018 г. – С. 56.

Каждое из представленных выше направлений имеет свои особенности развития и формирования кооперационных связей. В некоторых отраслях государства-члены ЕАЭС не готовы к полноценному сотрудничеству и кооперации в производственном процессе, сохраняя конкуренцию друг с другом при реализации готового товара на рынок ЕАЭС. В других отраслях не хватает своих мощностей для производства готового продукта, в связи с чем предприятия переходят к сотрудничеству с третьими странами для производства готового продукта. Так, например, в сельхозмашиностроении не производят требуемые электронные компоненты в пределах стран ЕАЭС, в т. ч. автоматизированную трансмиссию, спутниковую навигацию и др. Имеются определённые сложности и с производством (некоторые электронные компоненты), и с введением в эксплуатацию (инфраструктура, институциональная специфика) электромобилей.

Однако рассмотрение сотрудничества в металлургическом производстве показало, что страны-участницы ЕАЭС добились там хороших результатов:

- разработано 15 и 22 кооперационных проекта в цветной и черной металлургии, соответственно;
- продолжается работа по углублению кооперации для создания условий инновационного развития отрасли, по поиску и вовлечению новых участников рынка, повышению энергоэффективности и экологичности производства продукции цветной и черной металлургии.

Так, развитие космической отрасли, представленной кооперацией России, Беларуси и Казахстана, осложняется необходимостью поставки значительной доли импортных комплектующих в электронной компонентной базе (90 %) от поставщиков из США и Китая. В рамках развития данного направления приоритетом названо повышение доли отечественных производителей ЭКБ до 70 %.

Большое значение имеет развитие таких направлений, которые являются смежными с другими отраслями и через

мультипликационный эффект будут способствовать росту производства и вовлеченности всех государств-членов ЕАЭС. Таковым проектом становится авиастроение, где будут задействованы такие отрасли, как черная и цветная металлургия, приборостроение, станкостроение, машиностроение и др.

В рамках перехода к новому технологическому укладу особенное внимание следует уделить станкостроению. После распада Советского Союза техническое перевооружение практически не производилось, инвестиции в этот процесс по сравнению с мировыми тенденциями минимальны. В таких условиях не приходится надеяться на скорый рост производительности труда и эффективности производства. Процесс реиндустриализации на предприятиях должен осуществляться ударными темпами, что позволит отрасли станкостроения развиваться, поскольку расширяются и потребности внутреннего рынка в этих товарах, и развивается политика импортозамещения на данном этапе. В дальнейшем данная отрасль сможет ускорить развитие на основе заключения партнерских соглашений по расширению экспорта в третьи страны.

Большое значение в современных условиях имеют химическая и фармацевтическая промышленность. Значительный дефицит отдельных сложных химических продуктов (поливинилхлориды, полиэферы, поликарбонаты и др.) может быть покрыт за счет внутренних ресурсов ЕАЭС, а не за счет импорта товаров. Фармацевтическая промышленность – широкое поле для исследовательских кооперационных проектов и производства готовых лекарственных средств и субстанций.

Условия новой промышленной революции требуют выхода стран ЕАЭС на ведущие позиции инновационной сферы и разработки новых технологий. Среди подобных отраслей приоритетными обозначены авиакосмическое направление, биотехнологии, микроэлектроника, фармацевтика, нано- и композиционные материалы и др. В этом направлении прорабатывается ряд инициатив, сформирован перечень индустриально-инновационной

инфраструктуры, представлена база крупнейших инвестиционных проектов, в 2017 году создан Евразийский дивизион Международной ассоциации технопарков (International Association of Science Parks, IASP) для укрепления и расширения научно-технического сотрудничества.

Кроме того, среди особенностей разработки новой промышленной политики надо назвать ее гибкость и изменчивость к динамичным условиям современности, что подразумевает изменение системы управления промышленными предприятиями.

«Догоняющая постиндустриализация» не приведет нас в число лидеров современного рынка. Конечно же, сам по себе инновационный рост не может стать гарантией действительной трансформации национальных экономик и выведения ЕАЭС в ряды мировых экономических лидеров. Также и рассчитывать на «квази-инвестиции» не стоит, ведь так можно стать не только реципиентом технологий вчерашнего дня, но и остаться на незавершенном пути импортозамещения технологического характера.

Для осуществления технологического прорыва требуется наднациональная координация участников технологических разработок и существенная концентрация ресурсов, однако механизмы рынка не могут гарантировать преодоления этих барьеров. В этом направлении необходимо добиваться сотрудничества государства, бизнеса и науки на базе ЕТП, которое будет способствовать выработке актуальных приоритетов развития производства, а также своевременного изменения и адаптации к институциональным условиям.

Особенно важным данное партнерство станет в рамках стратегии опережающей коммерциализации научных разработок и идей. Такая стратегия может стать наиболее подходящей для ЕАЭС, обладающей большим научно-техническим и научно-технологическим потенциалом.

В настоящее время прорабатывается вопрос о функционировании Евразийского инжинирингового центра (ЕИЦ), который и станет координационным органом, способствующим генерации

и внедрению инновационных технологических решений для ускорения автоматизации и роботизации производственных процессов на промышленных предприятиях. Центр будет способствовать разработке и внедрению новых технологических решений для всех обозначенных выше приоритетных отраслей промышленности, через объединение всех заинтересованных сторон разных уровней, а также способствовать работе центров компетенции сторон с целью подготовки соответствующих кадров. В 2016 году страны союза утвердили концепцию создания ЕИЦ по станкостроению, определив координаторов в Армении, Беларуси, Казахстане и России. Наибольший интерес будет представлен в новейших отраслях, актуальных для цифровой экономики.

Большую роль в ускорении развития государств-членов ЕАЭС играет сотрудничество в области трансфера технологий. Евразийская сеть трансфера технологий является одним из основных инструментов передачи результатов интеллектуальной деятельности, защиты прав интеллектуальной собственности и форсирования процесса коммерциализации.

В рамках Четвертой промышленной революции необходима цифровая трансформация промышленности через создание «умных» заводов и фабрик, внедрение современных систем добычи и использования ресурсов, объектов «умной» инфраструктуры, разработку и применение беспилотных авиасистем и автомобильных систем, систем безопасности и других направлений цифровизации, охватывающих отраслевые и технологические рынки.

Актуальным вопросом остается создание Атласа промышленности, по поводу которого ЕЭК концептуально высказывалась еще в 2018 году. Там должны быть объединены данные о мониторинге субсидий для промышленного сектора, об инвестиционных возможностях и страховании, а также доступе к геоинформационной системе.

Наличие собственной научно-исследовательской базы, требующей значительных расходов, выглядит не очень актуальным в свете имеющейся возможности приобретения уже созданных технологий, предоставляемых лидирующими странами. Но «идя на поводу» подобных предложений, мы рискуем остаться на последних позициях и попасть в ловушку технологического изживания, что фактически означает консервацию технологического отставания.

Чтобы объективно оценить эффективность усилий по развитию инноваций в той или иной стране, рассмотрим Индекс инноваций, который представляет собой соотношение затрат и эффекта (таблица 14).

Таблица 14 – Индекс инноваций государств-членов ЕАЭС в 2019 году⁹³

Государство	Место в рейтинге	Значение индекса
Армения	64	34,0
Беларусь	72	32,1
Казахстан	79	31,0
Кыргызстан	90	28,4
Россия	46	37,6

Данные таблицы 14 отражают ситуацию в странах ЕАЭС на 2019 г. по наличию ресурсов и условий для проведения инноваций, а также достигнутые практические результаты осуществления инноваций. Согласно Индексу, на лучшем месте из государств-членов ЕАЭС находится Россия, которая и занимает ведущее место в структуре промышленного производства ЕАЭС. Улучшили в рейтинге свои позиции с 2018 года Армения и Беларусь (на 4 и 14 пунктов, соответственно), Казахстан ухудшил позицию на 5 пунктов. В отношении Кыргызстана за 2018 год данных не представлено. Однако следует отметить,

⁹³ По данным исследования The Global Innovation Index 2019. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-innovation-index/info>

что наиболее активная инновационная деятельность в рассматриваемом периоде отмечалась на отечественных предприятиях по добыче угля, металлических руд, по производству и распределению электроэнергии, производству основных металлов и готовых металлических изделий, пищевых продуктов, прочих неметаллических минеральных продуктов. Инновационно-активными предприятиями (98,1 % частной формы собственности) освоено и выпущено 15 новых видов продукции. Среди них – 13 видов алюминиевых радиаторов к автомобилям и агротехнике, один вид светодиодных ламп с нитевидным излучателем. Также освоен выпуск вибрационного измельчителя для добычи полезных ископаемых⁹⁴.

Для предотвращения технологического отставания, следует отметить, необходима разработка карты индустриализации ЕАЭС, которую уже поручил разработать Евразийский Межправительственный совет ЕЭК. Карта индустриализации станет основным инструментом координации действий государств-членов ЕАЭС по импортозамещению и мониторингу технологической импортозависимости государств, определению потенциала в развитии отдельных отраслей промышленности и возможности организации кооперационных связей. Имеющиеся кооперационные связи объединения помогут избежать дублирования разработок и исследований и двигаться в направлении специализации производства. Предположительно, данный документ будет представлен тремя разделами: один из них будет аккумулировать крупные инвестиционные проекты, уже реализуемые и планируемые к реализации, а также особо значимые проекты для отдельных отраслей промышленности. В следующем разделе будет представлен ряд технологических направлений более чем в 20 отраслях промышленности, по которым необходимы импортозамещающие мероприятия и собрана информация по предприятиям, способным принять участие в разработках

⁹⁴ Промышленность Кыргызской Республики 2014–2018 гг. URL: <http://www.stat.kg/>

и реализации соответствующих проектов. Третий раздел будет содержать перечень товарных позиций с наибольшей долей импорта на территории ЕАЭС для сокращения импортозависимости объединения. Согласно информации, в этом документе будут прорабатываться совместные программы и проекты по увеличению и обновлению производственных мощностей, создаваться межотраслевые связи производителей, а также будет более эффективно использоваться имеющийся в государствах-членах ЕАЭС потенциал.

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что основными направлениями промышленного сотрудничества в условиях Четвертой промышленной революции и смены господствующей индустриальной парадигмы являются проекты в сфере инновационного развития промышленности, реиндустриализации с применением цифровых технологий; кооперация в сфере НИОКР, налаживание кооперационных связей в области машиностроения, станкостроения, авиастроения, химической и фармацевтической промышленности через создание и отработку институциональной и организационной структур взаимодействия заинтересованных сторон.

4.4. Перспективы влияния политики ЕАЭС на индустриальное развитие Кыргызской Республики

Современные тенденции развития экономических процессов свидетельствуют о необходимости модернизации экономики и проведения структурных реформ для обеспечения поступательного экономического развития Кыргызской Республики. Присоединение к ЕАЭС ускорило процессы трансформации в направлении требований евразийских обязательств и позволило занять выгодное положение от планируемых на начальном этапе, а сейчас уже активно реализуемых, четырех свобод, обозначенных государствами-членами. При этом отмечен ряд изменений в институциональных основах развития экономики,

решены вопросы, вызванные наличием изъятий и ограничений, достигнут ряд договоренностей о выгодных условиях для расширения внешнеторговых отношений и т.д.

Оценивая степень влияния политики ЕАЭС на развитие Кыргызстана в целом и индустриальное развитие в частности, следует напомнить об устранении противоречий в сфере национальных программ развития. Ввиду необходимости скоординированных и слаженных действий государств-членов ЕАЭС «...в мае 2013 года подписано Решение Высшего Евразийского экономического совета «Об основных направлениях координации национальных промышленных политик Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации», к которым позднее присоединились Армения и Кыргызстан»⁹⁵. Разработка основных направлений промышленного сотрудничества позволила выявить приоритетные направления кооперации в промышленном секторе, что существенно отразится на доработке стратегии промышленной политики КР и, соответственно, на разработке дальнейших программ развития промышленного сектора экономики.

Однако до сих пор реализация скоординированной политики осложнена недостаточным взаимным инвестированием государств-членов ЕАЭС в реальный сектор экономики, наличием в программах протекционистских мер и слабой активностью самих промышленных компаний. ЕЭК разработала проект Соглашения о промышленной политике, в котором фактически провозгласила возможность создания межгосударственных промышленных кластеров, базирующихся на технологических и технических возможностях государств-членов ЕАЭС.

Но стоит подчеркнуть: у стран отсутствует нацеленность на формирование общего внутреннего рынка в рамках экономического союза с учетом специализации стран по отдельным

⁹⁵ Кузьмина Е.М. Экономическое развитие стран ЕАЭС и перспективы экономической интеграции до 2025 года // Аналитическая записка / РСМД. – М., 2017. – С. 18.

видам продукции. Нет достаточной вовлеченности государств-членов в кооперационные поставки, что связано с минимальной осведомленностью хозяйствующих субъектов о потребностях и производственных возможностях производителей промышленной продукции из стран-партнеров по ЕАЭС. Решению данной проблемы должно способствовать создание Евразийской сети промышленной кооперации и субконтрактации⁹⁶, а также решение о создании Совета по промышленной политике. Совет этот уже обеспечивает координацию взаимодействия уполномоченных органов государств-членов, к работе которых относится выработка государственной политики в сфере промышленности. Наряду с этим, в задачи совета будет включена:

- разработка предложений по углублению взаимодействия стран при реализации промышленной политики в рамках объединения;
- содействие эффективному использованию производственных мощностей государств-членов и технологическому оснащению новых предприятий промышленности;
- обеспечение противодействия последствиям глобальных экономических кризисов в сфере промышленности;
- рассмотрение вопросов промышленного сотрудничества в сфере науки и техники;
- координация деятельности по созданию совместных промышленных предприятий и кооперационных объединений;
- рассмотрение и продвижение интеграционных проектов в сфере промышленности, реализация которых будет проходить с привлечением средств институтов развития⁹⁷.

Обозначенная промышленная политика представляет собой вектор индустриального развития, который и определит

⁹⁶ Анализ кооперационных поставок государств-членов ЕАЭС в целях выявления потенциала промышленной кооперации // Сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org>

⁹⁷ В ЕАЭС создан Совет по промышленной политике Подробнее: URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/05/29/v-caes-sozdan-sovet-promyshlennoy-politike>

основные возможности для экономики КР. Основной упор в соответствии с Программой развития КР на 2018–2022 годы «Единство, доверие и созидание» в промышленном секторе сделан на решении следующих задач:

- укрепление промышленного потенциала страны;
- поддержка текстильного и швейного производства.

В рамках Программы развития КР разработана Стратегия устойчивого развития промышленности Кыргызской Республики на 2019–2024 годы, которая определяет развитие промышленности регионов с учетом их специализации по кластерам, определяет конкретные меры и поддержку промышленности в регионах с обеспечением доступа к финансированию, инфраструктурным и человеческим ресурсам.

Также Стратегией предусмотрены механизмы организации современных ресурсоэффективных и экологически чистых технологий («зеленая» промышленность), привлечение инвестиций в приоритетные отрасли (горнодобывающая – золотодобывающая и стройиндустрия, нефтегазовая и угледобывающая – и горно-металлургическая отрасль), такие как энергетика, легкая промышленность, переработка аграрного сырья для производства продуктов питания, туризм, приоритеты промышленности в глобальном пространстве.

Для выполнения национальной стратегии подготовлен план мероприятий по реализации приоритетных задач отдельных отраслей промышленности, который будет профинансирован за счет республиканского бюджета, донорских и привлеченных средств.

Важным блоком по достижению обозначенных стратегией задач являются такие современные структуры, как кластеры, технополисы, промышленные зоны и индустриальные парки. Реализация данных проектов позволит Кыргызстану выйти на новый уровень промышленного производства и обеспечит рост производительности труда в обозначенных отраслях, позволит увеличить объемы производства и предлагать на экспорт

высококачественную продукцию. Согласно перечню мероприятий по реализации направлений Стратегии устойчивого развития промышленности Кыргызской Республики на 2019–2023 годы планируется ввести 45 новых предприятий и прочих объектов промышленного значения по всем регионам страны.

Изучение отраслевой структуры экономики регионов показало наличие предпосылок развития следующих локальных кластеров⁹⁸:

- образовательный (города Бишкек и Ош);
- строительный (Чуйская, Ошская области);
- туристический (Иссык-Кульская область);
- нефтехимический (Джалал-Абадская область);
- агропромышленный (большинство территорий, за исключением отдельных районов и городов);
- животноводческий (Чуйская, Нарынская области);
- транспортно-коммуникационный (Нарынская, Ошская, Иссык-Кульская, Чуйская области, г. Бишкек);
- медико-фармацевтический (г. Бишкек).

Кластерная политика в регионах республики должна разрабатываться в зависимости от конкретного товара, ситуации, сложившейся в его производстве, места его в структуре регионального рынка и экспортных поставках региона, перспектив его производства с учетом международного разделения труда.

Создание локальных кластеров придаст большой импульс развитию малого бизнеса в Кыргызстане, что будет способствовать существенному повышению его конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках, увеличению доходности региона, позволит решить проблемы занятости населения.

На наш взгляд, целесообразно рассматривать не только локальные, но и межрегиональные кластеры, которые смогут дальше внедряться в евразийские кластеры на базе Евразийских

⁹⁸ Концепция региональной политики Кыргызской Республики на 2018–2022 годы от 31 марта 2017 г. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/99907?cl=ru-ru>

технологических платформ. Примером такого проекта может стать кластер в легкой промышленности, включающий в себя все смежные с ней предприятия, которые обеспечивают слаженную кооперационную работу в условиях активной государственной поддержки (рисунок 5).

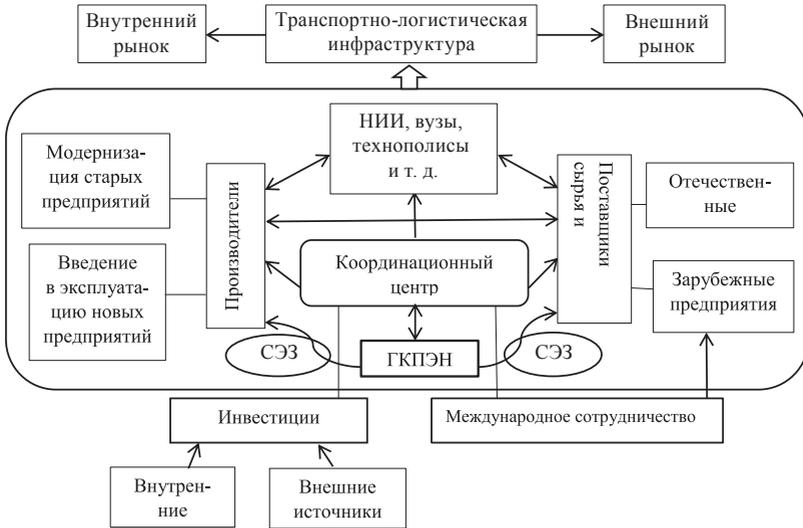

Рисунок 5 – Модель кластера в легкой промышленности КР⁹⁹

Координационный центр, представленный в данной модели, является органом, способствующим слаженной работе государства (ГКПЭН), бизнеса (производители и поставщики) и науки (вузы, НИИ, технополисы), что олицетворяет основную задачу в условиях перехода к новому технологическому укладу.

В задачи центра входит привлечение инвестиций, налаживание международных связей, слаженная работа с ГКПЭН, отладка транспортно-логистической инфраструктуры, привлечение партнеров, поиск заказов, реализация инновационных проектов и др.

⁹⁹ Самостоятельно разработана автором.

Формирование кластеров обеспечит форсирование развития легкой и текстильной промышленности, а также предприятий, включенных в проект в виде смежных (животноводство, овцеводство, хлопчатобумажная промышленность, химическая промышленность и др.). Наличие большого числа мелких и средних предприятий имеет свои сложности, которые связаны с отсутствием постоянных заказчиков, недостаточным финансированием, отсутствием квалифицированных кадров, отсталыми технологиями, нестабильным сбытом продукции и т. д. Благодаря кластерному подходу и слаженной работе всех участников производственного и логистического процессов проект будет способствовать росту эффективности производства, его модернизации, дифференциации, расширению стейкхолдеров как внутренних, так и внешних, а также будет насыщать рынок необходимыми технологиями и соответствующими кадрами. В кластер будут включены также технополисы для текстильного и швейного производства, которые будут заниматься внедрением и применением технико-технологических новшеств на предприятиях легкой промышленности на основе государственно-частного партнерства. Ядром технополиса является разработка и освоение выпуска высокотехнологичной продукции мирового класса.

В качестве механизма формирования кластера рассмотрим институциональное взаимодействие заинтересованных сторон (рисунок 6).

В соответствии с представленным выше механизмом, важно отметить необходимость взаимодействия всех стейкхолдеров процесса, а также согласование всех программных документов и интересов непосредственных исполнителей. Подобные механизмы должны быть отлажены во всех секторах промышленности для более эффективной реализации намеченных в стратегии задач. Концептуальный подход и соответствующие нормативно-правовые акты ускорят процесс исполнения программ и будут способствовать согласованному принятию решений не только на национальном, но и наднациональном уровнях.

Рисунок 6 – Механизм формирования кластера¹⁰⁰

В качестве новых форм организации промышленных объектов рассмотрим индустриальные парки. На стадии реализации находится огромный проект (завершение планируется к 2023 году) – индустриальный парк «Silk Way», площадь которого ориентировочно составит 70 га земли на пересечении трасс международного значения А365 и М39. На территории парка планируется строительство 112 профильных фабрик легкой промышленности, где будут работать крупные предприятия, а также индивидуальные предприниматели, работающие на патентной основе.

Парк будет состоять из следующих секторов:

- промышленная зона;
- центр логистики, таможенного контроля, маркетинга и менеджмента;

¹⁰⁰ Разработан автором самостоятельно

- экспозиционный центр;
- административно-хозяйственные, спортивно-оздоровительные и культурно-образовательные комплексы.

В перспективе строительство и обустройство данного объекта должно привлечь инвестиции в объеме 200–250 млн долл. с созданием 35 тысяч рабочих мест. Однако привлечение инвестиций усложняется неподходящими для инвесторов условиями, неразвитостью системы страхования, низкой заинтересованностью внутренних стейкхолдеров и т. д.

Таким образом, рассматривая влияние политики ЕАЭС на индустриальное развитие Кыргызстана, целесообразно, на наш взгляд, выделить следующие положительные аспекты:

- необходимость реанимирования текстильной промышленности (шелковые, хлопчатобумажные, шерстяные ткани) за счет технологической переоснащенности ранее действовавших производственных объектов;
- рост производства и экспорта швейной продукции из Кыргызстана, а также разработка и внедрение в производство высокотехнологичной продукции в рамках кооперации и интеграции;
- развитие ювелирной и швейной отраслей со спецификой национального колорита;
- ускорение развития туристической сферы и притока туристов из государств-членов ЕАЭС;
- развитие потенциала торговых комплексов за счет увеличения товарооборота и возможности сбыта своей продукции как в пределах ЕАЭС, так и в других государствах в рамках заключенных договоров в зонах свободной торговли и включения в проект «Один пояс – один путь»;
- активизация деятельности бизнес-среды для участия в наиболее значимых для экономики страны проектах. В том числе, по созданию импортозамещающих производств на территории КР в условиях кооперации, созданию технологических

платформ и раскрытию возможностей сотрудничества всех заинтересованных участников;

- создание новых рабочих мест, повышение конкурентоспособности квалифицированных кадров на международном рынке труда, формирование необходимых компетенций в свете современных трансформаций;
- улучшение инвестиционного климата и рост финансовых возможностей для реиндустриализации страны (РКФР, ЕБРР и др.);
- экономия бюджетных средств за счет реформирования таможенной системы и минимизации затрат, связанных с необходимостью оснащения и содержания таможенных пунктов пропуска за счет их оборудования современными техническими средствами.

ГЛАВА 5. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И НОРМАТИВНАЯ БАЗА ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

5.1. Промышленная политика и политика стимулирования технологического развития России

«К началу XX века Российская империя все еще оставалась преимущественно аграрной страной, хотя и успела создать значительный промышленный сектор.

После возникновения СССР ... была осуществлена ускоренная индустриализация страны. ... В дальнейшем процесс индустриализации осуществлялся на основе перспективных пятилетних планов развития народного хозяйства, носивших централизованный и директивный характер»¹⁰¹.

До 80-х гг. XX века промышленность в Советском Союзе признавалась ведущим сектором экономики, и это находило отражение в направленности государственной экономической политики.

В 90-е годы произошел распад Советского союза. И в России так же, как и в других странах, входивших в СССР, изменилась экономическая система. Вопрос о необходимости проведения промышленной политики государством стал дискуссионным.

По мнению Ю.В. Симачева, «...теоретические и практические дебаты на тему промышленной политики традиционно носят в России крайне ожесточенный характер, по меньшей мере, по трем причинам. Во-первых, не вполне правомерно, но именно этот вопрос является одним из водоразделов между экономическими «либералами» и «традиционалистами»,

¹⁰¹ Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка: монография. Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. – С. 59.

а в 1990-е годы – между «шокотерапевтами» и «градуалистами». Во-вторых, промышленная политика стала Бородинским полем для гораздо более масштабной битвы между сторонниками ведущей роли государства и убежденными сторонниками ведущей роли частного предпринимательства в формировании структуры экономики, а также между «дирижистами» и «институционалистами». И, наконец, споры по поводу промышленной политики часто маскируют лоббистские войны между сторонниками государственного протекционизма в отношении секторов и отраслей, наиболее пострадавших от структурных изменений 1990-х годов»¹⁰².

Первые попытки разработать новую государственную промышленную политику уже Российской Федерации начались в 90-х гг. XX века, в разгар либеральных реформ. «На первом этапе ведущую роль в разработке такой политики играл Государственный комитет по промышленной политике России (Госкомпром РФ)»¹⁰³.

«Промышленная политика в Концепции Госкомпрома рассматривалась как инструмент решения ключевых на тот момент вопросов развития российской экономики: восстановления ее управляемости (с поправкой на рыночную экономику и частную собственность), проведения структурных преобразований. Составляющими промышленной политики считались бюджетная, налоговая, ценовая, амортизационная, антимонопольная и инвестиционная политики (в тех аспектах, которые были непосредственно связаны с вопросами промышленного развития). В числе мер, предлагаемых к реализации, указывались заключение трехсторонних соглашений между государством, работодателями и профсоюзами, приватизация, демополизация, создание систем сертификации и управления

¹⁰² Кузнецов Б.В., Симачев Ю.В. Эволюция государственной промышленной политики в России // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2014. – № 2 (22). – С. 155.

¹⁰³ Там же. – С. 157.

качеством промышленной продукции, развитие наукоградов и технополисов»¹⁰⁴.

«...Комитет (да и правительство в целом) в тот период не имел ресурсов для практических активных действий, не были еще созданы и механизмы для эффективного вмешательства в экономику и влияния на ее структуру. Так что ведущая роль сводилась к наработкам концептуального плана»¹⁰⁵.

«...Эта попытка адаптации зарубежного опыта была подвергнута критике за чрезмерно общий и теоретический характер документа, отсутствие конкретных приоритетов промышленного развития»¹⁰⁶.

«Когда в 1995 г. в развитие Концепции Госкомпромом были разработаны «Основные направления промышленной политики Российской Федерации на 1995–1997 годы», фокусировавшиеся на создании высокотехнологичных промышленных производств, сам Госкомпром уже не имел достаточного политического веса, чтобы добиться реализации этого документа»¹⁰⁷. В 1996-м Государственный комитет по промышленной политике России был расформирован и преобразован в Министерство промышленности Российской Федерации¹⁰⁸.

Министерство промышленности Российской Федерации проработало менее года и было ликвидировано в марте 1997 г. с передачей его функций Министерству экономики Российской Федерации¹⁰⁹. «Попытки Минпрома России непосредственно

¹⁰⁴ Черноусова М.Е. Концепции государственной промышленной политики России (1991–2008 гг.) // Вестник ТГУ. – 2009. Вып. 7 (75).

¹⁰⁵ Кузнецов Б.В., Симачев Ю.В. Указ. работа. – С. 158.

¹⁰⁶ Бодрова Е.В., Гусарова М.Н., Калинов В.В. Эволюция государственной промышленной политики в СССР и Российской Федерации. – М.: РЕ-ГЕНС, 2013.

¹⁰⁷ Черноусова М.Е. Указ. работа.

¹⁰⁸ Указ Президента Российской Федерации от 14 августа 1996 г. № 1177.

¹⁰⁹ Указ Президента Российской Федерации от 17 марта 1997 г. № 249 «О совершенствовании структуры федеральных органов исполнительной власти».

заняться практической реализацией промышленной политики, урегулировать кризис неплатежей и повысить конкурентоспособность отечественных предприятий реализованы не были»¹¹⁰.

«В апреле 1998 г. при формировании нового российского правительства было создано Министерство промышленности и торговли Российской Федерации (Минпромторг России)»¹¹¹.

«В июле того же года полномочия Минпромторга России были расширены за счет включения в них функций по реализации инвестиционной политики, решению вопросов внешнеторговой политики и ряда других. Декларируемой целью данных преобразований было «удержание промышленности и оборонного комплекса от дальнейшего разрушения». Реализации поставленной цели помешал «августовский дефолт». В ходе очередных изменений в структуре федеральных органов исполнительной власти Минпромторг России был упразднен, так и не получив необходимых ресурсов для реализации своих полномочий и не сформировав единой концепции промышленной политики. Идеи промышленной политики нашли лишь частичное отражение в Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 гг.»¹¹².

Основой концепции промышленной политики государства в этот период стали так называемые «точки роста», а также ускорение внутривымышленной интеграции и развития финансово-промышленных групп (ФПГ). С целью формирования интегрированных структур был создан реестр ФПГ, «... который в условиях отсутствия каких-либо специальных условий

¹¹⁰ Бодрова Е.В., Гусарова М.Н., Калинов В.В. Эволюция государственной промышленной политики в СССР и Российской Федерации. – М.: РЕГЕНС, 2013.

¹¹¹ Денис Мантуров. Эволюция подходов к государственному управлению промышленностью в 1995–2015 гг. // Экономическое развитие России. – 2017. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-podhodov-k-gosudarstvennomu-upravleniyu-promyshlennostyu-v-period-s-1995-po-2015-gg> (дата обращения: 10.04.2020).

¹¹² Денис Мантуров. Указ. работа.

для работы таких групп так и не стал реальным инструментом промышленной политики»¹¹³.

Также в середине 1990-х годов вводят такой инструмент, как Федеральные целевые программы (ФЦП, направленные (среди остального) и на решение задач структурной перестройки экономики).

По мнению авторов Кузнецова Б.В. и Симачева Ю.В., «...на практике эти программы выступали в большей степени как дополнительный канал финансирования для министерств и ведомств, чем как инструмент решения проблем структурной перестройки. Хроническое недофинансирование запланированных расходов по программам (прежде всего в части внебюджетных источников) превращало их в набор несвязанных проектов, финансируемых государством и объединенных формально отраслевой или региональной принадлежностью»¹¹⁴.

Резюмируя период первого десятилетия после обретения независимости в России, министр промышленности и торговли Российской Федерации Д.В. Мантуров пишет: «Нестабильность политической ситуации в 1990-х годах, усугублявшаяся неблагоприятными экономическими условиями, сказывалась на промышленной политике того времени, носившей отрывочный, непоследовательный и декларативный характер, при этом выступавшей подчас исключительно инструментом продвижения интересов той или иной политической группировки. Результативность этих мер была низкой»¹¹⁵.

Основы промышленной политики государства периода 2000–2003 годов были заложены в «Основных направлениях

¹¹³ Кузнецов Б.В., Симачев Ю.В. Эволюция государственной промышленной политики в России // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2014. – № 2 (22). – С. 158.

¹¹⁴ Там же. – С. 159.

¹¹⁵ Денис Мантуров. Эволюция подходов к государственному управлению промышленностью в 1995–2015 гг. // Экономическое развитие России. – 2017. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-podhodov-k-gosudarstvennomu-upravleniyu-promyshlennostyu-v-period-s-1995-po-2015-gg> (дата обращения: 10.04.2020).

социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу», более известных как «Стратегия-2010», или «Программа Грефа». «Программа создавалась либерально ориентированной группой чиновников и экспертов, не признававших идею проведения промышленной политики как набора инструментов государственной поддержки конкретных отраслей»¹¹⁶.

«В условиях острой дискуссии между выбором стратегии либерализации или мобилизационного сценария развития экономики какие-либо, даже мягкие предложения по промышленной политике, в тот период были отвергнуты. Это определялось также рядом дополнительных обстоятельств: с одной стороны, ограниченность ресурсов для запуска прямых инструментов государственной поддержки, а с другой стороны, в силу неразвитости рыночных институтов – слабый потенциал применения косвенных, регуляционных инструментов промышленной политики; сохранялись довольно сильные позиции крупного бизнеса, в том числе политические, по этой причине промышленная политика воспринималась многими экспертами в качестве серьезного риска «захвата государства» бизнесом и усиления процессов лоббирования им своих интересов»¹¹⁷.

В «Программе Грефа» относительно промышленной политики сформулированы следующие тезисы:

- основной целью структурной политики государства является повышение доли отраслей, производящих продукцию с высокой степенью переработки, и отраслей сферы услуг;
- исходя из структуры российской экономики, важным является стимулирование инвестиций отраслей-экспортеров

¹¹⁶ Яковлев А.А. *Агенты модернизации.* – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2007. – С. 248.

¹¹⁷ Дранев Я., Кузнецов Б., Кузык М., Погребняк Е., Симачёв Ю. *Опыт реализации промышленной политики в Российской Федерации в 2000–2012 гг.: институциональные особенности, группы интересов, основные уроки.* М.: РАНХиГС, 2014. Режим доступа: <http://ssrn.com/abstract=2443928> (дата обращения 24.04.2020).

в модернизацию и развитие как их собственного потенциала, так и потенциала иных отраслей и производств¹¹⁸.

В 2004–2007 годы при осуществлении промышленной политики в России усилилась роль государства в экономике, а промышленная политика приобрела вертикальный (отраслевой) характер. Причинами таких изменений стали такие факторы:

1. Снижение влияния руководителей крупных предприятий на принятие решений на государственном уровне.
2. Увеличение налоговых и внешнеэкономических доходов.

Промышленная политика этого периода была сосредоточена на развитии отдельных секторов экономики. Это способствовало тому, что в России были разработаны стратегии развития различных отраслей промышленности – металлургической, лесной, химической и нефтехимической, транспортно-машиностроения, электронной, судостроительной и атомной энергетики.

Одним из основных инструментов реализации промышленной политики в 2005 году стала разработка и реализация федеральных целевых программ (ФЦП). Широкое использование данного инструмента объясняется тем, что этот инструмент впервые появился в 90-е годы XX века и был нормативно проработан к этому периоду. Другие же инструменты и механизмы реализации промышленной политики на тот момент отсутствовали.

Многие эксперты отмечают, что ... «к сожалению, эти программы унаследовали недостатки, характерные для первых ФЦП, принятых еще в 90-е годы. Этот инструмент рассматривался ведомствами по-прежнему просто как способ «извлечь» дополнительные ресурсы из бюджета для решения своих текущих, а отнюдь не стратегических, проблем. Нечетко сформулированные цели, необоснованность как затрат, так и плани-

¹¹⁸ Основные направления социально-экономической политики Правительства РФ на долгосрочную перспективу / ЦСР. – М.: Центр стратегических разработок, 2000. URL: http://old.nasledie.ru/fin/6_13/6_13_1/kniga1/article.php?art=0 (дата обращения 24.04.2020).

руемых результатов, приводили к низкой эффективности этого инструмента»¹¹⁹.

В 2005–2007 годы были поставлены новые задачи социально-экономического развития страны, для решения которых было недостаточно имеющихся в наличии инструментов при их низкой эффективности.

Это обстоятельство привело к усилению использования государством инструментов вертикальной промышленной политики.

Для реализации стратегий, начиная с 2006 г., ключевые предприятия отрасли были объединены в крупные вертикально интегрированные структуры (ВИНК). Предполагалось, что они станут проводниками отраслевой промышленной политики государства. Под реализацию стратегии развития авиапрома были созданы Объединенная авиастроительная (2006) и Объединенная двигателестроительная (2008) корпорации. Под исполнение стратегии развития судостроения – Объединенная судостроительная корпорация (2007). Данный маневр, по оценкам экспертов, оправдал ожидания государства в атомной промышленности и авиастроении, в то время как в судостроении и других отраслях он не принес видимых результатов.

«В 2007 году произошел поворот к интенсивному формированию финансовых институтов развития и расширению их ресурсной базы»¹²⁰.

Был создан Инвестиционный фонд, сформированы институты развития, Банк развития и внешнеэкономической деятельности – Внешэкономбанк, а также были созданы государственные корпорации.

¹¹⁹ *Идрисов Георгий Искандерович*. Промышленная политика России в современных условиях / Г. Идрисов. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – 160 с.: ил. – (Научные труды / Ин-т экономической политики им. Е.Т. Гайдара; № 169Р). – С. 67.

¹²⁰ *Дранев Я., Кузнецов Б., Кузык М., Погребняк Е., Симачёв Ю.* Опыт реализации промышленной политики в Российской Федерации в 2000-2012 гг.: институциональные особенности, группы интересов, основные уроки. М.: РАНХиГС, 2014. Режим доступа: <http://ssrn.com/abstract=2443928> (дата обращения: 1.05.2020).

Целями создания госкорпораций были: реструктуризация государственной собственности, повышение конкурентоспособности ряда секторов экономики (например, оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК), сектора автомобилестроения), консолидации государственных активов.

Помимо расширения масштабов применения вертикальных методов в промышленной политике России, в 2004–2007 годы имело место использование горизонтальных методов. К ним можно отнести ратификацию Киотского протокола (развитие менее ресурсоемких и экологически чистых производств), снижение ставки единого социального налога (ЕСН), утверждение «Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 г.».

Дополнительными инструментами осуществления горизонтальной промышленной политики на данном этапе стали организация инновационных «мегапроектов» (инновационные проекты государственного значения) и создание особых экономических зон.

Но, к сожалению, создание как инновационных «мегапроектов», так и особых экономических зон не получили значимого развития.

Разразившийся в 2008–2009 годы экономический кризис заставил государство пересмотреть приоритеты промышленной политики. Изменились в этот период и возможности государства по содействию структурной перестройке экономики.

Характеризуют этот этап промышленной политики России переход к «ручному управлению» и решение тактических, но не стратегических задач. Усилилась вертикальная и селективная направленность предпринимаемых действий. Основные меры промышленной политики были сосредоточены на поддержке наиболее уязвимых секторов экономики и системообразующих предприятий. Отраслями, которые попадали в категорию акцентных в тот период времени, стали оборонно-промышленный комплекс, сельское хозяйство, автомобилестроение, транспортный и жилищный комплексы.

Работа институтов развития на этом этапе реализации промышленной политики была ориентирована на решение антикризисных задач.

«Даже в условиях экономической нестабильности государство демонстрировало готовность реализации мер стратегического характера: в ноябре 2008 года была принята разработанная Минэкономразвития России «Концепция долгосрочного социально-экономического развития до 2020 года» (далее – КДР), содержащая меры по повышению конкурентоспособности отечественной промышленности, в том числе за счет развития науки, технологий и инноваций, поддержки как высокотехнологичных, так и базовых отраслей промышленности»¹²¹, – пишет Д.В. Мантуров.

В начале 2009 года были установлены стратегические технологические приоритеты промышленной политики:

- информационные технологии (далее – ИТ);
- ядерные технологии;
- энергетика и энергоэффективность;
- телекоммуникационные и космические технологии;
- фармацевтика и медицина.

Также отмечалась значимость инструментов «ручного» регулирования экономики. Государством была высказана возможность рефинансирования внешних займов тех компаний, невыполнение обязательств по которым могло повлечь утрату национального контроля над стратегическими предприятиями. Помимо этого, государством были предложены альтернативные меры поддержки отечественных предприятий: предоставление государственных гарантий, субсидирование процентных ставок, изменение таможенно-тарифной политики в сторону защиты отраслей экономики России, реструктуризация налоговой задолженности предприятий.

¹²¹ Денис Мантуров. Эволюция подходов к государственному управлению промышленностью в 1995–2015 гг. // Экономическое развитие России. – 2017. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-podhodov-k-gosudarstvennomu-upravleniyu-promyshlennostyu-v-period-s-1995-po-2015-gg> (дата обращения: 01.05.2020).

«Стимулирование инновационного развития экономики России в период кризиса 2008–2009 годов при одновременном использовании государством мер «ручного» управления, неоднозначность последствий кризиса и антикризисной промышленной политики определили специфику и неустойчивость идеологии промышленной политики на следующем этапе ее развития, который начался в 2010-м»¹²².

Новые приоритеты промышленной политики были установлены распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 года за № 1663-р. В числе приоритетов – развитие высокотехнологичных и базовых отраслей промышленности. Также в 2010–2011 годы сохранилось и продолжилось принятие отраслевых стратегий развития и использование вертикальных инструментов промышленной политики.

Параллельно с сохранившейся линией использования вертикальных инструментов промышленной политики, государство стало энергично искать возможности реализации горизонтальной промышленной политики. Это привело к созданию различных технологических платформ, стимулированию спроса на инновационную продукцию с помощью формирования госзаказа на нее, разработке программ инновационного развития крупных компаний с государственным участием в приоритетных секторах экономики. В результате с конца 2009 года произошло практическое усиление инновационной и технологической направленности промышленной политики.

«Вступление России в ВТО и замедление роста цен на нефть (и, как следствие, ужесточение и сокращение бюджетных ресурсов) привели к новому этапу развития промышленной политики в России»¹²³.

¹²² *Идрисов Георгий Искандерович*. Промышленная политика России в современных условиях / Г. Идрисов. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – 160 с.: ил. – (Научные труды / Ин-т экономической политики им. Е.Т. Гайдара; № 169Р). – С. 72.

¹²³ Там же. – С. 73.

Этап 2012–2014 годов характеризовался поиском новых источников роста. Обширное распространение приобрели идеи о необходимости реиндустриализации экономики России, о создании рабочих мест в высокотехнологичных отраслях, об улучшении бизнес-климата. Также возобновились дискуссии о новом расставлении приоритетов промышленной политики и переосмыслении роли государства в экономике.

В январе 2012 года в газете «Ведомости» была опубликована статья В.В. Путина, тогда премьер-министра РФ, «О наших экономических задачах», в которой говорилось о необходимости определения промышленной политики в России, в том числе были названы отраслевые приоритеты – фармацевтика, высокотехнологичная химическая промышленность, авиационная промышленность, композитные и неметаллические материалы, нанотехнологии, атомная промышленность, космическая промышленность, а также информационно-коммуникационные технологии. В 2012–2013 годы в стране приняли стратегии развития таких отраслей, как медицинская промышленность, электросетевой комплекс, индустрия детских товаров.

«Переход от недостаточно эффективных ФЦП к государственным программам, призванным увязать ведомственные, федеральные целевые программы и подпрограммы в единую систему и связать их с выделением конкретных объемов бюджетных средств, выразился в промышленности в утверждении ряда отраслевых госпрограмм, а также межотраслевой государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»¹²⁴.

Поэтому дальнейшие изменения приоритетов промышленной политики в 2013 году были связаны с принятием этой госпрограммы. В рамках реализации промышленной политики

¹²⁴ Денис Мантуров. Эволюция подходов к государственному управлению промышленностью в 1995–2015 гг. // Экономическое развитие России. – 2017. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-podhodov-k-gosudarstvennomu-upravleniyu-promyshlennostyu-v-period-s-1995-po-2015-gg> (дата обращения: 02.05.2020).

в программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» были определены две долгосрочные задачи: увеличение доли высокотехнологичной продукции и продукции наукоемких отраслей экономики в ВВП России в 1,3 раза от уровня 2011 года (к 2018-му), а также создание и модернизация к 2020 году 25 млн высокопроизводительных рабочих мест. Кроме того, было выделено 14 приоритетных отраслей промышленной политики. Их поделили на три типа: новые рынки (например, композитные материалы); традиционные отрасли, продукция которых ориентирована на потребительский спрос (например, легкая промышленность); традиционные отрасли, продукция которых ориентирована на инвестиционный спрос (например, металлургия). Дополнительно были утверждены госпрограммы по развитию авиационной промышленности, атомного энергопромышленного комплекса, судостроения, электронной и радиопромышленности, медицинской и фармацевтической промышленности.

Следует отметить, что в середине 2013 года планы развития отраслей экономики стали принимать уже в новом формате – формате «дорожных карт». В этих планах уделяется внимание реализации практических мероприятий до 2018 года.

Данный этап развития промышленной политики из-за низкого уровня выполнения множества утвержденных отраслевых стратегий, отсутствия ожидаемых эффектов от реализации части государственных программ эксперты (например, Симачев Ю.В., Идрисов Г.И.) называют отложенным.

Причинами возникновения с 2015 года нового этапа промышленной политики стали следующие: снижение цен на нефть; введение обоюдных санкций как со стороны западных стран, так и ответное со стороны России; последующее ослабление экономического роста в России.

На текущем этапе промышленная политика сосредоточена на обеспечении устойчивого развития экономики в условиях частичной изоляции. Одним из ключевых приоритетов

промышленной политики государство считает проведение политики импортозамещения. Это способствует тому, что в промышленной политике России опять начинают преобладать вертикальные инструменты, которые в числе прочих включают адресное субсидирование отраслей и использование селективных методов поддержки отраслей.

5.2. Логика развития нормативной базы индустриализации

«До принятия Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации» (от 31.12.2014 за № 488-ФЗ) в России отсутствовали правовые акты, позволяющие системно регулировать меры по поддержке промышленности, а также обеспечивать развитие ее отраслей»¹²⁵.

«Отсутствие федерального закона о промышленной политике в России вынудило субъекты РФ разрабатывать одноименные областные законы»¹²⁶. Эти законы обладали значительным разнообразием, а в конце 2014 и в 2015 году были откорректированы с учетом федерального закона.

О.А. Романова пишет в своей статье: «Проведенные нами анализ и систематизация этих законов показали, что данные законы не основаны на общих принципах, не имеют общей цели, не согласуются с приоритетами федерального уровня и не содержат согласованных механизмов реализации промышленной

¹²⁵ Абдикеев Нияз Мустякимович, Тютюнник Игорь Георгиевич. Нормативно-правовая поддержка стимулирования деловой активности в рамках промышленной политики // Экономика. Налоги. Право. – 2018. – № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovaya-podderzhka-stimulirovaniya-delovoy-aktivnosti-v-ramkah-promyshlennoy-politiki> (дата обращения: 03.05.2020).

¹²⁶ Романова Ольга Александровна. Условия и факторы структурной модернизации региональной промышленной системы // Экономика региона. – 2011. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-i-factory-strukturnoy-modernizatsii-regionalnoy-promyshlennoy-sistemy> (дата обращения: 05.05.2020).

политики»¹²⁷. Подобный взгляд встречается и в других научных статьях. Все это является подтверждением экспертного мнения того периода о необходимости принятия федерального закона «О промышленности». Этот шаг был вызван необходимостью формирования централизованного правового поля на надсубъектном уровне в сфере развития промышленности. Федеральный закон должен был закрепить единую для всех регионов модель организации правовой базы промышленного развития.

По этому поводу далее высказывались многие специалисты в области теории и практики промышленной политики. Так, например, Е.М. Бухвальд отмечает: «Конец 2014 года в законодательном плане был отмечен таким важным продвижением, как принятие федерального закона «О промышленной политике»¹²⁸.

Но следует справедливо заметить, что не все эксперты разделили эту позицию. Так, например, журнал «Эксперт Урал № 28 (608) 7 июля 2014» отметил: «Предлагаемые проектом промышленной политики России инициативы по поддержке бизнеса можно реализовать и без принятия закона, считает заместитель директора Межведомственного аналитического центра Юрий Симачёв»¹²⁹.

Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» состоит из пяти глав: 1. «Общие положения»; 2. «Меры стимулирования

¹²⁷ Татаркин Александр Иванович, Романова Ольга Александровна. Промышленная политика: генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение // Экономика региона. – 2014. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/promyshlennaya-politika-genezis-regionalnye-osobennosti-i-zakonodatelnoe-obespechenie> (дата обращения: 05.05.2020).

¹²⁸ Бухвальд Евгений Моисеевич. Закон о промышленной политике принят: а будет ли промышленность в России? // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakon-o-promyshlennoy-politike-prinyat-a-budet-li-promyshlennost-v-rossii> (дата обращения: 05.05.2020).

¹²⁹ URL: <http://www.acexpert.ru/archive/28-608/tema-ne-raskrita.html> (дата обращения: 05.05.2020)

промышленной деятельности»; 3. «Территориальное развитие промышленности»; 4. «Промышленная политика в оборонно-промышленном комплексе»; 5. «Заключительные положения». Впоследствии главу 2 расширили, появилось дополнительное ее название: «Специальный инвестиционный контракт». Эта глава была введена следующим Федеральным законом (от 02.08.2019 № 290-ФЗ).

К целям промышленной политики в Федеральном законе (2014) отнесено формирование высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности, обеспечение безопасности государства, обеспечение занятости и повышение уровня жизни граждан¹³⁰.

Перечень задач промышленной политики довольно обширен и отражает пути и способы достижения целей: создание и развитие инфраструктуры; создание конкурентных условий деятельности; стимулирование внедрения результатов интеллектуальной деятельности; стимулирование повышения эффективности; увеличение выпуска продукции с высокой долей добавленной стоимости; поддержка технологического перевооружения; снижение риска чрезвычайных ситуаций; обеспечение технологической независимости.

Закон 2014 года регламентирует деятельность новых институтов стимулирования промышленного развития. В нем установлена возможность Российской Федерации и ее субъектов учреждать государственные фонды развития промышленности для оказания финансовой поддержки субъектов промышленной деятельности. Виды такой поддержки, в том числе, займы, гранты, взносы в уставный капитал, финансовая аренда (лизинг) за счет финансирования из федерального бюджета и иных источников. Фонды развития промышленности базируются на проектном финансировании. Также законом введен новый институт – специальных инвестиционных контрактов.

¹³⁰ URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102365303> (дата обращения: 05.05.2020)

Специальный инвестиционный контракт – это договор о реализации инвестиционного проекта, заключаемый между Российской Федерацией и инвестором, он предусматривает установление для инвестора изъятий стимулирующего характера при условии принятия им обязательств, направленных на создание или освоение производства промышленной продукции в России. Заключается такой договор сроком до 10 лет. Стабильность совокупной налоговой нагрузки инвестору гарантируется в течение срока окупаемости инвестиционного проекта (но не более 10 лет со дня начала финансирования), предусмотренного в специальном инвестиционном контракте.

Отдельной статьёй в законе прописана поддержка научно-технической и инновационной деятельности при реализации промышленной политики. Также в качестве содействия предусмотрено развитие кадрового потенциала, информационно-консультационная поддержка, поддержка в области внешне-экономической деятельности, стимулирование производства промышленной продукции при закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Территориальный аспект учитывается при формировании индустриальных промышленных парков и промышленных кластеров. Создание и стимулирование их развития на территориях субъектов РФ осуществляется с учетом стратегии и схем пространственного развития страны и ее субъектов.

Законопроект о промышленной политике в различных кругах обсуждался в конце 2013 – начале 2014 года, в него внесли немало изменений. Однако принятый Госдумой вариант по-прежнему вызывал много нареканий со стороны экспертного сообщества.

Среди плюсов экспертами выделялись следующие:

1. В законе вносится терминологическая ясность по сути дела.
2. Сам факт появления закона, регулирующего систему отношений федеральных, региональных и муниципальных органов власти, бизнеса и хозяйствующих субъектов важнейших

видов экономической деятельности – обрабатывающих производств.

3. Среди основных новаций документа было отмечено создание уполномоченного органа РФ в сфере промышленной политики; создание Совета по промышленной политике; введение нового института – специальных инвестиционных контрактов, предусматривающих возможность прямой поддержки российских компаний; создание фондов развития отраслей промышленности¹³¹.
4. Декларация в законе принципов информационной открытости при разработке промышленной политики и применении мер стимулирования промышленной деятельности и доступности информации позволяет надеяться на повышение справедливости механизма доступа предприятий к предлагаемым мерам поддержки¹³².
5. Проектный тип финансирования Фондов развития «дает шанс российским предприятиям при условии конкурентного отбора получить средства для реализации наиболее эффективных проектов. Кроме того, деятельность таких фондов позволит обеспечить реинвестирование средств, полученных от реализации проектов»¹³³.

Критика же в адрес документа 2014 года подтверждалась такими доводами:

1. «Промышленная политика в Федеральном законе понимается достаточно узко и предполагает воздействие на

¹³¹ Татаркин Александр Иванович, Романова Ольга Александровна. Промышленная политика: генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение // Экономика региона. – 2014. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/promyshlennaya-politika-genezis-regionalnye-osobennosti-i-zakonodatelnoe-obespechenie> (дата обращения: 06.05.2020).

¹³² Коровин Григорий Борисович. Законодательное регулирование развития промышленности в индустриальных регионах России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2016. – № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnoe-regulirovanie-razvitiya-promyshlennosti-v-industrialnyh-regionah-rossii> (дата обращения: 06.05.2020).

¹³³ Там же.

промышленную деятельность, которая включает лишь виды экономической деятельности, относящиеся к обрабатывающему производству, за исключением производства алкогольных напитков и табачных изделий. В то же время, исходя из мирового опыта, под промышленной политикой понимается совокупность таких видов государственного вмешательства, которые приводят к улучшению бизнес-среды или изменяют структуру экономической деятельности.

2. Отсутствуют критерии определения направлений поддержки. Закон в большей степени ориентирован на имеющиеся госпрограммы поддержки различных отраслей и не содержит критерии, обуславливающие распределение поддержки по конкретным отраслям или организациям. В то же время в мировой практике сформировалось несколько подходов к определению направлений поддержки: необходимость защиты стратегически важных отраслей (например, сельское хозяйство, оборонная промышленность), необходимость формирования новых отраслей и внедрения технологий исходя из потребностей рынка (в этом случае поддержка во многом зависит от сформированных институтов и возможности имитации технологий через технологический обмен с другими странами, что требует развития соответствующего правового регулирования), регулирование «провалов рынка» (т. е. ситуаций, в которых рыночное равновесие не соответствует максимуму общественного благосостояния).
3. Отсутствуют механизмы определения необходимости государственного вмешательства. В мировой практике под промышленной политикой понимается не только регулирование, но и сознательное отсутствие регулирования некоторых отраслей»¹³⁴.

¹³⁴ *Идрисов Георгий Искандерович*. Промышленная политика России в современных условиях / Г. Идрисов. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – 160 с.: ил. – (Научные труды / Ин-т экономической политики им. Е.Т. Гайдара; № 169Р). – С. 81.

4. Отсутствие системного и гибкого подхода, учета новой индустриализации, в рамках которой одни отрасли нуждаются в модернизации, другие – в восстановлении, третьи – в воссоздании. Закон в основном направлен на повышение эффективности промышленности в рамках укоренившейся многоукладной структуры¹³⁵.
5. Существенные «пробелы» в законе связаны с согласованием программ развития разного уровня, поддержкой малого и среднего промышленного предпринимательства, регулированием некоторых институтов промышленно-инновационного развития, определением полномочий субфедеральных уровней власти, отсутствием в законе положений, касающихся государственно-частного партнерства и процессов импортозамещения¹³⁶.
6. «Федеральный закон не регламентирует решение проблемы консолидированного выбора приоритетов промышленной политики. Система приоритетов в современных условиях должна не только соответствовать стратегическим целям государства, но и отражать интересы субъектов промышленной политики, учитывать наиболее существенные тенденции развития промышленности в России и в мире, соответствовать критически важным направлениям развития технологий и выбранному вектору новой индустриализации. В принятом федеральном законе зафиксировано особое положение военно-промышленного комплекса, предоставление отдельных льгот и возможностей отечественному ОПК в целях сосредоточения на укреплении безопасности

¹³⁵ *Матвеева В.М.* Проект федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации»: тенденции, проблемы, эффективность // Вестн. Моск. гос. обл. гуман. ин-та. Серия: История, философия, политология, право. – 2014. – Т. 1. – № 1-1 (1). – С. 7–11.

¹³⁶ *Бухвальд Евгений Моисеевич.* Закон о промышленной политике принят: а будет ли промышленность в России? // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakon-o-promyshlennoy-politike-prinyat-a-budet-li-promyshlennost-v-rossii> (дата обращения: 06.05.2020).

государства. Это можно определить как пример «захвата» механизма выработки приоритетов промышленной политики без учета широкого круга заинтересованных групп»¹³⁷.

Также все эксперты сходятся во мнении, что закон «О промышленной политике Российской Федерации» (2014) является модельным, носит рамочный характер. Очевидно, выполнение его норм требует принятия дополнительных нормативных правовых актов более низкого уровня, проясняющих выбор направлений и приоритетов промышленной политики, а также механизмы предоставления поддержки и их обоснованность в рамках соответствующих экономических и институциональных условий.

«Но я не думаю, что с принятием данного закона все в экономике станет ужасно. Мне просто кажется, что одобрение этого законопроекта существенным образом закрывает обсуждение темы промышленной политики в стране. А это плохо, потому что тема раскрыта далеко не полностью как в плане возможного инструментария и рисков, так и в плане самой направленности промышленной политики», – отмечал Юрий Симачёв, зам. директора Межведомственного аналитического центра в интервью журналу «Эксперт Урал» 7 июля 2014 года¹³⁸.

Проанализировав изложенное выше, можно констатировать: процесс развития нормативной базы индустриализации в России идет очень остро, с масштабными общественными и экспертными дискуссиями. Принятие закона «О промышленной политике в РФ» (2014) стало логичным продолжением разных по степени удачности попыток в законотворчестве о промышленной политике на уровне регионов. Но так как закон носит рамочный

¹³⁷ Коровин Григорий Борисович. Законодательное регулирование развития промышленности в индустриальных регионах России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2016. – № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnoe-regulirovanie-razvitiya-promyshlennosti-v-industrialnyh-regionah-rossii> (дата обращения: 06.05.2020).

¹³⁸ URL: <http://www.acexpert.ru/archive/28-608/tema-ne-raskrita.html> (дата обращения: 06.05.2020).

характер, то некоторые его положения и механизмы будут дорабатываться. Процесс развития нормативной базы индустриализации в России, безусловно, продолжается.

5.3. Общие черты и различия в программах российских ученых по восстановлению промышленности России

«В майских указах Президента РФ В.В. Путина (от 7 мая 2018 г. № 204) были поставлены ключевые задачи развития российской экономики на период нового политического цикла, среди которых – вхождение РФ в число пяти крупнейших экономик мира; обеспечение темпов роста выше мировых; создание в базовых отраслях высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора, развивающегося на базе новых технологий; ежегодное пятипроцентное повышение производительности труда. Актуальность поставленных задач для формирования устойчивого развития России не вызывает сомнения, как, впрочем, и тот факт, что их решение невозможно в рамках действующей экспортно-сырьевой модели развития, которая практически исчерпала себя.

В условиях динамично развивающейся промышленно-технологической революции необходимо обеспечить высокий уровень конкурентоспособности продукции на мировых, и прежде всего высокотехнологичных, рынках, что возможно лишь при широкомасштабной технологической модернизации производственной базы отечественного индустриального комплекса¹³⁹».

При такой постановке вопроса, безусловно, актуальным будет рассмотрение программ некоторых российских ученых по восстановлению промышленности России.

¹³⁹ *Ленчук Е.Б.* Формирование промышленной политики России в контексте задач новой индустриализации / Е.Б. Ленчук // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2018. – № 3. – С. 138–145.

И. Программа д-ра экон. наук, профессора С.Д. Бодрунова, директора Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте.

С.Д. Бодрунов полагает, что «...наиболее сложная проблема – переход к реализации стратегии реиндустриализации»¹⁴⁰. Ключевым средством решения данной проблемы он видит активную промышленную политику государства. По мнению ученого, элементами активной промышленной политики государства должны стать следующие:

«Государственное регулирование промышленного роста должно носить селективный характер, поддержка и преференции должны предоставляться не отраслям, эффективным в данный момент, а тем, которые в средне- и долгосрочной перспективе могут выйти на передовые позиции и сыграть ключевую роль в качестве точек роста, толкающих вперед всю экономику.

Такой подход основан на известной концепции сравнительных динамических преимуществ. Для обеспечения эффективности селективного подхода к регулированию промышленного развития нужно использовать широкий арсенал методо научно-технического прогнозирования, чтобы определить точки индустриального роста, наиболее перспективные для завоевания передовых позиций на мировом и внутреннем рынках.

Профессор Бодрунов предлагает «...соединить современный инструментарий прогнозирования с широким набором методов выборочного экономического стимулирования наиболее перспективных отраслей. В этом случае можно добиться не только заметно быстрых сдвигов в структуре народного хозяйства, но и сделать эту структуру оптимальной для целей нашего развития»¹⁴¹.

¹⁴⁰ Бодрунов С.Д. Какая индустриализация нужна России? // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 2. – С. 6–17.

¹⁴¹ Там же. – С. 6–17.

II. Программа д-ра экон. наук, профессора, академика РАН С.Ю. Глазьева, научного руководителя Центра исследований долгосрочных закономерностей развития экономики при Финансовом университете.

Академик С.Ю. Глазьев объясняет необходимость новой индустриализации в России закономерностями современных технологических изменений. Изменения происходят следующие: «Идет становление нового технологического уклада. Комплекс производств, составляющих ядро этого технологического уклада, связанных с нано-, био-, информационно-, коммуникационными и другими технологиями, увеличивается на 35 % в год»¹⁴². Именно в такие периоды глобальных технологических сдвигов, по мнению академика Глазьева, у отстающих стран появляется «окно возможностей» для прорыва и «экономического чуда».

По мнению С.Ю. Глазьева, «...альтернатива остаться державой «сырьевой» модели с соответствующим уровнем жизни нас не устраивает потому, что переход к новому технологическому укладу означает и падение спроса на сырье, и снижение цен на него. ... Скатывание в сырьевую модель будет означать не только падение темпов роста, но и деградацию (вслед за промышленностью) социальной инфраструктуры, и снижение уровня жизни. ...»¹⁴³.

Автор программы подчеркивает, что в периоды структурной перестройки роль государства возрастает значительно, и обосновывает необходимые условия реализации новой индустриализации:

- «...это создание системы стратегического планирования, способной выявлять перспективные направления экономического роста, а также направлять деятельность государственных институтов развития на их реализацию;

¹⁴² Глазьев С.Ю. Нам нужна новая индустриализация // Экономика. На-логи. Право. – 2013. – № 2. – С. 4.

¹⁴³ Там же. – С. 5.

- формирование институтов финансирования проектов создания и развития производственно-технологических комплексов нового технологического уклада и сфер потребления их продукции;
- обеспечение необходимых для опережающего роста нового технологического уклада макроэкономических условий, которые вытекают из требований модернизации экономики на передовой технологической основе и включают обеспечение расширенного воспроизводства на перспективных направлениях становления нового технологического уклада; поддержание благоприятных для этого ценовых пропорций; формирование системы поддержки инновационной активности; создание механизмов долгосрочного кредитования инвестиционных проектов»¹⁴⁴.

По мнению С. Глазьева, «система стратегического планирования должна определять содержание бюджетной, внешнеторговой, промышленной и других составляющих экономической политики государства»¹⁴⁵.

Экономист отмечает в своих работах: стратегия должна включать активную промышленную политику, стимулирующую «точки роста» в общей среде. При этом наибольшее значение имеют точки роста с большим мультипликатором, стимулирующие экономическую активность в большом числе технологически сопряженных производств. В качестве примеров таких производств он приводит выпуск полноценных отечественных самолетов (Ил-96, Ту-204/214, Ту-334, Ан-140/148), жилищное строительство, космические системы связи, модернизацию транспортной и энергетической инфраструктуры и т. п.

К важным элементам промышленной политики, которую должно проводить государство с целью новой индустриализации,

¹⁴⁴ Глазьев С.Ю. Нам нужна новая индустриализация // Экономика. На-логи. Право. – 2013. – № 2. – С. 6.

¹⁴⁵ URL: <https://glazev.ru/articles/1-mirovoy-krizis/78041-o-glubinnykh-prichinakh-narastajushhego-khaosa-i-merakh-po-preodoleniju-ekonomicheskogo-krizisa>

академик С.Ю. Глазьев относит формирование поддерживаемых государством крупных интегрированных корпораций и стимулирование спроса на отечественное оборудование посредством соответствующего регулирования госзакупок и закупок контролируемых и поддерживаемых государством предприятий (прежде всего, это Аэрофлот, Газпром, Роснефть, РЖД и пр.). Автор программы акцентирует внимание на том, что стимулирование спроса на российскую продукцию особое значение имеет в базовых отраслях нового технологического уклада (здравоохранение, авиация, телекоммуникации), а также в добывающей промышленности и в инфраструктурных отраслях, имеющих гарантированный рынок сбыта.

III. Программа д-ра экон. наук, директора Института экономики РАН Е.Б. Ленчук.

С точки зрения Е.Б. Ленчук, «...важнейшая задача государственной промышленной политики состоит в определении приоритетов при формировании перспективной промышленной структуры национального хозяйственного комплекса, способной генерировать новые источники роста»¹⁴⁶. Важность выбора структурных приоритетов объясняется возможностью сформировать основные требования к количеству и качеству необходимых для их развития ресурсов – трудовых, технологических, инвестиционных, а также требования к институциональной среде.

Определить перечень приоритетов Е.Б. Ленчук предлагает при помощи тщательной инвентаризации промышленного комплекса и с учетом ряда других факторов. Например таких, как перспективные товарные рынки для национальных производителей, потенциал, разработка передовых производственных технологий в России (в единицах), рост конкурентоспособности различных секторов промышленного производства, уровень обеспеченности товарами стратегического назначения,

¹⁴⁶ *Ленчук Е.Б.* Формирование промышленной политики России в контексте задач новой индустриализации / Е.Б. Ленчук // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2018. – № 3. – С. 138–145.

социальная значимость тех или иных секторов промышленности, имеющиеся научно-технологические заделы.

Также Е.Б. Ленчук подчеркивает: «...Россия, обладая достаточно емким рынком и претендуя на роль одного из субъектов мировой экономики, не может специализироваться на узком круге отраслей и технологий, особенно в условиях обостряющейся геополитической обстановки в мире. Сохранить свою субъектность она может только лишь сформировав диверсифицированную, технологически независимую и конкурентоспособную экономику, ориентированную на развитие отраслей разных технологических укладов, которые решают разные задачи. Отрасли будущей волны должны гарантировать независимость и самодостаточность в будущем, отрасли текущей волны обеспечивают базовую инфраструктуру и техническую поддержку экономики, тогда как старые отрасли представляют собой основной источник занятости»¹⁴⁷.

Для реализации поставленной цели в рамках промышленной политики она предлагает сформировать две группы структурных приоритетов.

«Первая группа приоритетов должна быть ориентирована на опережающее развитие промышленного потенциала, обеспечивающего высокую конкурентоспособность России в принципиально новых технологических областях.

Вторая группа приоритетов должна обеспечивать широкомасштабную технологическую модернизацию важнейших секторов экономики – их перевооружение и динамичное развитие, преодоление технологического отставания и импортной зависимости от зарубежных производителей оборудования, в том числе путем выстраивания собственных воспроизводственных цепочек».

Объясняется такая расстановка приоритетов наличием следующих фактов. «Сегодня Россия имеет возможность встраи-

¹⁴⁷ *Ленчук Е.Б.* Формирование промышленной политики России в контексте задач новой индустриализации / Е.Б. Ленчук // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2018. – № 3. – С. 138–145.

ваться в глобальные цепочки добавленной стоимости в таких отраслях, как судостроение, атомная энергетика, авиакосмическая отрасль, информационные и телекоммуникационные технологии. Однако необходимо, чтобы центры прибыли и системной интеграции постепенно сдвигались на территорию России. И это требует пристального внимания к новым технологиям промышленной революции 4.0, открывающим новые возможности развития промышленного сектора и формирующим новые перспективные рынки. Так, потенциальный эффект от использования мобильного Интернета к 2025 году может приблизиться к 10 трлн долларов, автоматизации умственного труда – свыше 6 трлн долларов, робототехники – свыше 4 трлн долларов (Оценка UNIDO, 2016, p. 55).

По оценкам Центра стратегических разработок (ЦСР), инвестиции в масштабное обновление основных фондов и программного обеспечения могут дать около 40 % дополнительного роста производительности»¹⁴⁸.

Но широкомасштабная технологическая модернизация и развитие новых высокотехнологичных секторов промышленности делают безотлагательным решение еще одной важной проблемы. «...Речь идет о наращивании технологических и производственных компетенций в производстве машин и оборудования. Именно качественный уровень промышленного оборудования формирует технологический уровень продукции, а, следовательно, и определяет конкурентоспособность широкого круга отраслей национального хозяйства»¹⁴⁹. Тем самым, автор соглашается с остальными экспертами по поводу приоритетной необходимости развития машиностроения как части промышленности РФ.

¹⁴⁸ *Ленчук Е.Б.* Формирование промышленной политики России в контексте задач новой индустриализации / Е.Б. Ленчук // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2018. – № 3. – С. 138–145.

¹⁴⁹ Там же.

IV. Программа д-ра экон. наук, профессора О.А. Романовой, главного научного сотрудника Института экономики Уральского отделения РАН.

По мнению О.А. Романовой, «...промышленная политика в условиях безальтернативности новой индустриализации является универсальным механизмом формирования конкурентоспособной структурно сбалансированной экономики»¹⁵⁰. Формы и методы ее проведения в новых условиях должны обрести новые очертания. Во-первых, промышленная политика должна носить многосубъектный характер. Это означает, что существенную роль в ее реализации будут, наряду с государством, играть корпоративный сектор, общественный сектор промышленности, институты гражданского общества. Во-вторых, «...поддержка промышленной политикой необходимого технологического рывка в развитии отечественной экономики будет эффективной только при условии изменения старых организационных форм»¹⁵¹. Профессор Романова подчеркивает тот факт, что на современном этапе развития экономики России «...в значительной мере копируются в основном устаревшие западные организационные формы, которые были характерны для уходящего технологического уклада. Это касается такого механизма промышленной политики, как проектный подход, ибо он зарекомендовал себя достаточно успешным механизмом эффективного управления процессами освоения уже состоявшихся технологических решений»¹⁵². Необходимо, по мнению д-ра экон. наук Романовой, перейти к управлению по ценностям, от прототипов – к управлению по жизненным циклам, к механизмам венчурного управления как наиболее

¹⁵⁰ Романова О.А. Формирование и развитие высокотехнологичного сектора в условиях новой индустриализации / О.А. Романова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. – 2016. – Т. 10. – № 4. – С. 107.

¹⁵¹ Романова О.А. Приоритеты промышленной политики России в контексте вызовов четвертой промышленной революции. Ч. 2. // Экономика региона. – 2018. – Т. 14. Вып. 3. – С. 811.

¹⁵² Там же.

прогрессивным в сегодняшних условиях. Также она полагает, что такие новые инструменты, закрепленные в Федеральном законе «О промышленной политике в РФ» (2014), как «Фонд развития промышленности» и «Специальный инвестиционный контракт», уже доказали свою эффективность в сфере эффективного развития промышленности, поэтому целесообразно их использование продолжить для поддержки развития цифровой экономики.

В. Программа д-ра экон. наук, профессора О.С. Сухарева, заведующего сектором институционального анализа экономической динамики Института экономики РАН.

Профессор О.С. Сухарев придерживается мнения, что «...для успеха промышленной политики необходима соответствующая макроэкономическая политика снижения процентной ставки, распределения денежной массы между обрабатываемыми секторами, блокирования валютных спекулянтов и стимулирования банков к работе в «реальном секторе»¹⁵³.

Из системных мер промышленной политики стратегически, по его мнению, должен стать ряд направлений:

1. «Развитие промышленности с преобладающей основой на отечественной ресурсной базе (включая технологии), при не определяющем значении иностранного капитала (вспомогательная роль) и заимствования технологий.
2. Использование ресурсов финансового и транзакционных секторов – организация обратного перелива труда и капитала из этих секторов в обработку – секторы промышленности.
3. Учет структуры «старые-новые» технологии, «новаторы-консерваторы», структуры затрат и капитала при разработке программ развития и их согласовании.

¹⁵³ Сухарев О.С. «Новые-старые» задачи по управлению промышленностью на современном этапе // Учет. Анализ. Аудит. – 2016. – № 3. – С. 7–23.

4. Более четкие подходы к выбору приоритетов при планировании изменений в структуре и организации отдельных бизнес-процессов, что возможно при развитии стратегического учета, анализа и контроля в отдельных экономических субъектах, их группах и экономике регионов и страны в целом»¹⁵⁴.

По поводу идеи «старые-новые» технологии автор дает следующие пояснения. «Высокая технологическая гонка, требующая все большего объема ресурсов на инновации, во-первых, подводит экономическую систему к кризису, когда инновации заканчиваются конкурентным поражением для критической массы фирм либо исчерпанием их ликвидности, во-вторых, общая позитивная динамика по параметру инноваций и инновационной активности может скрыть подлинное снижение технологического уровня промышленности и потерь конкурентоспособности. В частности, могут быть потеряны так называемые «старые» или классические технологии, отсутствие которых служит само по себе ограничением для «инновационного рывка», так как в технических системах далеко не всегда возможно перепрыгнуть через этап развития в силу технологических, кадровых (образовательных), инвестиционных и других ограничений»¹⁵⁵.

VI. Программа д-ра экон. наук, профессора К.А. Хубиева, кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Профессор К.А. Хубиев в рамках своей программы восстановления промышленности России выдвигает в качестве приоритетных следующие направления развития:

- развитие машиностроительного комплекса;
- развитие наукоемкого, высокотехнологичного комплекса.

¹⁵⁴ Сухарев О.С. «Новые-старые» задачи по управлению промышленностью на современном этапе // Учет. Анализ. Аудит. – 2016. – № 3. – С. 7–23.

¹⁵⁵ Там же.

Выбор данных приоритетов ученый обосновывает так: «Машиностроение имеет существенные особенности, выдвигающие его на ведущие позиции в системе национальных экономик. Во-первых, это высокая доходность. Затраты на новое и высокотехнологичное оборудование окупаются за 1,5–2,5 года. Во-вторых, отрасли машиностроения относятся к числу самых высококонкурентных. В-третьих, оно отличается высокой степенью инновационности. Профессор Хубиев доказывает, что эти три свойства органически связаны.

Машиностроительный комплекс (МК) имеет самые широкие возможности для интеграции и диверсификации, причем как вертикальной, так и горизонтальной. Эти возможности должны быть в полной мере использованы национальной экономикой. Любое совместное производство полезно, особенно связанное с конверсией высоких технологий. Но надо активно вторгаться в доступные для отечественных производителей сферы, связанные с изготовлением технически сложных систем (например, колеса, тормоза и т. п.)»¹⁵⁶.

Также автором программы выявлены благоприятные условия и преимущества развития машиностроительного комплекса России:

- это возможность выстраивания преимущественного доступа к сырьевым ресурсам и превращение ресурсных преимуществ в конкурентные преимущества;
- емкость внутреннего рынка и доступность потребителей;
- ценовые преимущества. По расчетам ИМП, ценовая конкурентоспособность усредненной единицы продукции машиностроения (некий аналог модели цена – качество) выше западных производителей на 25 %, (хотя на столько же ниже китайских)»¹⁵⁷.

¹⁵⁶ Хубиев К.А. О структурной перестройке российской экономики на новой промышленной основе // ПСЭ. – 2015. – № 3 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukturnoy-perestrojke-rossiyskoj-ekonomiki-na-novoy-promyshlennoy-osnove> (дата обращения: 10.05.2020).

¹⁵⁷ Там же.

По мнению автора программы, «...ситуация в машиностроительном комплексе может быть существенно улучшена в результате инвестиционной экспансии и подготовки кадров»¹⁵⁸.

Еще одним комплексом в промышленности России, на который профессор К.А. Хубиев предлагает обратить внимание, выступает наукоемкий, высокотехнологичный комплекс (НВТК). НВТК состоит из 40 интегрированных структур типа холдингов, некоторые из них наделены функциями государственных агентств (Росатом, Нанотехнологии). По мнению К.А. Хубиева, «...следует поддерживать и развивать данный инновационно лидирующий комплекс с наращиванием доли гражданской продукции, технологий двойного назначения и увеличением доли продукции экспортного назначения»¹⁵⁹.

На уровне реализации экономической политики, которая привела бы к позитивным структурным сдвигам в экономике России, автор программы предлагает:

«Монетарная и фискальная политика, используемая правительством РФ, должна быть дополнена воспроизводственной экономической политикой.

Ее основная задача – реализация структурной перестройки, направленной на воспроизводственную самодостаточность и устойчивость с наращиванием производства добавленной стоимости. Ее нормативным основанием явятся законы о стратегическом планировании, промышленной стратегии; федеральные программы научно-технического прогресса и другие»¹⁶⁰.

Основные взгляды российских ученых по вопросам восстановления промышленности России можно представить в следующем виде (таблица 15).

¹⁵⁸ Хубиев К.А. О структурной перестройке российской экономики на новой промышленной основе // ПСЭ. – 2015. – № 3 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukturnoy-perestrojke-rossiyskoj-ekonomiki-novoy-promyshlennoy-osnove> (дата обращения: 10.05.2020).

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же.

Таблица 15 – Предложения российских ученых по восстановлению промышленности РФ

Ф.И.О. ученого	Суть предложения по восстановлению промышленности
С.Д. Бодрунов, д-р экон. наук, проф., директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте	Объединение современного инструментария прогнозирования с широким набором методов выборочного экономического стимулирования наиболее перспективных отраслей
С.Ю. Глазьев, д-р экон. наук, проф., академик РАН, научный руководитель Центра исследований долгосрочных закономерностей развития экономики при Финансовом университете	Создание системы стратегического планирования, которая будет определять, в том числе, содержание промышленной политики государства
Е.Б. Ленчук, д-р экон. наук, директор Института экономики РАН	Определение приоритетов в формировании перспективной промышленной структуры национального хозяйственного комплекса, способной генерировать новые источники роста
О.А. Романова, д-р экон. наук, проф., главный научный сотрудник Института экономики УрО РАН	Промышленная политика должна приобрести многосубъектный характер. Продолжение использования таких новых инструментов, закрепленных в Федеральном законе «О промышленной политике в РФ» (2014), как «Фонд развития промышленности» и «Специальный инвестиционный контракт»
О.С. Сухарев, д-р экон. наук, проф., заведующий сектором институционального анализа экономической динамики Института экономики РАН	Макроэкономическая политика снижения процентной ставки, распределения денежной массы между обрабатывающими секторами, блокирования валютных спекулянтов и стимулирования банков к работе в «реальном секторе»

Продолжение табл. 15

Ф.И.О. ученого	Суть предложения по восстановлению промышленности
К.А. Хубиев, д-р экон. наук, проф. кафедры полит-экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова	Воспроизводственная политика, наряду с монетарной и фискальной политиками

Источник. Разработано автором.

Таким образом, можно заключить: анализ программ российских ученых по восстановлению промышленности РФ показал, что все авторы, за исключением академика С.Ю. Глазьева, придерживаются позиции о необходимости развития машиностроения, как «ядра» реиндустриализации экономики страны. Академик Глазьев занимает позицию, суть которой в том, что выбор отраслей новой индустриализации должен опираться на критерий мультипликативного эффекта для экономики от развития данной отрасли. В то же время Е.Б. Ленчук и О.С. Сухарев обосновывают схожие идеи о том, что в погоне за инновациями не следует отвергать традиционные отрасли экономики. Они предупреждают, что такой подход может привести к потере классических технологий, отсутствие которых само по себе служит ограничением для «инновационного рывка».

Что касается различий в программах российских ученых по восстановлению промышленности России, отметим, что профессор О.С. Сухарев и академик РАН С.Ю. Глазьев считают, что меры только в рамках промышленной политики не дадут ожидаемого эффекта без соответствующей макроэкономической политики (снижение процентной ставки, распределение денежной массы между обрабатывающими секторами, блокирование валютных спекулянтов и стимулирование банков к работе в «реальном секторе»). Профессор К.А. Хубиев придерживается

позиции, что наличие только инструментов фискальной и монетарной политики не придаст необходимого эффекта процессу структурных сдвигов в экономике. Монетарная и фискальная политики, используемые правительством РФ, должны быть дополнены воспроизводственной экономической политикой.

5.4. Направления использования научного и нормативного опыта Российской Федерации для Кыргызской Республики

При осуществлении промышленной политики на современном этапе развития экономики Кыргызстан использует стратегию наверстывания отставания промышленного развития, предусматривающую горизонтальные меры политики повышения конкурентоспособности, призванные обеспечить наверстывание отставания с выходом на передовые рубежи производительности труда¹⁶¹. Между тем, в ближайшем будущем целесообразно использование стратегии, нацеленной на достижение должного уровня в преддверии новой промышленной революции. Для достижения поставленной цели необходимо изучать опыт как развитых на сегодня экономик, так и опыт ближайших партнеров по ЕАЭС.

Направлением использования нормативного опыта России является всестороннее изучение принятия закона «О промышленной политике Российской Федерации» (2014). Этот НПА позволяет системно регулировать меры по поддержке промышленности в РФ, а также обеспечивать развитие ее отраслей. В данном аспекте, речь идет о развитии промышленности как отрасли экономики, признаваемой одним из главных источников экономического роста страны.

¹⁶¹ Доржиева Валентина Васильевна. Россия и Евразийский экономический союз: сравнительный анализ отраслевой структуры экономики и промышленной политики // Вестник евразийской науки. – 2019. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-evraziyskiy-ekonomicheskiy-soyuz-sravnitelnyy-analiz-otraslevoy-struktury-ekonomiki-i-promyshlennoy-politiki> (дата обращения: 12.05.2020).

В последние два года в этом направлении в Кыргызской Республике ведется активная работа. В 2019 году была принята «Стратегия устойчивого развития промышленности КР на 2019–2023 годы» (далее – Стратегия). Одним из направлений достижения поставленных целей является совершенствование нормативно-правовой базы¹⁶².

Правительством Кыргызской Республики был утвержден план мероприятий по реализации Стратегии, и одним из мероприятий является разработка и принятие закона «О промышленности Кыргызской Республики». Данным планом мероприятий установлены сроки разработки данного закона в пределах IV квартала 2020 года. Разрабатывается он «...имея в виду проведение целенаправленной промышленной политики и осуществление дальнейших реформ, обеспечивающих стабильное развитие данной отрасли экономики»¹⁶³. И нам представляется, что если целью разработки является проведение целенаправленной промышленной политики, то следует назвать этот нормативно-правовой акт законом «О промышленной политике Кыргызской Республики».

Считаем, что необходимо при разработке закона «О промышленности Кыргызской Республики» учесть позитивный и негативный опыт принятия данного документа в России, который был подробно рассмотрен и проанализирован нами в предыдущих параграфах.

С позиции направлений использования научного опыта нам видится возможной реализация в Кыргызстане предложения профессора К.А. Хубиева о дополнении используемой правительством монетарной и фискальной политики воспроизводственной экономической политикой.

Обосновывается необходимость такого дополнения следующими аргументами. «Преобладание монетаристских методов в экономической политике показало свою неэффективность. Основанная на ней идея модернизации «снизу» не оправдалась,

¹⁶² URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/157190>

¹⁶³ URL: <http://minjust.gov.kg/ru/content/1371>

оставив после себя лишь инновационно-модернизационную риторiku. За четверть века реформ не создана ни одна новая отрасль отечественной экономики»¹⁶⁴.

Ее нормативным основанием К.А. Хубиев предлагает считать «законы о стратегическом планировании, промышленной стратегии; федеральные программы научно-технического прогресса и другие»¹⁶⁵. В этом свете принятие Закона «О промышленной политике Кыргызской Республики» приобретает дополнительную актуальность.

Основную задачу проведения воспроизводственной экономической политики профессор К.А. Хубиев видит в реализации структурной перестройки, направленной на воспроизводственную самодостаточность и устойчивость с наращиванием производства добавленной стоимости.

Экономике Кыргызской Республики, бесспорно, необходима структурная перестройка, направленная на увеличение доли промышленности в ВВП. На сегодняшний день структура национальной экономики следующая (рисунок 7).

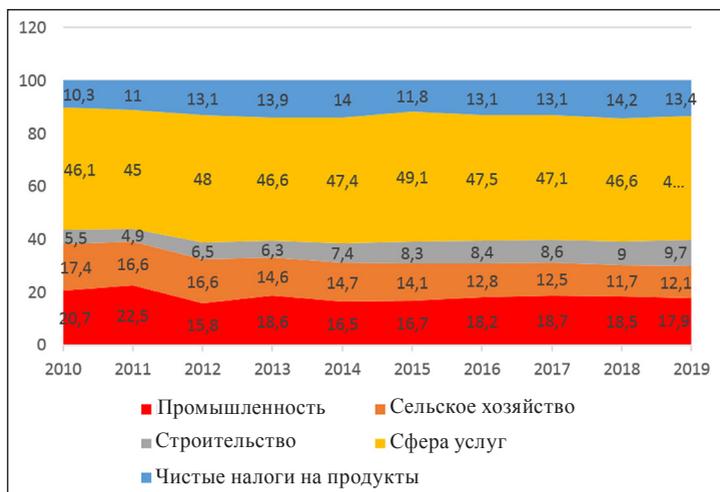
Такая структура отраслей, формирующих ВВП, позволяет сделать вывод о том, что экономика Кыргызской Республики продолжает оставаться аграрной с гипертрофированной сферой услуг. «Приоритет развития аграрного сектора может, конечно, решить проблему продовольственной безопасности, но никогда не станет рычагом динамичного экономического роста»¹⁶⁶. В 1995 году американские ученые Дж. Сакс и Ф. Ларрен сделали исследование, результаты которого позволили утверждать, что экономический рост сопровождается сокращением доли сельского хозяйства в объеме национального производства, а также снижением доли работников, занятых в сельском хозяйстве¹⁶⁷.

¹⁶⁴ URL: <http://minjust.gov.kg/ru/content/1371> (дата обращения: 12.05.2020).

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ *Кумскова Н.Х., Гусева В.И.* Экономический рост в трансформационной экономике: монография. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2012. – С. 156.

¹⁶⁷ *Сакс Дж., Ларрен Ф.* Макроэкономика: глобальный подход / Дж. Сакс, Ф. Ларрен. – М., 1996. – С. 600.

Источник. Данные Минэкономики КР.

Рисунок 7 – Структура экономики КР по отраслям, формирующим ВВП, за 2010–2019 годы, в % к итогу¹⁶⁸.

Поэтому Кыргызской Республике такая структурная перестройка необходима.

«Важнейшим фактором экономического роста становится экономическая структура, точнее то, на какой рост она потенциально способна, и то, какие структурные изменения приведут к будущему росту, а какие будут тормозить его. Это же относится и к системе правил, которая ныне претерпевает изменения. Эти правила и структура зависят от развития технологий и определяют возможности появления новых комбинаций, что и задает необходимый динамизм экономическому развитию. Тем самым, соотношение между базовыми секторами (производством, финансовым сектором и услугами) будет определять возможности роста, его темп и режим.

¹⁶⁸ URL: <http://mineconom.gov.kg/ru/direct/3/265>

Если финансовая система обслуживает реальные секторы и услуги, то рост имеет материальную основу, в отличие от того, когда имеется разрыв в функционировании указанных секторов и экономика зависима от импорта промышленной продукции и продовольствия. Если наблюдается экономический рост в сырьевых или фиктивных секторах, то этот рост можно считать «сырьевым» или фиктивным. Изменение режима развития, если такая задача ставится правительством страны, должно предполагать изменение режима роста, его факторной основы, качества»¹⁶⁹, – пишет О.С. Сухарев. Мы полностью разделяем его позицию по этому вопросу и поэтому считаем желательным использовать некоторые из его рекомендаций по совершенствованию промышленной политики Кыргызской Республики.

Например, актуальной для нас является рекомендация «... процентная ставка не должна быть выше рентабельности производительных секторов экономики, в связи с чем макроэкономическая политика должна иметь целью снижение ставки рефинансирования и средних банковских ставок по кредитам до уровня не просто средней рентабельности реального сектора экономики, но и до уровня среднемировой процентной ставки, чтобы противостоять росту внешнего частного долга и мотивировать агентов брать кредиты в рамках отечественной финансовой системы»¹⁷⁰.

Если рассмотреть ситуацию с рентабельностью и процентными ставками в Кыргызской Республике, то можно увидеть следующее. «Уровень рентабельности продаж по всем отраслям реального сектора экономики в 2018 году определился в размере 6,4 %»¹⁷¹. В принятой в стране Стратегии развития до 2023 года

¹⁶⁹ Сухарев О.С. Экономическая политика реиндустриализации России: возможности и ограничения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – № 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-politika-reindustrializatsii-rossii-vozmozhnosti-i-ogranicheniya> (дата обращения: 12.05.2020).

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Финансы предприятий Кыргызской Республики: 2014–2018. – Бишкек: Нацстатком КР, 2019. – С. 10.

планируется достигнуть целевой средней процентной ставки кредитов, выдаваемых банками на проекты промышленного сектора в приоритетных отраслях – не более 15 %¹⁷². В этих условиях, разумеется, выполнение этой рекомендации невозможно. Но поработать в этом направлении, на наш взгляд, представляется необходимым.

Таким образом, мы предлагаем в качестве направлений совершенствования промышленной политики использовать в Кыргызстане нормативный опыт по подготовке и принятию закона о промышленной политике, непременно учитывая рекомендации российских ученых о реализации направлений промышленной политики. Эти шаги позволят достичь заметных позитивных структурных сдвигов в отечественной экономике, способствовать темпам экономического роста и решению многих иных актуальных проблем.

¹⁷² URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/157189?cl=ru-ru#pr>

ГЛАВА 6. ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

6.1. Промышленное основание эффективного экономического развития

Необходимо согласиться с Ли Куан Ю – автором сингапурского экономического чуда: «Ни один новый демократический режим не в состоянии долго выжить без реального экономического прогресса. В конце концов, что дает демократия обычному человеку с улицы, если она не приводит к очевидному улучшению его жизни? Возможность время от времени поставить галочку на бумажке и опустить её в избирательную урну? В течение одного-двух избирательных циклов неизбежно наступает разочарование системой, за которым следует возврат к той или иной форме авторитаризма»¹⁷³.

Именно отсутствие реального экономического развития стало благоприятной почвой для острых политических и социальных катаклизмов (2005, 2010, октябрь 2020) в Кыргызстане. Именно отсутствие ощутимого улучшения качества жизни ведет народ на площади. Трудно представить людей, имеющих высокий и стабильный доход, возмущающимися и протестующими.

Тридцать лет суверенного развития, тридцать лет хозяйствования в условиях рыночной экономики – но результаты пока не впечатляют. Выполнение всех рекомендаций Вашингтонского консенсуса не привело к обещанному эффекту в виде высокого уровня жизни всего населения страны, к которому, по многократным утверждениям международных экономических организаций (МЭО), гарантированно ведет рыночная экономическая система.

¹⁷³ Ли Куан Ю. Мой взгляд на будущее мира / АНФ. – М., 2017. – С. 315.

По итогам 2019 года, доля населения с потребительскими расходами ниже черты бедности в Кыргызской Республике составляла 20,1 % (таблица 16), что является наихудшим показателем в ЕАЭС. Сегодня каждый пятый кыргызстанец фактически находится за чертой бедности. События 2020 года отнюдь не улучшили ситуацию.

Таблица 16 – Уровень бедности по странам ЕАЭС, %¹⁷⁴

Страны	2005	2010	2015	2019
Армения	40,1	35,8	29,8	-
Беларусь	12,7	5,2	5,1	5,0
Казахстан	31,6	6,5	2,6	4,3
Кыргызстан	43,1	33,7	32,1	20,1
Россия	17,8	12,5	13,4	12,3

Источник: данные ЕЭК.

Таблица 17 – Среднемесячная номинальная заработная плата, долл. США¹⁷⁵

Страна	2005	2010	2015	2019
Армения	114	275	359	380
Беларусь	215	407	413	523
Казахстан	256	527	568	488
Кыргызстан	64	156	209	247
Россия	303	690	561	740

Источник: данные ЕЭК.

По показателям среднемесячной номинальной заработной платы по итогам 2019 года КР занимает последнее место в ЕАЭС (таблица 17), отставая на 54 % от Армении, на 97,5 % от Казахстана, более чем в два раза от Беларуси и почти втрое – от России.

¹⁷⁴ ЕЭК, Департамент статистики: динамические ряды по разделам статистики.

¹⁷⁵ Там же.

Минимальный размер оплаты труда, сложившийся в 2019 году (таблица 18), составляет 25 долл. США, что более чем в четыре раза меньше показателей Армении и Казахстана, более чем в шесть раз меньше показателей Беларуси, и более чем в семь раз меньше российских показателей.

Таблица 18 – Минимальный размер оплаты труда, долл. США¹⁷⁶

Страна	2005	2010	2015	2019
Армения	29	83	114	115
Беларусь	63	132	121	157
Казахстан	69	101	66	111
Кыргызстан	2	11	13	25
Россия	28	140	86	179

Источник: данные ЕЭК.

Что касается качества социальной защиты населения, то минимальный размер пенсии по возрасту в Кыргызстане по итогам 2019 года составил 25 долл. (таблица 19). Это на 32 % меньше, чем в Армении, более чем втрое меньше, чем в РФ, почти вчетверо меньше, чем в Казахстане, почти в пять раз меньше, чем в Беларуси.

Таблица 19 – Минимальный размер пенсии по возрасту, долл. США¹⁷⁷

Страна	2005	2010	2015	2019
Армения	9	29	33	33
Беларусь	62	106	116	141
Казахстан	46	84	73	94
Кыргызстан	6	21	20	25
Россия	33	88	63	85

Источник: данные ЕЭК.

¹⁷⁶ ЕЭК, Департамент статистики: динамические ряды по разделам статистики.

¹⁷⁷ Там же.

Особое внимание следует обратить на то, что прожиточный минимум для населения пенсионного возраста в Кыргызской Республике в 2019 году равнялся 61 долл. (таблица 20). Сложившаяся диспозиция ставит под сомнение адекватность всей государственной системы социальной защиты населения, а также, что закономерно, и правильность реализуемого экономического курса страны.

Таблица 20 – Величина прожиточного минимума¹⁷⁸
(на душу населения в расчете на месяц
в среднем за год; долл. США)

Год	Все население	Из него по социально-демографическим группам		
		население трудоспособного возраста	население пенсионного возраста	дети
2005	45	52	36	40
2010	76	85	68	65
2015	80	90	72	68
2019	69	77	61	59

Источник: данные ЕЭК

В период рыночной трансформации и перехода к рыночным принципам ведения экономики Кыргызстан неукоснительно выполнял практически всё, что рекомендовали МЭО: ввел систему свободного ценообразования (отпуск цен); быстро и максимально широко внедрил институт частной собственности (массовая приватизация государственных активов); провел демонополизацию отраслей национальной экономики, включая сельское хозяйство (разукрупнение хозяйствующих субъектов); реализовал все требования для максимальной открытости финансовой системы (свободное движение капитала).

¹⁷⁸ ЕЭК, Департамент статистики: динамические ряды по разделам статистики.

Спустя три десятилетия суверенного развития можно констатировать: формально все институты в наличии, нормативно-правовая база соответствует самым высоким требованиям рыночной экономики. В то же время страна относится к нижней группе стран со средним уровнем дохода (в 2019 году – 166 место с 1240 долл. при предельных показателях стран со средним уровнем дохода на душу населения – от 1036 до 12615 долл.)¹⁷⁹. Существует большая вероятность того, что по итогам кризисного 2020 года (последствия пандемии и режима локдауна, падение объемов производства во всех отраслях, резкое падение доходов бюджета в результате кризиса, политическая нестабильность) Кыргызстан переместится в группу стран с низким уровнем дохода на душу населения.

Среди рекомендаций МЭО по переходу к рыночной экономике никогда не ставился вопрос развития отраслей обрабатывающей промышленности.

Между тем, попытаемся выяснить суть проводимой политики по отношению к национальной обрабатывающей промышленности в США.

Заслуживает внимания авторитетное мнение А.А. Пороховского: «... Однако для обеспечения национальной экономической и военной безопасности США именно обрабатывающая промышленность в третьем тысячелетии вновь стала ведущим фактором.

История становления американской экономики после обретения независимости США напрямую связана с государственной поддержкой обрабатывающей промышленности»¹⁸⁰.

Становится различимой внутренняя суть реализации процесса «решоринга» – возвращения в США предприятий обраба-

¹⁷⁹ Рейтинг стран мира по уровню валового национального дохода на душу населения. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/gross-national-income-ranking>.

¹⁸⁰ Пороховский А.А. Обрабатывающая промышленность: вызовы и перспективы в современном мире // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 2. – С. 92–93.

тывающей промышленности. Кроме того, что «решоринг» имеет потенциал по снижению уровня безработицы, он выступает основой перезапуска процессов экономического развития страны и ведёт к естественному состоянию государственной поддержки отраслей обрабатывающей промышленности.

«5 декабря 2016 года США отметили 225-летие доклада А. Гамильтона о промышленности, – продолжает А.А. Пороховский. – «Подчеркивалось, что, хотя американская экономика повсеместно овладевает цифровыми технологиями, по-прежнему актуальны заявления А. Гамильтона об особой важности для страны обрабатывающей промышленности, которая генерирует разнообразную занятость с растущей производительностью, используя машины и высококвалифицированных работников, что обеспечивает стране независимость от других государств в военной и иных сферах. Он также отмечал, что обрабатывающая промышленность совместно с сильным аграрным сектором сделает США величайшей экономической державой в мире. Так и произошло. Понятно, что в этом процессе сыграли свою роль многие факторы, но стержнем развития всегда оставалась обрабатывающая промышленность.

С октября 2011 года в США стали ежегодно отмечать день обрабатывающей промышленности. А в 2016-м президентом США был официально провозглашен общенациональный День обрабатывающей промышленности (первая пятница октября), когда празднуются и отмечаются достижения и мотивируются новые поколения промышленников. Обычно под эгидой федерального правительства организуется серия мероприятий по всей стране для популяризации промышленности среди населения, особенно подрастающего поколения. Ежегодно в эту дату проводится День открытых дверей во всех компаниях обрабатывающей промышленности.

В стране создана национальная сеть «Государственно-частное партнерство развития обрабатывающей промышленности», которая имеет отделения во всех 50 штатах и Пуэрто-Рико.

Эти отделения через более чем 400 сервисных центров оказывают консультационную поддержку компаниям малого и среднего бизнеса. Партнерство объединило 26313 промышленных компаний, объем продаж которых в 2017 году составил 12,6 млрд долл. и 3,5 млрд долл. новых инвестиций. Это позволило создать за год более 100 тысяч новых рабочих мест.

Для подготовки граждан к работе в обрабатывающей промышленности в современных условиях возникла общеамериканская сеть «Обрабатывающая промышленность США», которая объединяет различные институты, нацеленные на активную совместную работу по преодолению технических барьеров, подключению государственных и штатных возможностей и оборудования для подготовки будущей рабочей силы»¹⁸¹.

Реализация в США государственной поддержки национальной обрабатывающей промышленности вызывает искреннее удивление, так как во всех рекомендациях МЭО по переходу к рыночной экономике важнейшим условием являлась минимизация государственного вмешательства в экономические процессы. Представленная же информация говорит нам о систематически проводимой активной государственной программе, что, несомненно, является прямым государственным вмешательством в национальную экономическую систему США.

Рассмотрим примеры высокой эффективности промышленного сектора в развитых экономиках, представленные К. Атамбаевым¹⁸²:

а) McKinsey Global Institute в докладе «Manufacturing the future. The next era of global growth and innovation, 2012» утверждает, что промышленность не растеряла своей главенствующей позиции в мировой экономике: 70 % мировой торговли экспортных товаров относятся к промышленной продукции,

¹⁸¹ Пороховский А.А. Обрабатывающая промышленность: вызовы и перспективы в современном мире // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 2. – С. 92–93.

¹⁸² Атамбаев К. Как индустриализировать Центральную Азию? О важности промышленности // АКИpress, раздел «Аналитика». 23.10.2017.

промышленные товары составляют 60 % экспорта США. Кроме того, промышленность остаётся главным инвестором в науку и инновации. Это подтверждается тем, что около 89 % инвестиций в R&D (исследования и разработки) Германии и Южной Кореи осуществляет именно промышленность. В Японии и Китае этот показатель составляет 87 %. Доля промышленности в ВВП США составляет всего 11 %, а инвестиции промышленности в R&D достигают 70 %¹⁸³.

б) Эксперты Center for Urban Economic Development Говард Вайэл и Элизабет Скотт в своем исследовании «*Multiplying Jobs: How Manufacturing Contributes to Employment Growth in Chicago and the Nation*»¹⁸⁴ заключают: в среднем одно новое рабочее место в промышленности в США создает дополнительно 5,6 рабочих мест. Например, одно новое рабочее место в нефтепереработке создаёт 31 рабочее место в сопутствующих отраслях и сфере услуг, а в пищевой промышленности – около 6 рабочих мест.

в) Кейт Нозбуш и Джон Бернаден из Rockwell Automation в работе «*The Multiplier Effect: There Are More Manufacturing Related Jobs Than You Think*»¹⁸⁵, отмечают: «По мере того, как заводы становятся «умнее» и более продвинутыми, множитель увеличивается значительно. В некоторых передовых отраслях производства, таких как производство компьютеров, эффект мультипликатора может достигать 16 к одному».

Задача № 1 промышленного сектора, – продолжают авторы, – это укрепление и создание как можно более крепких связей со сферой услуг: логистика, транспорт, техперсонал, гарантийное обслуживание, складирование, дистрибуция, финансовые

¹⁸³ McKinsey Global Institute. *Manufacturing the future. The next era of global growth and innovation*. McKinsey&Company. 2012.

¹⁸⁴ *Elizabeth Scott. Howard Wial. Multiplying Jobs: How Manufacturing Contributes to Employment Growth in Chicago and the Nation*. Center for Urban Economic Development. Retrieved at: URL: http://cuppa.uic.edu/data/CUED_Manufacturing_Jobs_May2013.pdf. May 2013

¹⁸⁵ *Keith D. Nosbusch. John A. Bernaden. The Multiplier Effect: There Are More Manufacturing Related Jobs Than You Think*. Manufacturing Executive. Retrieved at: http://robohub.org/uploads/Multiplier_Effect.pdf. March 2012

консультанты, оптовая торговля. Две трети стоимости в промышленности создаётся услугами, но именно промышленные товары дают начало бизнес-диверсификации и укреплению сектора услуг. Историческая лестница к мощным финансовым услугам в Японии, Великобритании и Сингапуре началась с того, что эти страны стали важными промышленными площадками в своих регионах.

г) Джерри Ясиновски, президент Национальной промышленной ассоциации США, в статье «The Magic Job Multiplier of Manufacturing»¹⁸⁶ пишет: «Boston Consulting ожидает, что в промышленности США к середине десятилетия появится до 800 тысяч новых рабочих мест, и, используя 4-кратный множитель, можно ожидать, что они создадут еще 2,4 млн рабочих мест. Если Нозбуж и Бернаден правы, и я считаю, что они в чём-то правы, общее воздействие занятости будет гораздо больше».

Из вышеизложенного следуют выводы:

1. Значение развития отраслей обрабатывающей промышленности для устойчивого экономического роста развитых стран крайне значимо. Формы прямого государственного вмешательства в экономические процессы активно используются.
2. Для отстающих экономик развитие отраслей обрабатывающей промышленности является мощным эскалатором эффективного экономического развития.
3. Утверждение о наступлении «постиндустриальной эпохи» и конце промышленности не подтверждается. Именно доминирование отраслей обрабатывающей промышленности является важнейшим условием экономического развития.
4. Возникает необходимость признания рекомендаций МЭО по переходу к рыночной экономике неадекватными и, как следствие, объективная необходимость признания ошибок рыночной трансформации в переходных экономиках.

¹⁸⁶ *Jerry Jasinowski*. The Magic Job Multiplier of Manufacturing. Huffington Post. Retrieved at. URL: http://www.huffingtonpost.com/jerry-jasinowski/jobs-multiplier_b_4002113.html. 2013

6.2. Быстрые технологические заимствования как основа государственной промышленной политики

Технологическое отставание постсоветских экономик от передовых стран является объективной реальностью. Среди причин технологической зависимости называют: отсутствие приоритетов в промышленной политике, неэффективное образование, низкую производительность труда, отсутствие прогноза научно-технологического развития, высокую энергоемкость экономики, низкую целевую эмиссию, нетехнологичность управления и др. Со многими из них можно согласиться, какие-то можно оспорить.

Необходимо понимать следующий важный момент. В основе технологического отставания лежит не отсутствие передовых технологий как таковых, а неспособность адекватного восприятия высоких технологий, дальнейшего их развития. Иначе говоря, высокие технологии нужны для того, чтобы на их основе генерировать еще более продвинутые технологии.

Отсюда можно утверждать, что в основе технологического отставания лежит неэффективная реализация научного потенциала страны.

Для того чтобы отечественные ученые проводили эффективные исследования на передовых рубежах теоретических и практических знаний в конкретной области науки, возникает необходимость обеспечения научного сообщества передовыми образцами технологий. Примером реализации этого подхода служит строительство коллайдера NICA¹⁸⁷ в подмосковной Дубне. Генерация высоких технологий невозможна с нуля.

Трудно не согласиться с мнением академика В.М. Полтеровича по поводу Российской Федерации: «Мы – догоняющая страна, очень сильно отстаем от передовых стран. Для того чтобы догонять, нужно прежде всего заимствовать технологии.

¹⁸⁷ NICA – Nuclotron-based Ion Collider fAcility (англ.)

Об этом говорит соответствующая теория, об этом говорит опыт тех стран, которые добились успеха. Один из наиболее известных теоретиков догоняющего развития Александр Гершенкрон в 1952 году ввел понятие «преимущество отсталости» – это возможность заимствовать технологии и методы хозяйствования, уже разработанные, доказавшие свою эффективность в передовых странах»¹⁸⁸.

Система заимствования технологий, несомненно, должна быть закреплена в перечне мер государственной промышленной политики. Это значит, что задача получения ультрасовременных технологий признана и ставится на государственном уровне. Необходимо признать: широко пропагандируемое тотальное импортозамещение ведет к состоянию «технологической окраины» мировой экономики. Заимствование технологий и импортозамещение не являются взаимоисключаемыми задачами. Скорее, это взаимодополняющиеся элементы эффективной государственной промышленной политики.

В Кыргызской Республике по вопросам разработки, формирования и реализации национальной промышленной политики сложилась уникальная ситуация. С августа 2015 года страна стала членом Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Следовательно, с этого момента КР реализует в рамках Евразийского объединения промышленную политику, включающую три блока (рисунок 8).

Первый блок – это национальные промышленные политики стран-участниц. Кыргызстан, находясь в составе ЕАЭС к этому времени уже более пяти лет, не имеет пока нормативно-правового акта (закона о промышленной политике), который формализует государственную промышленную политику страны. Констатация этого факта и предложения по выходу из сложившейся ситуации неоднократно обсуждались во время многочисленных дискуссий за круглым столом и в ходе научных конференций

¹⁸⁸ Polterovich V. (2018) Weak Borrowing Policy. FREECONOMY.RU, 07, p. 12.

представителями научного сообщества страны и международных организаций-партнеров, освещались в СМИ. К сожалению, КР за период проведения рыночных преобразований не научилась отстаивать собственные интересы.

Безусловно, данная тема неоднократно обсуждалась и профильным комитетом Жогорку Кенеша (Парламента) Кыргызской Республики – Комитетом по топливно-энергетическому комплексу и недропользованию ЖК КР. Так, 23 ноября 2018 года в ходе парламентских слушаний по вопросам государственной промышленной политики и перспективам нового индустриального развития в Кыргызской Республике д-р экон. наук, профессор КРСУ М.К. Кудайкулов, руководитель реализуемого в КРСУ проекта «Адаптация теоретико-методологических основ эффективных индустриализаций к экономике КР» представил вниманию депутатов доклад «Концептуальная основа проекта государственной промышленной политики Кыргызской Республики».

Отметим, что указанный проект реализуется Программой развития ГОУВПО КРСУ им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина на 2018–2020 годы, объединяя ученых трёх университетов – Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Кыргызско-Турецкого университета «Манас», КРСУ.

В ходе данных парламентских слушаний, подготовленных Комитетом по топливно-энергетическому комплексу и недропользованию Жогорку Кенеша КР, депутаты обсудили доклад «О проекте Стратегии устойчивого развития промышленности КР на 2019–2024 годы», сделанный экспертами профильного Госкомитета промышленности, энергетики и недропользования КР. По проекту Стратегии участники парламентского обсуждения высказали серьезные критические замечания. Среди них особо можно выделить следующие:

- методология разработки проекта Стратегии основана на опросе и мнениях экспертов, и не использует эмпирический и теоретический анализ;

- поставленная цель проекта Стратегии не исходит из реального положения дел в отечественной промышленности, что ведет к искажению поставленных задач;
- механизмы эффективного промышленного роста и развития в проекте Стратегии подменены призывами: создать, усилить, изучить, совершенствовать;
- итоговые сценарии проекта Стратегии – «Современная юрта», «Крепость кагана», «Замок из песка», «Падающая башня», «Заброшенный дворец» – скорее вызывают ассоциации некоего утопического сказочного мира, чем концентрируют алгоритм эффективного экономического развития.

В ходе парламентских слушаний выяснилась активная роль в подготовке проекта Стратегии UNIDO (Организации Объединенных Наций по промышленному развитию) в КР. На средства, выделенные Россией (500 тыс. долл. США), UNIDO пригласила и оплатила зарубежных специалистов, которых можно назвать реальными разработчиками проекта Стратегии. К большому сожалению, на протяжении 30-летнего периода выполнение рекомендаций зарубежных специалистов не приносило Кыргызстану ожидаемого экономического эффекта. Данный случай – не исключение, поскольку в очередной раз выявилось неполное понимание иностранными экспертами специфики отстающих переходных экономик.

UNIDO предлагала Кыргызстану присоединиться к программе странового партнерства (ПСП), реализуемой в Эфиопии и Сенегале. Если обратимся к статистике (таблица 21), то увидим, что Эфиопия и Сенегал явно не являются примером эффективного экономического развития. Ориентиром для нашей страны должны быть новые индустриальные страны – Южная Корея, Сингапур.

Кроме того, в подготовленном UNIDO обзоре «Отчет о промышленном развитии-2018», в таблице А 1.2 «Классификация стран и экономик по уровню индустриализации» Кыргызстан отнесен к группе «Прочие развивающиеся страны», а Эфиопия

Таблица 21 – ВВП на душу населения по итогам 2017 года.

Страна	USD
Эфиопия	549
Кыргызстан	1 070
Сенегал	1 134
Казахстан	10 857
Россия	11 441
Южная Корея	26 152
США	53 128
Сингапур	55 235

Источник. The World Bank. GDP per capita (constant 2010 US\$).

и Сенегал отнесены к группе «Наименее развитые страны и экономики». Складывается впечатление, что UNIDO ставит задачу переместить Кыргызстан в группу стран с наименее развитой промышленностью.

Участниками парламентских слушаний в ноябре 2018 года высказывались вполне вероятные опасения по поводу того, что отрицательный эффект от данной Стратегии скажется тогда, когда этот слабый документ выступит основой взаимодействия КР с международными экономическими организациями (МЭО). Примитивность проекта Стратегии, отсутствие амбиций в её содержании могли сигнализировать МЭО о неспособности Кыргызской Республики реально подходить к решению стратегически важных задач.

Напомним, что в основу данной Стратегии положен классический отраслевой подход к развитию промышленности, который, как правило, реализуется в больших экономиках. В малых же отстающих экономиках является непреодолимым финансовый барьер для эффективной реализации классического отраслевого подхода. Именно государственные целевые ресурсы в составе бюджета СССР позволили получить эффективный результат процесса индустриализации Советской Киргизии.

Что касается второго, не менее важного, доклада «Концептуальная основа проекта государственной промышленной политики Кыргызской Республики», сделанного на указанных парламентских слушаниях д-ром экон. науки, профессором М.К. Кудайкуловым, поясним, что ученый-экономист, руководитель проекта, на основе коллективных исследований его участников предложил новую парадигму эффективного промышленного развития страны. Теоретическое обоснование данной парадигмы основано на выявленной закономерности эффективных индустриализаций национальных экономик в XX веке: ключевым фактором стремительного развития промышленного производства в отстающих экономиках была система быстрого заимствования высоких технологий у ТНК развитых стран. Была отмечена мотивационная диспозиция сторон:

- объективная необходимость эффективного экономического развития подталкивает Кыргызскую Республику к сотрудничеству с ТНК развитых стран по вопросам заимствования высоких технологий;
- экономический интерес для ТНК развитых стран к сотрудничеству с Кыргызской Республикой, по нашему мнению, может состоять в возможности их проникновения на более чем 183-миллионный рынок стран ЕАЭС (находящийся в настоящее время под международными санкциями).

Опираясь на объективное отсутствие нормативно-правового акта, формализующего государственную промышленную политику в КР, М.К. Кудайкулов в ходе обсуждения доклада констатировал следующее: юридически на данный момент в Кыргызстане нет промышленной политики; фактически же проводится низкоэффективная промышленная политика. Низкая ее эффективность объясняется безоговорочной верой топ-менеджеров кыргызской экономики в рыночное саморазвитие, как следствие, эта вера обосновывает минимизацию разумного государственного вмешательства в экономику.

Критика была воспринята разработчиками конструктивно, в результате чего проект Стратегии в дальнейшем был

существенно откорректирован, что позволило Постановлением Правительства КР от 27 сентября 2019 года № 502 утвердить Стратегию устойчивого развития промышленности Кыргызской Республики на 2019–2023 годы.

По итогам парламентских слушаний разработчиками технологической концепции государственной промышленной политики были подготовлены следующие предложения:

1. Основой налаживания взаимодействий Кыргызской Республики с ТНК развитых стран (в процессе заимствования высоких технологий) является подготовка и принятие Закона КР «О государственной промышленной политике». Внутренняя суть данного закона должна базироваться на технологическом (но не отраслевом) подходе.
2. Главная цель Закона КР «О государственной промышленной политике» – реализация системы взаимовыгодного сотрудничества Кыргызской Республики с ТНК развитых стран для осуществления процесса эффективной индустриализации экономики страны.
3. В состав мероприятий государственной промышленной политики должны быть включены следующие обязательные разделы:
 - а) государственное стратегическое планирование (задача – разработка этапов реализации эффективной индустриализации экономики КР);
 - б) концентрация средств и ресурсов в рамках национальной экономики (задача – подготовка ресурсов для участия КР в совместных проектах с ТНК развитых стран);
 - в) высокоэффективная работа в ЕЭК (задача – выработка и реализация механизма реального участия КР в промышленной политике ЕАЭС);
 - г) сонастройка с международными экономическими организациями (задача – совместная реализация процесса по привлечению ТНК развитых стран для сотрудничества с КР);
 - д) взаимовыгодное сотрудничество с ТНК развитых стран (задача – оценка модернизационного потенциала ТНК, оценка

технологий, подключение к мировой системе технологических модернизаций).

По нашему мнению, государственная промышленная политика должна быть мировоззрением и идеологией развития всей национальной экономики. Индустриальная основа доминирует во всех сферах современной человеческой жизнедеятельности, что проявляется через: а) процесс массового промышленного производства, который систематически совершенствует средства производства; б) процесс оказания услуг и выполнения работ, который систематически расширяет механизацию и цифровизацию всех технических систем.

В основание проекта государственной промышленной политики КР должен быть положен процесс непрерывного притягивания, развития и использования передовых технологий во всех отраслях национального хозяйства.

Все разделы предлагаемой концепции должны быть подчинены главной цели государственной промышленной политики Кыргызской Республики – становлению и развитию системы быстрого заимствования высоких технологий.

Обратим особое внимание на обозначенный выше раздел д) – взаимовыгодное сотрудничество с ТНК развитых стран (РС).

Двигателями экономического прогресса последнего столетия являются ТНК РС. Массовое продвижение всех технических достижений, которые серьезно влияют на качество жизни современного человека, – это результаты разработки и внедрения ТНК РС. Отличие ТНК развивающихся стран (ТНК рС) от ТНК РС заключается в том, что последние обладают высококачественными технологическими и интеллектуальными ресурсами. Эти преимущества явны в процессе разработки высоких технологий.

Основой системы технологических модернизаций (СТМ) мировой экономики является непрерывный процесс по разработке, развитию и внедрению новых технологий. В современной рыночной экономической системе активными участниками СТМ являются ТНК как агенты рынка, концентрирующие в себе

способность генерировать, развивать и доводить технологии до массового потребления.

В состав модернизационного потенциала входят два обязательных элемента: технологический элемент (ТЭ) и интеллектуальный элемент (ИЭ). ТНК, расположенные на более высоких уровнях СТМ, имеют элемент модернизационной инициативы (ЭМИ). Качество модернизационного потенциала оценивается по двум критериям: 1) по количеству элементов в составе модернизационного потенциала: чем больше элементов – тем лучше; 2) по качеству элементов в составе модернизационного потенциала: качество технологий и перспективных разработок, проводимых силами научно-исследовательских центров и научная квалификация исследователей.

ТНК, которые являются технологическими лидерами в различных отраслях мировой экономики, располагаются на уровне –1 (минус один) (см. рисунок 9). Ниже по уровням расположены менее успешные компании. Уровни –5 и +2 не являются конечными пределами. Уровень «Инновационный продукт» является своеобразной границей, которая делит практические (–) и теоретические (+) уровни технологических наработок ТНК.

...
+2
+1
Инновации
–1
–2
–3
–4
–5
...

Рисунок 9 – Уровни системы технологической модернизации мировой экономики¹⁹⁰

¹⁹⁰ Кудайкулов М.К. Механизм функционирования системы технологических модернизаций мировой экономики // Вестник КРСУ. – 2016. – Т. 16. – № 8.

Рассмотрим движение по уровням СТМ. Один из участников СТМ перешёл на уровень «Инновационный продукт», т. е. была разработана реальная технологическая инновация, которая имеет перспективу стать составляющей технологий широкого применения. Участники уровня –1 первыми применяют стратегию сонастройки модернизационных потенциалов с участником более высокого уровня – оценка прогресса ТЭ и ИЭ. К реализации этой стратегии подталкивает ЭМИ.

Активный ЭМИ приводит СТМ к уровневым переходам. После завершения сонастройки модернизационных потенциалов (инновационный продукт стал понятен и доступен) и другие участники уровня –1 СТМ переходят на уровень «Инновационный продукт». В итоге уровень «Инновационный продукт» трансформируется в уровень –1. Соответственно трансформируются все уровни СТМ: уровень +2 в +1; –1 в –2; –2 в –3; ..; –13 в –14; и т. д. Участники СТМ без активного ЭМИ перемещаются вниз по уровням, что ведёт к деградации модернизационного потенциала.

Базовой формой СТМ является процесс естественной модернизации (ПЕМ), который проходит в экономиках передовых стран на протяжении последних столетий. Именно ПЕМ развил технологическую конкуренцию: ведущие ТНК обладают высококачественными научно-исследовательскими подразделениями и систематически проводят политику рекрутирования перспективных исследователей в масштабах всей планеты.

Привитой формой СТМ является процесс искусственной модернизации (ПИМ), который проходит в догоняющих экономиках. Основой успешных индустриализаций в СССР, Сингапуре и Южной Корее стала система быстрого заимствования технологий от американских ТНК. ПИМ имеет в своём составе два типа (см. таблицу 22): 1) полная модернизация, которая предполагает передачу/получение обоих обязательных элементов – ТЭ и ИЭ; 2) усеченная модернизация, предполагающая передачу/получение одного из обязательных элементов модернизационного потенциала, в большинстве случаев ТЭ.

Таблица 22 – Формы, типы и сценарии процессов модернизации

Формы процессов модернизации	Реализация форм процессов модернизации	Типы в составе форм процессов модернизации	Состав модернизационного потенциала	Сценарии модернизации
Базовая форма	Процесс естественной модернизации (ПЕМ)	Полная модернизация	ТЭ и ИЭ; активный ЭМИ	«Восходящая модернизация»
Привитая форма	Процесс искусственной модернизации (ПИМ)	Полная модернизация	ТЭ и ИЭ; активный ЭМИ	«Восходящая модернизация»
		Усеченная модернизация	ТЭ или ИЭ	«Нисходящая модернизация»

Источник. Разработана автором.

На примере советской индустриализации рассмотрим тип «полная модернизация» в составе ПИМ. В период Великой депрессии ведущие американские ТНК реализовали в СССР новейшие технологии (ТЭ), а 20 тысяч американских инженеров, которые проводили наладку и запуск этих технологий, выступили в роли педагогов-практиков для советских инженеров (ИЭ). Активный ЭМИ позволил СССР подняться до уровня –1 СТМ во многих отраслях мировой экономики (вооружение, ядерное оружие, масштабная электрификация и предпосылки атомной энергетики, космонавтика и др.). Дальнейшее политическое противостояние СССР и США привело к прекращению одновременной передачи/реализации ТЭ и ИЭ. Рекомендации по «усеченной модернизации» строго соблюдались при проведении последующих эффективных индустриализаций.

Квинтэссенцией, главной сутью системы быстрого заимствования технологий является возможность их использования

для дальнейшей разработки более развитых технологий. Этот процесс развития технологий заложен в составе модернизационного потенциала ТНК в виде ЭМИ – единственного элемента, который, в отличие от ТЭ и ИЭ, не заимствуется. ЭМИ взращён процессом естественной модернизации через становление и развитие технологической конкуренции.

Выводы по передовым экономикам:

1. Внутренняя энергия процесса естественной модернизации заключена в технологической конкуренции;
2. Мотивационная основа процесса естественной модернизации лежит в пределах классического «экономического эгоизма» и является здоровым желанием каждого агента рынка получить выгоду.

Выводы по догоняющим экономикам:

1. Для перехода к «восходящей модернизации» необходимо развитие ЭМИ, что ведет к качественному росту ТЭ и ИЭ в составе модернизационного потенциала и способствует движению вверх по уровням СТМ;
2. Внутренняя суть системы быстрых технологических заимствований заключена в объективной необходимости создания научно-технологической базы для дальнейшей разработки более развитых технологий.

6.3. Основополагающие элементы государственной промышленной политики Кыргызской Республики

В 1942 году Й. Шумпетер писал: «...вопреки учебникам в капиталистической действительности преобладающее значение имеет другая конкуренция, основанная на открытии нового товара, новой технологии, нового источника сырья, нового типа организации (например, крупнейших фирм). Эта конкуренция ... угрожает существующим фирмам не незначительным сокращением прибылей и выпуска, а полным банкротством.

По своим последствиям такая конкуренция относится к традиционной как бомбардировка к взламыванию двери»¹⁹¹.

Реалии современной экономики говорят нам о главенствующей роли технологической конкуренции. В рамки этой конкуренции вписывается гипотеза об инновационной паузе В.М. Полтеровича¹⁹², который считает, что Запад находится в поисках новых технологий (как одного из элементов повышения технологической конкурентоспособности), а догоняющие страны могут использовать технологические достижения развитых стран.

В том случае, если Закон КР «О государственной промышленной политике» ориентирован на развитие национальной экономики через эффективное функционирование системы быстрых технологических заимствований, то в его состав должны быть включены следующие основополагающие разделы:

1. *Государственное стратегическое планирование:*
 - 1.1. Разработка национальной системы активного взаимодействия с лидерами Четвертой промышленной революции.
 - 1.2. Подготовка и реализация нормативно-правового обеспечения эффективного сотрудничества Кыргызской Республики с ТНК развитых стран.
 - 1.3. Целевое создание крупных госпредприятий – потенциальных партнеров для ТНК развитых стран.
 - 1.4. Государственное стимулирование процессов укрупнения частных компаний для привлечения ТНК развитых стран.
2. *Национальная концентрация средств и ресурсов:*
 - 2.1. Формирование внутренних источников длинных денег.
 - 2.2. Разработка и реализация программы взаимодействия с Евразийским банком развития для целей индустриализации.

¹⁹¹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2008. – С. 462.

¹⁹² Полтерович В.М. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопросы экономики. – 2009. – № 6. – С. 4–23.

- 2.3. Разработка и реализация программы взаимодействия с Российско-Кыргызским Фондом развития для целей индустриализации.
- 2.4. Создание системы государственных монополий на рынках определенных товаров (работ, услуг).
3. *Высокоэффективная работа в Евразийской экономической комиссии:*
 - 3.1. Разработка и реализация стратегической программы взаимодействия Кыргызской Республики и ЕЭК;
 - 3.2. Реализация государственной промышленной политики должна выступать неперенным и главнейшим критерием отбора кадров, представляющих интересы КР в ЕЭК.
 - 3.3. Проведение эффективной работы в департаментах промышленной и агропромышленной политик ЕЭК.
4. *Сонастройка с международными экономическими организациями:*
 - 4.1. Разработка и реализация стратегической программы взаимодействия Кыргызской Республики с международными экономическими организациями.
 - 4.2. Взаимодействие с Организацией ООН по промышленному развитию (UNIDO).
 - 4.3. Взаимодействие с Конференцией ООН по торговле и развитию (UNCTAD).
 - 4.4. Взаимодействие с Группой Всемирного банка и др.
5. *Программа взаимовыгодного сотрудничества с ТНК развитых стран:*
 - 5.1. Разработка и реализация стратегической программы взаимодействия Кыргызской Республики с ТНК развитых стран;
 - 5.2. Анализ и группировка ТНК по качественным параметрам;
 - 5.3. Отбор и подготовка лиц, напрямую налаживающих взаимовыгодные контакты с ТНК развитых стран;

- 5.4. Разработка алгоритма взаимодействия с ТНК развитых стран.
- 5.5. Инвентаризация промпредприятий по отраслям и регионам для группировки по степени развития модернизационного потенциала.

Проблема генерации новых технологий актуальна для всех развитых стран, точнее для ТНК РС. Существует Концепция абсорбционной способности (АС), рассматривающая потенциал компании по вопросам идентификации, ассимиляции и использования знаний из внешней среды (Cohen, Levinthal, 1989, 1990).

Поскольку в развитых странах проблема доступа к внешним знаниям в форме передовых технологий менее ощутима, то констатируем следующее: концепция АС исходит из того, что внешние знания общедоступны. Таким образом, эффективное взаимодействие с внешними знаниями в рамках концепции АС можно схематически отобразить в виде трёх этапов (рисунок 10):

идентификация → ассимиляция → использование

Рисунок 10 – Этапы взаимодействия с внешними знаниями в рамках Концепции абсорбционной способности (АС).

Источник. Разработано автором на основе публикаций Cohen, Levinthal, 1989, 1990.

Позже понятие АС расширилось и стало применяться не только по отношению к компаниям, но и по отношению к экономикам стран (Furman, Porter, Stern, 2002). АС стала базовым элементом национальной инновационной системы, а этапы эффективного взаимодействия с внешними знаниями, в некоторой степени дополнились предполагаемым потенциальным производством новых технологий¹⁹³.

¹⁹³ «National innovative capacity is the ability of a country – as both a political and economic entity – to produce and commercialize a flow of innovative technology over the long term» (Furman, Porter, Stern, 2002, p. 1).

Одновременно появилась проблема: возникла необходимость подчеркнуть, что не все внешние знания являются передовыми технологиями, но все передовые технологии являются (для отстающих экономик) внешними знаниями. На основе того, что нас интересуют технологические достижения развитых стран, логика рассуждений подводит к необходимости в составе понятия «внешние знания» уделять особое внимание понятию «передовые технологии».

Эмпирический опыт показывает, что передовые технологии (ПТ), как правило, не реализуются на открытом рынке. Доступ к ПТ высокоизбирателен¹⁹⁴. Следовательно, возникает объективная необходимость дополнения схемы на рисунке 10 основополагающим «нулевым» этапом – возможностью доступа к внешним знаниям в виде ПТ (рисунок 11):

доступ к ПТ → идентификация → ассимиляция → использование

Рисунок 11 – Дополнение схемы «Этапы взаимодействия с внешними знаниями» нулевым этапом – возможностью доступа к передовым технологиям (ПТ)

Источник. Разработано автором.

При определении значимости обозначенных этапов необходимо признать безоговорочное доминирование этапа «доступ к ПТ». В том случае, если не будет доступа к ПТ (пример Ю. Кореи), то и показатели АС будут применены только к отстающим технологиям и странам.

Из этого следует, что «краеугольным камнем» технологической концепции государственной промышленной политики является доступ к передовым технологиям. Изначально нами было

¹⁹⁴ НКК: Кабинет министров Японии 2 августа 2019 г. принял решение до конца этого месяца исключить Южную Корею из списка стран, в отношении которых соблюдаются упрощенные процедуры контроля над экспортом (т.е. запрет на допуск к высокотехнологичным материалам, которые могут быть использованы в военных целях).

выдвинуто предположение, что основными путями доступа к передовым технологиям выступают три направления:

- взаимодействие с международными экономическими организациями;
- взаимодействие с правительствами развитых стран;
- активное участие в системе технологической модернизации мировой экономики.

Но в ходе исследования было выявлено, что первые два направления являются ложными. Ни международные экономические организации, ни правительства развитых стран не обладают передовыми технологиями, так как, по нашему мнению, не являются их разработчиками. Некоторые международные экономические организации – UNIDO (United Nations Industrial Development Organization); UNCTAD (United Nations Conference on Trade and Development) – в своих целях или основных направлениях деятельности обозначают вопросы трансфера технологий в развивающиеся страны, практически реализуют попытки снижения технологического отставания через отстаивание принципов справедливости и разумных условий международного технологического трансфера¹⁹⁵. Но обеспечение доступа к ультрасовременным передовым технологиям предоставить не могут.

Что касается правительств развитых стран, то они могут обеспечить определенный потребительский доступ к передовым технологиям через призму геополитики. Это подтверждает Ли Куан Ю: «Мы являемся партнером США в сфере обеспечения безопасности, благодаря чему имеем доступ к вооружению, которое не продаётся в другие страны»¹⁹⁶. Но технологический доступ к передовым технологиям правительства развитых стран в современной рыночной системе обеспечить не могут.

¹⁹⁵ *Шугуров М.В.* Роль ЮНКТАД в международной передаче технологий и инновационном развитии в контексте стратегии устойчивого развития // *Международное право.* – 2018. – № 3. – С. 62–76.

¹⁹⁶ *Ли Куан Ю.* Мой взгляд на будущее мира / АНФ. – М., 2017. – С. 120–121.

Остается третье направление – активное участие в системе технологической модернизации мировой экономики. Эффективное встраивание в данную систему позволяет наладить взаимодействие с ТНК развитых стран – инициаторами процесса генерации передовых технологий.

Из вышеизложенного следуют выводы:

1. Основным условием реализации технологической концепции государственной промышленной политики является доступ к передовым технологиям.
2. Возникает объективная необходимость исследования состава, структуры и внутренней энергии системы технологической модернизации мировой экономики.

6.4. Система технологической модернизации мировой экономики

Здоровое стремление развивающихся стран сократить разрыв между отстающими и развитыми экономиками, как правило, базируется на проведении эффективной модернизации национальной экономики. Согласно гипотезе о «преимущество отсталости» А. Гершенкрона развивающиеся страны пользуются технологическими достижениями развитых стран, что в результате действительно помогает сократить разрыв в экономическом развитии.

Обоснована ли такая позиция? Для ответа на данный вопрос необходимо обозначить формы и типы технологических модернизаций экономики. Это позволит объективно оценить потенциал механизма процесса технологических модернизаций, выявить его внутреннюю энергию, обосновать мотивационную составляющую.

А) Внутренняя суть системы технологических модернизаций мировой экономики представляет собой непрерывный процесс по разработке и внедрению новых технологий. Важно выделить базовую форму процесса модернизаций. По нашему мнению, базовой формой является процесс естественной модернизации

(ПЕМ). Данный процесс проходит в экономиках развитых стран и реализуется через технологическую конкуренцию между ведущими транснациональными корпорациями (ТНК). Именно технологическая конкуренция заставляет ТНК иметь ультрасовременные научно-исследовательские подразделения и проводить систематическое привлечение перспективных исследователей в масштабах всей планеты («перекачка умов»).

Из этого следует, что активными участниками ПЕМ являются те хозяйствующие субъекты, которые обладают адекватным модернизационным потенциалом. В составе модернизационного потенциала находятся два обязательных элемента: технологический и интеллектуальный. Важность выделения обязательных элементов в составе модернизационного потенциала – технологического элемента (ТЭ) и интеллектуального элемента (ИЭ) – необходимо подчеркнуть особо. Для этого представляем схематически выраженную систему технологической модернизации мировой экономики (рисунок 12).

...
+2
+1
Инновации
-1
-2
-3
-4
-5
...

Рисунок 12 – Уровни системы технологической модернизации мировой экономики

Уровень инновации (УИ). Достигнуть УИ, т. е. разработать инновационный продукт, способны научно-исследовательские

центры (в составе ТНК, государственные НИИ, частные НИИ и др.), которые находятся на уровне «минус один» (У-1). Эта способность базируется на высоком уровне модернизационного потенциала, т. е.: ТЭ и ИЭ данного участника У-1 соответствует уровню мировых лидеров научных разработок в данной отрасли. Таким образом, У-1 является передовым краем мировых научных разработок в определенной отрасли мирового хозяйства.

Нами не рассматривается инновационный продукт как потенциальная составляющая перспективных ТШП (технологий широкого применения)¹⁹⁷. В нашем случае не критично, будет ли данный инновационный продукт составляющей ТШП, или не будет. Более важным является использование участником У-1 своего модернизационного потенциала, которое проявляется через активацию технологического и интеллектуального элементов. Таким образом, УИ повышает эффективность в определенной отрасли мировой экономики.

Механизм движения по уровням системы технологической модернизации. Например, участник У-1 представляет инновационный продукт. Первыми из тех, кто проявит желание и продемонстрирует возможность сонастроить свой модернизационный потенциал с модернизационным потенциалом данного инновационного продукта (т. е. понять суть прогресса технологического и интеллектуального элементов), будут именно участники У-1. Проведение данной политики участниками системы технологических модернизаций (политика сонастройки своего МП с МП участников более высокого уровня) можно объяснить наличием в составе модернизационного потенциала третьего элемента – «элемента модернизационной инициативы» (ЭМИ).

Конечно же, «элемент модернизационной инициативы» – это тот элемент, который желателен в составе модернизационного потенциала как обязательный элемент. Практика же показывает, что это не так. Если бы ЭМИ был обязательным в составе МП,

¹⁹⁷ См. Полтерович В.М. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопросы экономики. – 2009. – № 6. – С. 4–22.

то система технологических модернизаций не имела бы явно отстающих уровней, компаний, стран. Фактически дело обстоит так: а) чем выше уровень, на котором располагается участник системы модернизаций, тем активнее ЭМИ; б) у участников самых низких уровней системы модернизаций в составе модернизационного потенциала ЭМИ отсутствует.

Именно активность ЭМИ приводит систему технологических модернизаций к естественному переходу УИ в У-1. Все участники системы модернизаций, которые не проявляют активность ЭМИ, сдвигаются вниз по уровням. Данное движение вниз (хотя участник «стоит на месте», т. е. не развивается) по уровням системы модернизаций (УИ трансформируется в У-1; У-1 трансформируется в У-2; и т. д.) ведет модернизационный потенциал к состоянию модернизационного отставания (деградация МП). Предварительно можно сделать вывод: 1) активность ЭМИ ведет к качественному росту ТЭ и ИЭ в составе модернизационного потенциала, что способствует продвижению вверх по уровням системы модернизаций; 2) отсутствие ЭМИ ведет к деградации ТЭ и ИЭ, что ведет к движению вниз по уровням системы модернизаций.

Необходимо подробнее остановиться на отсутствии ЭМИ в составе МП. Это происходит тогда, когда участник попадает в фарватер «нисходящей модернизации», реализация которой проходит по схеме «инновация → модернизация»: с верхнего уровня поступает новая технология, а участник-импортер функционирует на таких емких рынках (Россия, Китай, Бразилия и др.), что в течение долгого периода собирает «плоды» ее высокой эффективности. Данный участник-импортер не видит экономического смысла в развитии ЭМИ, а за это время сменяются уровни процесса технологических модернизаций. Более прогрессивной является «восходящая модернизация», реализуемая по схеме «модернизация → инновация», так как стратегический интеллект данного участника-импортера позволяет адекватно оценивать перспективу экономической эффективности

движения вверх по уровням системы технологических модернизаций.

Важно понимать то, что принимать активность ЭМИ за внутреннюю энергию процесса естественной модернизации (ПЕМ) ошибочно. На основе того, что ПЕМ проходит в ведущих развитых странах, можно утверждать: активность ЭМИ прочно лежит в пределах классического «экономического эгоизма». С учетом того, что развитая финансовая система всегда готова обеспечить капиталом нуждающиеся отрасли мировой экономики, можно констатировать следующее: а) внутренней энергией процесса естественной модернизации является технологическая конкуренция; б) мотивационной составляющей процесса естественной модернизации является здоровое желание каждого участника рынка получить прибыль, выгоду.

Рассмотренная система технологических модернизаций мировой экономики, где активнейшими участниками проявляют себя ведущие ТНК развитых стран, по своей внутренней сути является динамической системой. Это значит, что система технологических модернизаций мировой экономики продолжает свое эволюционное развитие, которое может привести к изменению не только состава ее компонентов, но и к изменению характера взаимодействий между ними. Примером может служить государственное вмешательство в процесс естественной модернизации, которое мы рассмотрим ниже.

Таким образом, процесс естественной модернизации является эволюционно развитой экономической формой, которая высокоэффективно функционирует в условиях ведущих развитых экономик. На основе того, что процесс естественной модернизации охватывает все отрасли мировой экономики (различия в степени глубины охвата) и активно использует для этого все элементы модернизационного потенциала, приходим к следующему заключению: базовая форма системы технологических модернизаций – процесс естественной модернизации – в своем составе имеет один тип – полную модернизацию.

Б) Рассмотрение следующей формы процесса модернизаций поможет ответить на важный вопрос в рамках гипотезы о «преимущество отсталости» А. Гершенкрона. Помогает ли «преимущество отсталости» развивающимся странам пользоваться технологическими достижениями развитых стран и в результате содействует сокращению разрыва в экономическом развитии?

Логика исследования подводит нас к рассмотрению «привитой» формы процесса модернизаций. Данная форма выражена процессом искусственной модернизации (ПИМ), которая имеет в своем составе два типа: 1) полная модернизация; 2) усеченная модернизация. Различие между типами процесса искусственной модернизации заключается в передаче/получении обязательных элементов модернизационного потенциала: 1) полная модернизация предполагает передачу/получение обоих обязательных элементов – ТЭ и ИЭ; 2) усеченная модернизация предполагает передачу/получение одного из обязательных элементов МП, в большинстве случаев ТЭ.

Тип полной модернизации в составе ПИМ на практике был представлен советской индустриализацией¹⁹⁸. В конце 1920-х годов Великая депрессия подтолкнула к сотрудничеству представителей американского «большого бизнеса», что в итоге привело к индустриализации аграрной России. Например, бюро Кана (Albert Kahn Incorporated) спроектировало более 500 объектов на сумму 2 млрд долл. (того периода) и в строительстве многих из них принимало участие. В числе этих объектов – Сталинградский тракторный, Челябинский танко-тракторный, Харьковский танковый заводы, Магнитогорский металлургический комбинат, заводы и цехи в Коломне, Челябинске, Подольске, Новокузнецке, Свердловске, Москве. Другие американские корпорации проектировали и принимали участие в строительстве таких проектов, как ГАЗ, АЗЛК, АМО-ЗИЛ, Сибсельмаш, Казанский авиазавод, Ростовский и Саратовский комбайновые заводы, Днепрогэс,

¹⁹⁸ См. Америка России подарила пароход... Секреты сталинской индустриализации // Совершенно секретно. – 2012. – № 6. – С. 36.

строительство нефтяного промышленного района Баку – Грозный – Батуми – Туапсе и др. В начале 1930-х годов в Советском Союзе находилось более 20 тысяч (свыше 35 тыс. с членами семей) американских специалистов.

Великая депрессия вынудила ведущие американские ТНК, находящиеся на У-1, передать молодому советскому государству новейшие технологии (ТЭ), а 20 тысяч американских инженеров, которые налаживали и запускали эти технологии, превратились в лучших педагогов-практиков для советских инженеров (ИЭ). Все это позволило МП СССР подняться до уровня У-1 во многих отраслях мировой экономики, и как результат активного ЭМИ – в дальнейшем это привело к противостоянию двух супердержав.

Производство ядерного оружия, достижения в области космонавтики – все это являлось свидетельством нахождения МП СССР в военных отраслях экономики в середине XX века на позиции У-1. Мы предполагаем, что такое положение дел послужило обоснованием для прекращения одновременной передачи ведущими американскими ТНК в страны-импортеры ПИМ обязательных элементов МП (в случае передачи технологий не реализовывался тип полной модернизации ПИМ, т. е. не проводилась одновременная передача ТЭ и ИЭ). Рекомендации по реализации ПИМ в формате типа усеченной модернизации (передача или ТЭ, или ИЭ) соблюдались при проведении других эффективных индустриализаций – Южная Корея, Сингапур и др.

Ознакомимся со следующей информацией:

ВАШИНГТОН, 20 апреля 2016 г. /Корр. ТАСС Иван Лебедев/.

«Преждевременный отказ США от использования российского ракетного двигателя РД-180 обойдется Пентагону более чем в \$1 млрд. С такой оценкой выступил на слушаниях в Конгрессе заместитель министра обороны США по закупкам и технологиям Фрэнк Кендалл, предупредивший, что свой собственный двигатель американские компании смогут создать не ранее 2021 года, то есть на два года позже, чем планировалось первоначально.

«Для того чтобы отказаться от РД-180, нам нужно будет израсходовать из нашего бюджета более \$1 млрд., и я думаю, что это не очень хороший вариант», – сказал Кендалл, пояснив, что каждый пуск ракеты Delta IV вместо Atlas V, оснащенной российскими двигателями, будет стоить его ведомству лишние 50 млн долларов. В настоящее время Пентагон использует именно этот носитель для вывода на орбиту военных, в том числе разведывательных спутников.

Выступая в одном из комитетов сената, Кендалл также отметил, что в США новый двигатель будет создан в лучшем случае через пять лет. По оценкам Минобороны страны, в этот период для обеспечения пусков ракет Atlas V по правительственным заказам ему понадобятся еще 18 российских РД-180 производства предприятия «Энергомаш» из подмосковных Химок.

Новые ракетные двигатели разрабатывают сейчас сразу несколько американских компаний, в том числе консорциум United Launch Alliance (ULA), созданный корпорациями Boeing и Lockheed Martin. Именно он эксплуатирует ракеты Atlas V и более дорогую, а поэтому гораздо реже используемую «Дельта-4». Оба носителя могут применяться для выполнения пусков как по заказам Пентагона, так и в интересах частных телекоммуникационных компаний.

Соглашение между Москвой и Вашингтоном, которое предусматривало поставки в США 101 двигателя РД-180 и оценивалось примерно в миллиард долларов, было заключено в 1997 году. Полтора года назад Конгресс из-за обострения отношений с Россией ввел запрет на их использование после 2019 года, но затем сам же отменил его, когда стало ясно, что свои двигатели в течение ближайших трех лет в США созданы не будут. Сразу же после этого консорциум ULA заказал в России дополнительно еще 20 РД-180».

Из этой информации можно сделать выводы по поводу уникальности типа полной модернизации ПИМ. Данный тип ПИМ способен привести к неожиданному эффекту: страна-импортер технологий при определенных условиях (главное условие – активный ЭМИ на базе научного потенциала страны) может стать лидером по отношению к стране-экспортеру технологий, т. е. эффективность ПИМ при определенных благоприятных условиях может превзойти эффективность ПЕМ.

Кроме того, система процесса модернизаций мировой экономики продолжает свое эволюционное развитие. ПЕМ, который по своему определению не должен быть подвержен прямому государственному вмешательству, демонстрирует свою невероятную подвижность: пример попыток альтернативных разработок РД-180 наглядно демонстрирует прямое государственное вмешательство в ПЕМ.

Таким образом, можно обобщить классификацию форм и типов процесса модернизаций мировой экономики (таблица 23).

Таблица 23 – Классификация форм и типов процесса модернизаций

Формы процесса модернизаций	Реализация форм процесса модернизаций	Типы в составе форм процесса модернизаций	Состав модернизационного потенциала	Степень государственного вмешательства в процесс модернизаций
Базовая форма	Процесс естественной модернизации	Полная модернизация	ТЭ и ИЭ; активный ЭМИ	Низкая
Привитая форма	Процесс искусственной модернизации	Полная модернизация	ТЭ и ИЭ; активный ЭМИ	Максимальная
		Усеченная модернизация	ТЭ или ИЭ	Низкая

Источник. Разработана автором.

Из вышеизложенного следуют выводы:

1. Система технологических модернизаций мировой экономики – это не что иное, как состязательность научных потенциалов национальных экономик. Активно практикуемая ведущими развитыми странами «перекачка умов» является эволюционно развитой экономической формой. На основе того, что интеллектуальный элемент (ИЭ) в составе модернизационного потенциала (МП) является обязательным

- элементом – рекомендуем странам ЕАЭС заимствовать и активно использовать данную развитую экономическую форму.
2. Несостоятельность гипотезы о «преимуществе отсталости» А. Гершенкрона обоснована тем, что после эффективной реализации процесса искусственной модернизации (ПИМ) в рамках советской индустриализации (что привело к противостоянию супердержав), передача технологий ТНК развитых стран проводится только по типу усеченной модернизации.
 3. Процесс искусственной модернизации (ПИМ) достигает наивысшей эффективности при прямом государственном вмешательстве (планирование базовых точек процесса модернизации; концентрация и перенаправление капитала), что позволяет говорить об «эффекте превосходства процесса искусственной модернизации (ПИМ) над процессом естественной модернизации (ПЕМ)».
 4. Для эффективного запуска механизма технологических модернизаций в постсоветских странах необходимо адекватное развитие всех элементов в составе модернизационного потенциала (МП): технологического элемента (ТЭ), интеллектуального элемента (ИЭ) и элемента модернизационной инициативы (ЭМИ). Данный вывод строится на преимуществах «восходящей модернизации».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Впервые в отечественной литературе представлена технологическая концепция государственной промышленной политики. Суть данной концепции заключена в том, чтобы, не заикливаясь на «вечном» перечне приоритетных отраслей, через адекватное участие в системе технологической модернизации мировой экономики (СТМ) получить доступ к передовым технологиям, которые, в свою очередь, выступят основой создания новых отраслей обрабатывающей промышленности. Отметим, что интерес представляют технологии, как минимум, передовые для экономического пространства ЕАЭС.

Успех планируемой реализации технологической концепции государственной промышленной политики основан на тщательном исследовании механизма функционирования СТМ. Активными участниками СТМ являются крупные компании, обладающие высокими показателями элементов модернизационного потенциала – интеллектуального, технологического и элемента модернизационной инициативы. Это, как правило, транснациональные корпорации – мировые лидеры, не только иницилирующие проведение фундаментальных научных исследований, но и генерирующие разработку, производство и коммерческое внедрение передовых технологий.

Общественный характер корпорации формируется тем, что она своей продукцией удовлетворяет спрос и потребности огромной массы населения... Не замечать и игнорировать корпорации крупномасштабного производства государство уже не может и не должно это делать, поскольку они становятся его экономической основой в решении всех насущных проблем, особенно прогрессивного стратегического характера, возникающих в развитии современного общества, таких как подъём науки, образования и здравоохранения, обеспечение экономической,

продовольственной, энергетической и экологической безопасности, борьба с терроризмом, экстремизмом, наркоманией и коррупцией¹⁹⁹.

В капиталистической экономической системе формирование корпораций проходило естественным путем – через необходимость объединения индивидуальных капиталов в акционерный капитал для совместной реализации общенациональных проектов (например строительство железных дорог и др.). В советской экономической системе возникновение крупных государственных компаний проходило в рамках социалистического планирования, что не нарушало общемировые тенденции концентрации капитала и укрупнения производства.

Дж. Гэлбрейт отмечал: «Движущие силы организации крупномасштабного производства свойственны не только капитализму. ... Крупным организациям, где бы они не существовали, свойственны одинаковые движущие силы. Крупная капиталистическая корпорация и крупный социалистический комбинат имеют примерно одинаковую организационную структуру; перед ними стоят одни и те же технологические сложности; они предъявляют свои требования и оказывают воздействие на окружающее их общество. ... В широком смысле они двигаются в одном направлении – не к неизбежной власти рынка, а к установлению общих требований технологий и массового производства...»²⁰⁰.

Конечно, выполнение рекомендаций международных экономических организаций по переходу к рыночной экономике, особенно в части демонополизации и разукрупнения хозяйствующих субъектов, сильно снизили конкурентоспособность модернизационного потенциала компаний постсоветских стран для адекватного участия в СТМ. Необходимым условием реализации технологической концепции государственной промышленной политики

¹⁹⁹ Кумсков В.И. Социальный заряд корпоративно-рыночной экономики. – Бишкек: Шетри, 2012. – С. 133.

²⁰⁰ Джон К. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. Избранное. – М.: Эксмо, 2008. – С. 1019.

является процесс укрупнения национальных компаний во всех отраслях экономики. В случае необходимости прямого государственного вмешательства в данный процесс особое внимание должно быть уделено формированию элементов модернизационного потенциала компаний, что выступит основой потенциально эффективного взаимодействия с ТНК развитых стран.

По нашему мнению, проводимая в 2019–2020 годах департаментом промышленной политики Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) работа по созданию евразийских наднациональных компаний значима для технологической концепции государственной промышленной политики. Основными планируемыми преимуществами евразийских компаний должны стать:

- развитие экспорта и создание условий для стратегической конкурентоспособности транснациональных компаний ЕАЭС на рынках третьих стран;
- обеспечение углубления кооперации и развития взаимных инвестиций;
- обеспечение приоритетной поддержки на национальном уровне промышленных предприятий, образующих евразийскую компанию;
- возможность выбора бизнесом экономической юрисдикции в рамках ЕАЭС;
- возможность распределения центров компетенций²⁰¹.

Конечно, логично было бы обозначить главную задачу, стоящую перед евразийскими наднациональными компаниями – активное внедрение и адекватная работа в рамках функционирования СТМ. Обоснованная в монографии технологическая концепция государственной промышленной политики теоретически вооружает департамент промышленной политики ЕЭК для преодоления существующего барьера в виде «допуска к передовым технологиям». Но понимание специфики этого важного момента со стороны ЕЭК остается под вопросом.

²⁰¹ ЕЭК планирует использовать знания и опыт ЮНИДО для инновационного развития экономик стран ЕАЭС. URL: <http://www.eurasiancommission.org>.

К такому заключению привели результаты двух взаимодействий авторского коллектива монографии как участников проекта «Адаптация теоретико-методологических основ эффективных индустриализаций к экономике Кыргызской Республики» Программы развития Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б.Н. Ельцина на 2018–2020 годы с ЕЭК:

- 28 июня 2019 года в рамках Международной научно-практической конференции «IV-е Кумсковские чтения «Перспективы промышленной кооперации в ЕАЭС» была проведена on-line конференция «О реализации проекта «Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтракта-ции и трансфера технологий» с департаментом промышленной политики ЕЭК;
- 24 сентября 2019 г. участие в полуфинале Международного конкурса инновационных проектов «Евразийские цифровые платформы» проекта «Mod Industry» (ультрасовременная промышленность) – платформы-классификатора модернизационного потенциала предприятий отраслей обрабатывающей промышленности²⁰².

Ни в первом, ни во втором случае представители ЕЭК не проявили заинтересованности в детальном рассмотрении представляемой системы быстрых технологических заимствований. Необходимо признать, что такая реакция (вернее её отсутствие) со стороны департамента промышленной политики ЕЭК послужило серьезным доводом для принятия окончательных выводов по теоретическому обоснованию технологического отставания государств-участников ЕАЭС. По нашему мнению, квинтэссенция технологического отставания заключается в игнорировании системы эффективного строительства элементов модернизационного потенциала крупных компаний, и, как следствие, отсутствие активного и адекватного участия в СТМ.

²⁰² АЦЭДИ. URL: https://www.krsu.edu.kg/analytical_center_for_economic_and_demographic_research

Отсутствие потенциальной состязательности со стороны государств ЕАЭС (причина – нет объективного понимания внутренней сути функционирования СТМ), несомненно, повышает вероятность успешной практической реализации технологической концепции государственной промышленной политики в Кыргызской Республике.

Но этого мало. Важное и необходимое условие – предоставление полной и достоверной информации по планируемой реализации технологической концепции государственной промышленной политики для формирования объективного общественного мнения. Далее, признание ошибок рыночной трансформации на государственном уровне позволило бы сложившемуся общественному мнению выступить основой для формирования индустриального общественного сознания.

Главное – мы знаем путь. Отступать некуда: пока не будет ощутимых результатов экономического развития – повышение степени удовлетворения основных экономических, социальных и политических потребностей всех граждан страны – все политические трансформации (2005 г., 2010 г., 2020 г.) для народа Кыргызстана останутся лишь очередным переделом активов между различными группировками власть имущих.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Абдикеев Н.М., Тютюнник И.Г.* Нормативно-правовая поддержка стимулирования деловой активности в рамках промышленной политики // Экономика. Налоги. Право. – 2018. – № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovaya-podderzhka-stimulirovaniya-delovoy-aktivnosti-v-ramkah-promyshlennoy-politiki>
2. Азия. Экономика и жизнь. – 1997. – № 36. Сентябрь.
3. Америка России подарила пароход... Секреты сталинской индустриализации // Совершенно секретно. – 2012. – № 6. – С. 36.
4. Анализ кооперационных поставок государств-членов Евразийского экономического союза в целях выявления потенциала промышленной кооперации // Сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org>
5. *Андрусенко М.И., Кравченко А.Е.* Аналитический справочник. Полпред. – М.: Пик Винити, 2004.
6. *Атамбаев К.* Как индустриализировать Центральную Азию? О важности промышленности / АКИpress, раздел «Аналитика». – 23.10.2017.
7. Барьеры, изъятия и ограничения ЕАЭС // Доклад. – М., 2016.
8. *Беляев С., Кошкин В.* URL: <http://gur@expert.ru>
9. *Белянин А.В.* Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года) // Вопросы экономики. – 2018. – № 1
10. *Бодрова Е.В., Гусарова М.Н., Калинов В.В.* Эволюция государственной промышленной политики в СССР и Российской Федерации. – М.: РЕГЕНС, 2013.

11. *Бодрунов С.Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка: монография. Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте.
12. *Бодрунов С.Д.* Какая индустриализация нужна России? // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 2. – С. 6–17.
13. *Бодрунов С.Д.* Общая теория ноономики: учебник. – М.: Культурная революция, 2019. – 504 с.
14. *Булатова А.С.* Страны и регионы мира: экономико-политический справочник. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006.
15. *Бухвальд Евгений Моисеевич.* Закон о промышленной политике принят: а будет ли промышленность в России? // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakon-o-promyshlennoy-politike-prinyat-a-budet-li-promyshlennost-v-rossii>
16. В ЕАЭС создан Совет по промышленной политике. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/05/29/v-eaes-sozdan-sovet-po-promyshlennoy-politike>
17. Всемирный банк [Электронный ресурс]. – 2008. URL: <http://www.worldbank.org> (дата обращения: 11.11.2008).
18. *Гладков И.* Реалии и перспективы «чуда на реке Хан» // Обозреватель. – 1997.
19. *Глазьев С.Ю.* Нам нужна новая индустриализация // Экономика. Налоги. Право. – 2013. – № 2.
20. *Гнидченко А., Могилат А., Михеева О., Сальников В.* Трансфер зарубежных технологий: оценка зависимости российской экономики от импорта высокотехнологичных товаров // Форсайт. – 2016. – Т. 10. – № 1. – С. 53–67.
21. Гэлбрейт: возвращение: монография / под ред. С.Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2017. – 424 с.
22. Данные ЕЭК. URL: <http://www.eurasiancommission.org>
23. *Дежина И.* Международное научное сотрудничество: что меняет пандемия? – 2020. – Май. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnoe-nauchnoe>

sotrudnichestvo-chto-menyaet-pandemiya/ (дата обращения: 11.07.2020 г.).

24. *Денис Мантуров*. Эволюция подходов к государственному управлению промышленностью с 1995 по 2015 гг. // Экономическое развитие России. – 2017. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-podhodoov-k-gosudarstvennomu-upravleniyu-promyshlennostyu-v-period-s-1995-po-2015-gg>
25. Деятельность предприятий с иностранными инвестициями в КР (2014–2018): ст. сб. – Бишкек: Нацстатком КР, 2019. – С. 114.
26. *Джеффри Фриден*. Политическая экономия экономической политики // Финансы и развитие. – 2020. – № 2. Июнь. – Выпуск 57. – С. 4–9.
27. Договор от 29.05.2014 «Об учреждении Евразийского экономического союза». URL: <http://www.altar.ru/>
28. *Доржиева В.* Сравнительный анализ промышленных политик государств-членов ЕАЭС. URL: <http://eurasian-studies.org> (Составлено автором по данным нормативно-правовых документов: Федеральный закон РФ № 488-ФЗ «О промышленной политике в РФ» от 31.12.2014; Программа развития промышленного комплекса РБ до 2020 г.; Концепция индустриально-инновационного развития РК на 2020–2025 гг., Закон РА «О промышленной политике» от 12.12.2014 г. № ЗР-184; Проект Стратегии устойчивого развития КР на 2018–2040 гг.).
29. *Доржиева Валентина Васильевна*. Россия и Евразийский экономический союз: сравнительный анализ отраслевой структуры экономики и промышленной политики // Вестник евразийской науки. – 2019. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-evraziyskiy-ekonomicheskii-soyuz-sravnitelnyy-analiz-otraslevoy-struktury-ekonomiki-i-promyshlennoy-politiki>

30. Дранев Я., Кузнецов Б., Кузык М., Погребняк Е., Симачёв Ю. Опыт реализации промышленной политики в Российской Федерации в 2000–2012 гг.: институциональные особенности, группы интересов, основные уроки. М.: РАНХиГС, 2014. Режим доступа: <http://ssrn.com/abstract=2443928>
31. Драпкин И., Лукьянов С., Бокова А. Влияние прямых иностранных инвестиций на внутренние инвестиции в российской экономике // Вопросы экономики. – 2020. – № 5. – С. 69–85.
32. ЕЭК, Департамент статистики: динамические ряды по разделам статистики.
33. Идрисов Г.И. Промышленная политика России в современных условиях / Г. Идрисов. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – 160 с.: ил. – (Научные труды / Ин-т экономической политики им. Е.Т. Гайдара; № 169Р).
34. Инвестиции в Кыргызской Республике (2015–2019): ст. сб. – Бишкек: Нацстатком КР, 2020. – 224 с.
35. Информация с официального сайта ЕЭК. URL: <http://www.eurasiancommission.org>
36. К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки: материалы теоретического семинара ИМЭМО. – М., 2002.
37. Ким Сан Вон. Банковская система Южной Кореи: состояние и тенденции развития // Деньги и кредит. – 1996.
38. Кондратьев Н.Д. Большие циклы // Сборник избранных сочинений. – М., 1993.
39. Концепция региональной политики Кыргызской Республики на период 2018–2022 гг. от 31 марта 2017 г. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg>
40. Коровин Г.Б. Законодательное регулирование развития промышленности в индустриальных регионах России // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2016. – № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnoe-regulirovanie-razvitiya-promyshlennosti-v-industrialnyh-regionah-rossii>

-
41. Корр. ТАСС Иван Лебедев // ВАШИНГТОН. 20 апреля 2016 г.
 42. *Крупяно И.* Геополитика Восточной Азии сегодня и завтра // Международная экономика. – 2006. – № 07. – С. 52–53.
 43. *Кудайкулов М.К.* Концептуальная основа государственной промышленной политики Кыргызской Республики / М.К. Кудайкулов, Т.А. Асанов // Вестник КРСУ. – 2018. – Т. 18. – № 11. – С. 49–52.
 44. *Кудайкулов М.К.* Механизм функционирования системы технологических модернизаций мировой экономики // Вестник КРСУ. – 2016. – Т. 16. – № 6. – С. 26–30.
 45. *Кудайкулов М.К., Асанов Т.А.* Концептуальная основа государственной промышленной политики Кыргызской Республики // Вестник КРСУ. – 2018. – Т. 18. – № 11. – С. 49–52.
 46. *Кудайкулов М.К., Асанов Т.А.* Транснациональные корпорации как высшая форма хозяйствования современной экономической системы // Вестник КРСУ. – 2014. – Т. 14. – № 8. – С. 100–104.
 47. *Кузнецов Б.В., Симачев Ю.В.* Эволюция государственной промышленной политики в России // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2014. – № 2 (22).
 48. *Кузьмина Е.М.* Экономическое развитие стран ЕАЭС и перспективы экономической интеграции до 2025 г. // Аналитическая записка / РСМД. – М., 2017.
 49. *Кумсков В.И.* Отраженная экономика, или экономика в денежно-финансовом свете. – Бишкек: Илим, 2005. – 116 с.
 50. *Кумсков В.И.* Рыночная экономика – вечная экономика. – Бишкек: КРСУ, 2008. – 176 с.
 51. *Кумсков В.И.* Социальный заряд корпоративно-рыночной экономики. – Бишкек: НАН КР, 2012. – 152 с.
 52. *Кумскова Н.Х., Гусева В.И.* Экономический рост в трансформационной экономике: монография. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2012.
 53. *Ленчук Е.Б.* Формирование промышленной политики России в контексте задач новой индустриализации / Е.Б. Ленчук //

- Журнал Новой экономической ассоциации. – 2018. – № 3. – С. 138–145.
54. *Ли Куан Ю.* Из третьего мира в первый. История Сингапура (1965–2000). – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 576 с.
55. *Ли Куан Ю.* Мой взгляд на будущее мира. – М.: АНФ, 2017. – 446 с.
56. *Лихачев В.* Международный трансфер технологий: основные тенденции и позиции России // Российский внешнеэкономический вестник. – 2017. – № 10. – С. 29–43.
57. *Ломакин В.К.* Мировая экономика: учебник для вузов. – М.: Финансы, Юнити, 1998.
58. *Лыньков А.* Конец чёболь // Эксперт. – 2003. – № 31.
59. *Матвеева В.М.* Проект федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации»: тенденции, проблемы, эффективность // Вестн. Моск. гос. обл. гуман. ин-та. Серия: История, философия, политология, право. – 2014. – Т. 1. – № 1-1 (1).
60. Материалы сайта Всемирного банка. Migration data // Bilateral migration matrix. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data>.
61. Межправсовет поручил странам ЕАЭС принять меры по устранению барьеров на внутреннем рынке. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru>
62. Мировозрастные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. – 2016. – № 2.
63. *Московский А.И.* «Новое индустриальное общество» Гэлбрейта и стратегия индустриализации России. // «Гэлбрейт: возвращение»: монография / под ред. С.Д. Бодрунова.
64. Новый Шелковый путь и его значение для России / под ред. В.Е. Петровского (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой. – М.: ДеЛи плюс, 2016.
65. О развитии южнокорейской экономики // БИКИ. – 2005. – № 40. – С. 1, 16.

-
66. Организация совместного экономического развития [Электронный ресурс]. – 2008. – URL: <http://www.oecd.org> (дата обращения: 11.11.2008).
 67. Основные направления социально-экономической политики Правительства РФ на долгосрочную перспективу / ЦСР. – М.: Центр стратегических разработок, 2000. URL: http://old.nasledie.ru/fin/6_13/6_13_1/kniga1/article.php?art=0
 68. Официальный сайт Samsung Group в России [Электронный ресурс]. – 2008. – URL: http://www.samsung.com/ua_ru/news/ (дата обращения: 11.11.2008).
 69. *Полтерович В.М.* Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопросы экономики. – 2009. – № 6. – С. 4–23.
 70. *Пороховский А.А.* Обрабатывающая промышленность: вызовы и перспективы в современном мире // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 2.
 71. Посол Кыргызстана в КНР: визит Председателя КНР заложит основу для новых договорённостей и новых направлений взаимодействия между двумя странами // Контимост. – 2019. – № 7(19). Июль. – С. 19–20.
 72. Постановление Правительства КР от 27 сентября 2019 года № 502 «Об утверждении Стратегии устойчивого развития промышленности Кыргызской Республики на 2019–2023 годы».
 73. Прикладные результаты теории мирохозяйственных укладов // Экономика и математические методы. – 2016. – № 3.
 74. Промышленная политика в Евразийском экономическом союзе: три года интеграции // Доклад. – М., 2018.
 75. Промышленность Кыргызской Республики. 2014–2018 гг. URL: <http://www.stat.kg>.
 76. *Рассадина А.* Роль планирования в модернизационном развитии. Опыт республики Корея // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. – 2020. – № 1. – С. 197–214.
 77. Режим доступа: <http://globstat.unctad.org/html/index.html> (дата обращения: 11.11.2008).

78. Режим доступа: http://www.unctad.org/sections/dite_dir/docs/survey02_FDI.pdf. (дата обращения: 11.11.2008).
79. Республика Корея – экономическое развитие продолжается // БИКИ. – 2005. – № 106. – С. 4–5.
80. Решение Межправсовета от 8 сентября 2015 г. № 9. С. 27. URL: <http://www.eurasiancommission.org> Указ Президента Российской Федерации от 14 августа 1996 г. № 1177.
81. Романова О.А. Приоритеты промышленной политики России в контексте вызовов Четвертой промышленной революции. Ч. 2. // Экономика региона. – 2018. – Т. 14. – Вып. 3.
82. Романова О.А. Формирование и развитие высокотехнологичного сектора в условиях новой индустриализации / О.А. Романова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. – 2016. – Т. 10. – № 4.
83. Романова Ольга Александровна. Условия и факторы структурной модернизации региональной промышленной системы // Экономика региона. – 2011. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-i-factory-strukturnoy-modernizatsii-regionalnoy-promyshlennoy-sistemy>
84. Рынок ценных бумаг. Экономический журнал. – Бишкек. – 2002. – № 11.
85. Сайт посольства КНР в России. Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». URL: <http://ru.china-embassy.org/chn/eyxxs/t1257322.htm> (дата обращения: 23.04.2015).
86. Сакс Дж., Ларрен Ф. Макроэкономика: глобальный подход / Дж. Сакс, Ф. Ларрен. – М., 1996.
87. Свободная интернет-энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2008. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Чебо́ль> (дата обращения: 11.11.2008).
88. Си Цзиньпин о необходимости совместного создания новой обстановки в сфере безопасности и развития Азии. Высту-

-
- пление на пятом саммите СВМДА // *Контимост.* – 2019. – № 7(19). Июль. – С. 23.
89. Си Цзиньпин принял участие в 19-м заседании СГГ ШОС и выступил с важной речью // *Контимост.* – 2019. – № 7(19). Июль. – С. 17.
90. *Син Хён Хвак.* Южная Корея: Нелёгкий путь к процветанию // *Проблемы Дальнего Востока.* – 1990; *Суслина С.С.* Промышленность Южной Кореи. – 1988.
91. *Статистический ежегодник. 2019:* ст. сб. – Бишкек: Нацстатком КР, 2020. – С. 236–237.
92. *Стратегия устойчивого развития промышленности Кыргызской Республики на 2019–2023 годы* (к постановлению Правительства КР от 27 сентября 2019 года № 502).
93. *Сухарев О.С.* «Новые-старые» задачи по управлению промышленностью на современном этапе // *Учет. Анализ. Аудит.* – 2016. – № 3. – С. 7–23.
94. *Сухарев О.С.* Экономическая политика реиндустриализации России: возможности и ограничения // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* – 2013. – № 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-politika-reindustrializatsii-rossii-vozmozhnosti-i-ogranicheniya>
95. *Сэмюэльс У.Дж.* Институциональная экономическая теория // *Панорама экономической мысли конца XX столетия.* – СПб., 2002.
96. *Татаркин Александр Иванович, Романова Ольга Александровна.* Промышленная политика: генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение // *Экономика региона.* – 2014. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/promyshlennaya-politika-genezis-regionalnye-osobennosti-i-zakonodatelnoe-obespechenie>
97. *Технологии Четвертой промышленной революции* / пер. с англ. / Клаус Шваб, Николас Дэвис. – М.: Эксмо, 2018. – 320 с. – С. 37.

98. Торгово-экономические достижения ШОС привлекают внимание мира // *Контимост*, агентство Синьхуа. – 2019. – № 7(19). Июль. – С. 10–11.
99. *Тригубенко М.Е.* Конкуренентоспособность экономики Республики Корея. – М., 2004.
100. Указ Президента Российской Федерации от 17 марта 1997 г. № 249 «О совершенствовании структуры федеральных органов исполнительной власти».
101. Факты и цифры: экономическое сотрудничество Китая с Кыргызстаном и Таджикистаном приносит плодотворные результаты // *Контимост*, агентство Синьхуа. – 2019. – № 7(19). Июль.
102. Финансы предприятий Кыргызской Республики: 2014–2018. – Бишкек: Нацстатком КР, 2019. *Гэлбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество. Избранное. – М.: Эксмо, 2008. – 1200 с.
103. *Хейфец Б.* Технологическое возвышение Китая: новые вызовы для России // *Вопросы экономики*. – 2020. – № 6. – С. 104–120.
104. *Хруцкий В.Е.* Южнокорейский парадокс // *Финансы и статистика*. – 1993.
105. *Хубиев К.* Неоиндустриальная модернизация и альтернативные подходы к ней // *Экономист*. – 2013. – № 4.
106. *Хубиев К.А.* Новые тенденции торгово-экономического передела мира: взаимодействие глобального и национального. – М., 2017.
107. *Хубиев К.А.* О структурной перестройке российской экономики на новой промышленной основе // *ПСЭ*. – 2015. – № 3(55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukturnoy-perestrojke-rossiyskoj-ekonomiki-na-novoy-promyshlennoy-osnove>.
108. Цзяо Цзихин: Цветы сотрудничества между Китаем и Центральной Азией, несомненно, будут цвести еще ярче // *Контимост*. – 2019. – № 7(19). Июль.

-
109. Черноусова М.Е. Концепции государственной промышленной политики России (1991–2008 гг.) // Вестник ТГУ. – 2009. – Вып. 7(75).
 110. Чжэн Чжо: Синьцзянская «безлюдная экономика» завоевывает известность, используя новейшие технологии // Континент. – 2018. Март. – С. 45.
 111. Шакиров А. Противодействие США нарушениям прав интеллектуальной собственности на международных рынках // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2012. – № 4.
 112. Шанхайская академия международных исследований: Экспертный доклад о развитии проекта ЭПШП. – Шанхай, 2015. Октябрь. – 88 с.
 113. Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. М., 2017.
 114. Шугуров М.В. Роль ЮНКТАД в международной передаче технологий и инновационном развитии в контексте стратегии устойчивого развития // Международное право. – 2018. – № 3. – С. 62–76.
 115. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2008. – 864 с.
 116. Яковлев А.А. Агенты модернизации. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2007.
 117. Asian Development Bank (2017) Unlocking the potential of railways: A railway strategy for CAREC, 2017–2030. Mandaluyong City, Philippines.
 118. Bai Shi. Free Trade for the Future. APEC leaders' Beijing meeting is expected to further propel regional economic integration. URL: http://www.bjreview.com.cn/print/txt/2014-10/31/content_648428_4.htm.
 119. Coe D., Helpman E. International R&D Spillovers // European Economic Review. – 1995. – № 39. – P. 859–887.

120. Cohen W., Levinthal D. (1989) Innovation and learning: two faces of R&D. *The Economic Journal* 99(397): pp. 569–596 DOI: 10.2307/2233763.
121. Cohen W., Levinthal D. (1990) Absorptive Capacity: A New Perspective on Learning and Innovation. *Administrative Science Quarterly* 35: pp. 128-152 DOI: 10.2307/2393553.
122. *De Mello Jr.* Foreign direct investment in developing countries and growth: A selective survey // *The Journal of Development Studies*. – 1997. – 34(1). – P. 1–34.
123. *Ejiwale, J.* Breaking Impediments to Technology Transfer through Foreign Trained Nationals // *International Journal of Business, Humanities and Technology*. – 2014. – 4(4).
124. *Elizabeth Scott, Howard Wial.* Multiplying Jobs: How Manufacturing Contributes to Employment Growth in Chicago and the Nation. Center for Urban Economic Development. Retrieved at: URL: http://cuppa.uic.edu/data/CUED_Manufacturing_Jobs_May2013.pdf. May 2013.
125. Financing SMEs and Entrepreneurs: An OECD Scoreboard. – OECD Publishing. – Paris, 2017.
126. Furman J., Porter M., Stern S. (2002) The Determinants of National Innovative Capacity. *Research Policy* 31(6): pp. 899-933 DOI: 10.1016/S0048-7333(01) 00152-4.
127. Global Value Chains: Investment and Trade for Development. – United Nations publication. – World Investment Report. – New York and Geneva. – 2013.
128. International Economics. URL: <http://www.tradeeconomics.com>.
129. International Monetary Fund (2018) Kyrgyz Republic. IMF Country Report No. 18/53.
130. International Republican Institute. Center for Insights in Survey Research (2017) Public Opinion Survey Residents of Kyrgyzstan. February 15 – March 2, 2017. URL: http://www.iri.org/sites/default/files/wysiwyg/kyrgyzstan_february-march_2017_-_public.pdf.
131. *Jerry Jasinowski.* The Magic Job Multiplier of Manufacturing. *Huffington Post*. Retrieved at: URL: <http://www.huffingtonpost.com>.

-
- com/jerry-jasinowski/jobs-multiplier_b_4002113.html. 2013.
132. *Kaminski B. and S. Mitra* (2011) Skeins of Silk: Borderless Bazaars and Border Trade in Central Asia. World Bank, 2011.
 133. *Keith D. Nosbusch, John A. Bernaden*. The Multiplier Effect: There Are More Manufacturing Related Jobs Than You Think. Manufacturing Executive. Retrieved at: URL: http://robohub.org/_uploads/Multiplier_Effect.pdf. March 2012/
 134. *Kim L.* Technology Transfer & Intellectual Property Rights. The Korean Experience - UNCTAD-ICTSD Project on IPRs and Sustainable Development // Intellectual Property Rights and Sustainable Development. – 2003. – June.
 135. *Kneller R.* Frontier technology, absorptive capacity and distance // Oxford Bulletin of Economics and Statistics. – 2005. – 67(1). – P. 1–23.
 136. *Kudaikulov, M.K.* (2021). Technological borrowing as the basis of state industrial policy / In A.V. Bogoviz, & Yu. V. Ragulina (Eds.), Industry Competitiveness: Digitalization, Management, and Integration (Vol.2). Cham, Switzerland: Springer.
 137. *Laruelle M.* (editor) (2018) China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia. The George Washington University, Washington, D.C.
 138. Li meets APEC Finance Ministers Meeting's delegations heads in Beijing. URL: <http://english.people.com.cn/n/2014/1021/c102839-8797994.html>
 139. *Manley D.* (2018) An Economic Evaluation of Gold Mining Tax Regimes in the Kyrgyz Republic. Natural Resource Governance Institute.
 140. *Maskus K.* Encouraging International Technology Transfer (V. 7). – Geneva: International Centre for Trade and Sustainable Development, 2004.
 141. McKinsey Global Institute // Manufacturing the future. The next era of global growth and innovation / McKinsey&Company. – 2012.

142. Ministry of Finance of the Kyrgyz Republic. URL: <http://www.minfin.kg/ru/>.
143. Ministry of Transport and Communications of the Kyrgyz Republic. Investment Projects Implementation Group. URL: <http://piumotc.kg/en/main/>.
144. *Mogilevskii R.* (2012) Re-Export Activities in Kyrgyzstan: Issues and Prospects. Working Paper No. 9. Institute of Public Policy and Administration, University of Central Asia.
145. *Mogilevskii, R., Abdrazakova, N., and S. Chalbasova* (2015) The Impact of Kumtor Gold Mine on the Economic and Social Development of the Kyrgyz Republic. Working Paper No. 32. Institute of Public Policy and Administration, University of Central Asia.
146. National Bank of the Kyrgyz Republic. URL: <http://www.nbkr.kg/index.jsp?lang=ENG>.
147. National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. URL: <http://www.stat.kg>.
148. NHK: Кабинет министров Японии 2 августа 2019 г. принял решение до конца этого месяца исключить Южную Корею из списка стран, в отношении которых соблюдаются упрощенные процедуры контроля над экспортом.
149. Policy Framework for Investment. – OECD Publishing. – Paris, 2015a, 2016, 2017.
150. *Polterovich V.* (2018) Weak Borrowing Policy. FREEECONOMY. RU,07, p.12.
151. *Pradhan J., Singh N.* Outward FDI and Knowledge Flows: A Study of the Indian Automotive Sector // International Journal of Institutions and Economies. – 2009. – 1(1). – P. 156–187.
152. President hails regional trade move. URL: http://www.china.org.cn/world/2014-11/11/content_34019514.htm
153. *Sklarew J.* How can China and India serve as models for developing nations striving to build absorption capacity for renewable

-
- energy technologies. – Renewable Energy. – L. & Pol'y Rev. – F. – 2011.
154. State Committee on Industry, Energy and Subsoils of the Kyrgyz Republic. URL: <http://www.gkpen.kg/>.
 155. The World Bank: Gross National Income per Capita 2020.
 156. Toktom legal information portal. URL: <https://online.toktom.kg/NewsDivision/Division/1?page=0&size=10>.
 157. Transfer of Technology. Document prepared by the Secretariat, Standing Committee on the Law of Patents, Fourteenth Session. – WIPO. – Geneva, January 25 to 29. – 2010. URL: http://www.wipo.int/edocs/mdocs/scp/en/scp_17/scp_14_4_rev_2.pdf. (дата обращения: 13.03.2020).
 158. *Vinokurov E., Lobyrev V., Tikhomirov A., and T. Tsukarev* (2018) Silk Road Transport Corridors: Assessment of Trans-EAEU Freight Traffic Growth Potential. EDB Centre for Integration Studies, Saint Petersburg.
 159. World Bank. World Development Indicators.
 160. World Investment Report. – UNCTAD. – Geneva. – 2007, 2015, 2018.
 161. *Yongchun Baek, Randall Jones and Michael Wise*. Product market competition and economic performance in Korea.
 162. *Zhao Shengnan, Zhao Yinan, Mo Jingxi* (China Daily). Pacts to boost economic cooperation. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2013-11/29/content_17139294.htm
 163. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/157190>
 164. URL: <http://www.gkpen.kg/index.php/press/news/500-k>
 165. URL: <https://unctad.org/en/Pages/CSTD/CSTD-and-COVID-19.asp> (дата обращения: 11.06.2020).
 166. URL: <https://www.cepal.org/en/pressreleases/contribution-science-technology-and-innovation-key-facing-challenges-health-industry> (дата обращения: 12.06.2020).
 167. URL: http://www.foreignpolicy.com/issue_marapr_2004/countrydetail.php?country=South%20Korea

UDC 330.342.17
LBC 65.9(2Ki)304
I 81

Edited by

M.K. Kudaikulov, Doctor of Economics Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Economic Theory,
Head Analytical Center for Economic and Demographic Research
Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin

Reviewers:

I.V. Manakhova, Doctor of Economics Sciences, prof., professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University,
G.D. Zhaparov, Doctor of Economics sciences, prof.,
head. Department of Finance and Finance control
of the Kyrgyz Economic University named after M. Ryskulbekov,
G.V. Kumskov, Doctor of Economics sciences, prof., head. Department of Economic Theory Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin

Recommended for publication by the Academic Council of KRSU

I 81 INDUSTRIAL POLICY UNDER CONDITIONS TECHNOLOGICAL RESTRICTIONS OF THE KYRGYZ REPUBLIC: The Monograph / Edited by Marat K. Kudaikulov. – Bishkek: Publishing house of KRSU, 2021. 268 p. DOI: 10.36979/978-9967-19-771-8-2021

ISBN 978-9967-19-771-8

The monograph, based on modern analytical and statistical material, discloses the fundamental elements of the technological concept of state industrial policy, as a result of research within the framework of the project «Adaptation of the theoretical and methodological foundations of effective industrialization to the economy of the Kyrgyz Republic» of the Development Program of KRSU for the period 2018–2020. The special role of the industrial sector in the effective economic development of economies with emerging markets is substantiated.

It is intended for students, undergraduates, graduate students and teachers of economic specialties, as well as employees of government agencies, business analytical centers and all readers interested in the prospects for economic development.

UDC 330.342.17
LBC 65.9(2Ki)304

ISBN 978-9967-19-771-8

©SEIHVE KRSU, 2021

TABLE OF CONTENTS

Foreword	7
Chapter 1. Theoretical foundations, social space and directions of new industrial development	13
1.1. The contours of the formation of a new reality	13
1.2. The main directions of the new NTP	26
1.3. Directions of industrial policy	33
Chapter 2. The role of government regulation in the implementation of international technology transfer	43
2.1. International technology exchange: necessity, methods, strategies	44
2.2. Channels of international technology transfer	48
2.3. The ability to absorb modern technologies is a key factor in the effectiveness of international technology transfer	58
Chapter 3. International experience of effective industrialization	68
3.1. Fundamentals of building the industrial sector in South Korea	68
3.2. The experience of the PRC in the implementation of effective industrial strategies	74
3.3. A reader of the industrialization process in Singapore.....	92
Chapter 4. Industrial policy of the EAEU	104
4.1 Formation of the foundations of the EAEU industrial policy	104
4.2 The state of industrial complexes of the EAEU member states	117

4.3 The main directions of industrial cooperation within the EAEU in the context of the emergence of the Fourth Industrial Revolution	128
4.4 Prospects for the influence of the EAEU policy on the industrial development of the Kyrgyz Republic	138
Chapter 5. Theoretical and regulatory framework for the industrial development of the Russian Federation	148
5.1 Industrial policy and policy of stimulating technological development in Russia	148
5.2 The logic of the development of the regulatory framework for industrialization.....	161
5.3 Common features and differences in the programs of Russian scientists to restore industry in Russia	169
5.4 Areas of using the scientific and regulatory experience of the Russian Federation for the Kyrgyz Republic.....	183
Chapter 6. Technological concept of the state industrial policy of the Kyrgyz Republic.....	189
6.1. Industrial base effective economic development	189
6.2. Rapid technological borrowing as the basis of state industrial policy	198
6.3. Fundamental elements of the state industrial policy of the Kyrgyz Republic	210
6.4. The system of technological modernization of the world economy	216
Conclusion	226
Literature	231
REVIEWERS	246
TABLE OF CONTENTS	247
CONCLUSION.....	249
LITERATURE (Transliteration).....	253

CONCLUSION

For the first time in domestic economic literature, the technological concept of state industrial policy is presented. The essence of this concept is to get access to advanced technologies, which, in turn, will serve as the basis for the emergence of new industries through adequate participation in the system of technological modernization of the world economy (STM), without getting hung up on the “eternal” list of priority sectors. manufacturing industry. Note that technologies that are at least advanced for the EAEU economic space are of interest.

The success of the planned implementation of the technological concept of state industrial policy is based on a thorough study of the mechanism of STM functioning. Active participants in STM are large companies with high indicators of elements of modernization potential – intellectual, technological and element of modernization initiatives. These are, as a rule, transnational corporations – world leaders, not only initiating fundamental scientific research, but also generating the development, production and commercial implementation of advanced technologies.

The social character of a corporation is formed by the fact that with its products it satisfies the demand and needs of a huge mass of the population ... The state cannot and should not ignore and ignore corporations of large-scale production, since they become its economic basis in solving all pressing problems, especially progressive strategic character arising in the development of modern society, such as the rise of science, education and health care, ensuring economic, food, energy and environmental security, the fight against terrorism, extremism, drug addiction and corruption.

In the capitalist economic system, the formation of corporations took place in a natural way – through the need to combine individual capitals into equity capital for the joint implementation of nationwide

projects (for example, the construction of railways, etc.). In the Soviet economic system, the emergence of large state-owned companies took place within the framework of socialist planning, which did not violate the global trends in the concentration of capital and the consolidation of production.

J. Galbraith noted: “The driving forces of the organization of large-scale production are characteristic not only of capitalism. ... Large organizations, wherever they exist, have the same driving forces. A large capitalist corporation and a large socialist combine have approximately the same organizational structure; they face the same technological difficulties; they make their demands and influence the society around them. ... In a broad sense, they are moving in one direction – not towards the inevitable power of the market, but towards the establishment of general requirements for technology and mass production ... “.

Of course, the implementation of the recommendations of international economic organizations on the transition to a market economy, especially in terms of demonopolization and downsizing of economic entities, greatly reduced the competitiveness of the modernization potential of companies in post-Soviet countries to participate in STM. A necessary condition for the implementation of the technological concept of state industrial policy is the process of consolidation of national companies in all sectors of the economy. If there is a need for direct government intervention in this process, special attention should be paid to the adequate formation of elements of the modernization potential of companies, which will serve as the basis for potential effective interaction with TNCs in developed countries.

In our opinion, the work carried out in 2019-2020 by the Department of Industrial Policy of the Eurasian Economic Commission (EEC) to create Eurasian supranational companies is significant for the technological concept of state industrial policy. The main planned advantages of the Eurasian companies should be:

- development of exports and creation of conditions for the strategic competitiveness of transnational companies of the EAEU in the markets of third countries;

- ensuring the deepening of cooperation and the development of mutual investments;
- ensuring priority support at the national level for industrial enterprises forming a Eurasian company;
- the opportunity for businesses to choose economic jurisdiction within the EAEU;
- the possibility of distributing centers of competence.

Of course, it would be logical to outline the main task facing the Eurasian supranational companies – active implementation and adequate work within the framework of STM functioning. The technological concept of state industrial policy substantiated in the monograph theoretically arms the EEC Industrial Policy Department to overcome the existing barrier in the form of “access to advanced technologies.” But the understanding of the specifics of this important point on the part of the EEC remains questionable.

This conclusion was reached by the results of two interactions between the authors of the monograph as participants in the project “Adaptation of the theoretical and methodological foundations of effective industrialization to the economy of the Kyrgyz Republic” of the Development Program of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin with the EEC:

- On June 28, 2019, within the framework of the International Scientific and Practical Conference “IV Kumskovs’ Readings” Prospects of Industrial Cooperation in the EAEU “, an on-line conference was held” On the implementation of the project “Eurasian Network of Industrial Cooperation, Subcontracting and Technology Transfer” with the EEC Industrial Policy Department;
- September 24, 2019 participation in the semifinals of the International competition of innovative projects “Eurasian digital platforms” of the “Mod Industry” project (ultramodern industry) – a platform-classifier of the modernization potential of enterprises of manufacturing industries

In neither the first nor the second case, the EEC representatives showed no interest in a detailed consideration of the presented system of fast technological borrowing. It must be admitted that such

a reaction (or rather its absence) on the part of the EEC Industrial Policy Department served as a serious reason for the adoption of final conclusions on the theoretical substantiation of the technological backwardness of the EAEU member states. In our opinion, the quintessence of technological lag is in ignoring the system of effective construction of elements of the modernization potential of large companies, and as a result, the lack of active and adequate participation in private labeling.

The absence of potential competition on the part of the EAEU states, based on an understanding of the inner essence of private label functioning, undoubtedly increases the likelihood of successful practical implementation of the technological concept of state industrial policy in the Kyrgyz Republic.

But this is not enough. An important and necessary condition is the provision of complete and reliable information on the planned implementation of the technological concept of state industrial policy for the formation of objective public opinion. Further, recognition of the mistakes of market transformation at the state level would allow the prevailing public opinion to act as the basis for the formation of industrial public consciousness.

The main thing is that we know the way. There is nowhere to retreat: until there are tangible results of economic development – an increase in the degree of satisfaction of the basic economic, social and political needs of all citizens of the country – all political transformations (2005, 2010, 2020) for the people of Kyrgyzstan will remain just another redistribution of assets between various groupings of those in power.

LITERATURE (TRANSLITERATION)

1. *Abdikeev N.M., Tyutyunnik I.G.* Normativno-pravovaya podderzhka stimulirovaniya delovoy aktivnosti v ramkah promyshlennoj politiki // *Ekonomika. Nalogi. Pravo.* – 2018. – № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovaya-podderzhka-stimulirovaniya-delovoy-aktivnosti-v-ramkah-promyshlennoj-politiki>
2. Aziya. *Ekonomika i zhizn'*. – 1997. – № 36. Sentyabr'.
3. Amerika Rossii podarila parohod... Sekrety stalinskoj industrializacii // *Sovershenno sekretno.* – 2012. – № 6. – S. 36.
4. Analiz kooperacionnyh postavok gosudarstv-chlenov Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza v celyah vyyavleniya potentsiala promyshlennoj kooperacii // *Sajt Evrazijskoj ekonomicheskoy komissii.* URL: <http://www.eurasiancommission.org>
5. *Andrusenko M.I., Kravchenko A.E.* Analiticheskij spravochnik. Polpred. – M.: Pik Viniti, 2004.
6. *Atambaev K.* Kak industrializirovat' Central'nuyu Aziyu? O vazhnosti promyshlennosti / AKIpress, razdel «Analitika». – 23.10.2017.
7. Bar'ery, iz'yatiya i ogranicheniya EAES // *Doklad.* – M., 2016.
8. *Belyaev S., Koshkin V.* URL: <http://gur@expert.ru>
9. *Belyanin A.V.* Richard Taler i povedencheskaya ekonomika: ot laboratornyh eksperimentov k praktike podtalkivaniya (Nobel'evskaya premiya po ekonomike 2017 goda) // *Voprosy ekonomiki.* – 2018. – № 1
10. *Bodrova E.V., Gusarova M.N., Kalinov V.V.* Evolyuciya gosudarstvennoj promyshlennoj politiki v SSSR i Rossijskoj Federacii. – M.: REGENS, 2013.
11. *Bodrunov S.D.* Gryadushchee. Novoe industrial'noe obshchestvo: perezagruzka: monografiya. Izd. 2-e, ispr. i dop. – SPb.: INIR im. S.YU. Vitte.

12. *Bodrunov S.D.* Kakaya industrializaciya nuzhna Rossii? // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. – 2015. – № 2. – S. 6–17.
13. *Bodrunov S.D.* Obshchaya teoriya noonomiki: uchebnik. – M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2019. – 504 s.
14. *Bulatova A.S.* Strany i regiony mira: ekonomiko-politicheskij spravochnik. – M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2006.
15. *Buhval'd Evgenij Moiseevich.* Zakon o promyshlennoj politike prinyat: a budet li promyshlennost' v Rossii? // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. – 2015. – № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakon-o-promyshlennoj-politike-prinyat-a-budet-li-promyshlennost-v-rossii>
16. V EAES sozdan Sovet po promyshlennoj politike. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/05/29/v-eaes-sozdan-sovet-po-promyshlennoj-politike>
17. Vsemirnyj bank [Elektronnyj resurs]. – 2008. URL: <http://www.worldbank.org> (data obrashcheniya: 11.11.2008).
18. *Gladkov I.* Realii i perspektivy «chuda na reke Han» // *Obozrevatel'*. – 1997.
19. *Glaz'ev S.Yu.* Nam nuzhna novaya industrializaciya // *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. – 2013. – № 2.
20. *Gnidchenko A., Mogilat A., Miheeva O., Sal'nikov V.* Transfer zarubezhnyh tekhnologij: ocenka zavisimosti rossijskoj ekonomiki ot importa vysokotekhnologichnyh tovarov // *Forsajt*. – 2016. – T. 10. – № 1. – S. 53–67.
21. Gelbrejt: vozvrashchenie: monografiya / pod red. S.D. Bodrunova. – M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2017. – 424 s.
22. Dannye EEK. URL: <http://www.eurasiancommission.org>
23. *Dezhina I.* Mezhdunarodnoe nauchnoe sotrudnichestvo: chto menyaet pandemiya? – 2020. – Maj. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnoe-nauchnoe-sotrudnichestvo-chto-menyaet-pandemiya/> (data obrashcheniya: 11.07.2020 g.).
24. *Denis Manturov.* Evolyuciya podhodov k gosudarstvennomu upravleniyu promyshlennost'yu s 1995 po 2015 gg. // *Ekonomich-*

-
- eskoe razvitie Rossii. – 2017. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-podhodov-k-gosudarstvennomu-upravleniyu-promyshlennostyu-v-period-s-1995-po-2015-gg>
25. Deyatel'nost' predpriyatij s inostrannymi investiciyami v KR (2014–2018): st. sb. – Bishkek: Nacstatkom KR, 2019. – S. 114.
 26. *Dzheffri Friden*. Politicheskaya ekonomiya ekonomicheskoy politiki // *Finansy i razvitie*. – 2020. – № 2. Iyun'. – Vypusk 57. – S. 4–9.
 27. Dogovor ot 29.05.2014 «Ob uchrezhdenii Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza». URL: <http://www.alta.ru/>
 28. *Dorzhiya V.* Sravnitel'nyj analiz promyshlennyh politik gosudarstv-chlenov EAES. URL: <http://eurasian-studies.org> (Sostavleno avtorom po dannym normativno-pravovyh dokumentov: Federal'nyj zakon RF № 488-FZ «O promyshlennoj politike v RF» ot 31.12.2014; Programma razvitiya promyshlennogo kompleksa RB do 2020 g.; koncepciya industrial'no-innovacionnogo razvitiya RK na 2020–2025 gg., Zakon RA «O promyshlennoj politike» ot 12.12.2014 g. № ZR-184; Proekt Strategii ustojchivogo razvitiya KR na 2018–2040 gg.).
 29. *Dorzhiya Valentina Vasil'evna*. Rossiya i Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: sravnitel'nyj analiz otraslevoj struktury ekonomiki i promyshlennoj politiki // *Vestnik evrazijskoj nauki*. – 2019. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-evrazijskiy-ekonomicheskij-soyuz-sravnitelnyy-analiz-otraslevoy-struktury-ekonomiki-i-promyshlennoy-politiki>
 30. *Dranev Ya., Kuznecov B., Kuzyk M., Pogrebnyak E., Simachyov Yu.* Opyt realizacii promyshlennoj politiki v Rossijskoj Federacii v 2000–2012 gg.: institucional'nye osobennosti, gruppy interesov, osnovnye uroki. M.: RANHiGS, 2014. Rezhim dostupa: <http://ssrn.com/abstract=2443928>
 31. *Drapkin I., Luk'yanov S., Bokova A.* Vliyanie pryamyh inostrannyh investicij na vnutrennie investicii v rossijskoj ekonomike // *Voprosy ekonomiki*. – 2020. – № 5. – S. 69–85.

32. EEK, Departament statistiki: dinamicheskie ryady po razdelam statistiki.
33. *Idrisov G.I.* Promyshlennaya politika Rossii v sovremennyh usloviyah / G. Idrisov. – M.: Izd-vo In-ta Gajdara, 2016. – 160 s.: il. – (Nauchnye trudy / In-t ekonomicheskoy politiki im. E.T. Gajdara; № 169P).
34. Investicii v Kyrgyzskoj Respublike (2015–2019): st. sb. – Bishkek: Nacstatkom KR, 2020. – 224 s.
35. Informaciya s oficial'nogo sajta EEK. URL: <http://www.eurasiancommission.org>
36. K voprosu o tak nazyvaemom «krizise» ekonomicheskoy nauki: materialy teoreticheskogo seminara IMEMO. – M., 2002.
37. *Kim San Von.* Bankovskaya sistema YUzhnoj Korei: sostoyanie i tendencii razvitiya // Den'gi i kredit. – 1996.
38. *Kondrat'ev N.D.* Bol'shie cikly // Sbornik izbrannyh sochinenij. – M., 1993.
39. Konceptciya regional'noj politiki Kyrgyzskoj Respubliki na period 2018–2022 gg. ot 31 marta 2017 g. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg>
40. *Korovin G.B.* Zakonodatel'noe regulirovanie razvitiya promyshlennosti v industrial'nyh regionah Rossii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo. – 2016. – № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnoe-regulirovanie-razvitiya-promyshlennosti-v-industrialnyh-regionah-rossii>
41. Korr. TASS Ivan Lebedev // VASHINGTON. 20 aprelya 2016 g.
42. *Krupyanko I.* Geopolitika Vostochnoj Azii segodnya i zavtra // Mezhdunarodnaya ekonomika. – 2006. – № 07. – S. 52–53.
43. *Kudajkulov M.K.* Konceptual'naya osnova gosudarstvennoj promyshlennoj politiki Kyrgyzskoj Respubliki / M.K. Kudajkulov, T.A. Asanov // Vestnik KRSU. – 2018. – T. 18. – № 11. – S. 49–52.
44. *Kudajkulov M.K.* Mekhanizm funkcionirovaniya sistemy tekhnologicheskikh modernizacij mirovoj ekonomiki // Vestnik KRSU. – 2016. – T. 16. – № 6. – S. 26–30.

-
45. *Kudajkulov M.K., Asanov T.A.* Konceptual'naya osnova gosudarstvennoj promyshlennoj politiki Kyrgyzskoj Respubliki // Vestnik KRSU. – 2018. – T. 18. – № 11. – S. 49–52.
 46. *Kudajkulov M.K., Asanov T.A.* Transnacional'nye korporacii kak vysshaya forma hozyajstvovaniya sovremennoj ekonomicheskoy sistemy // Vestnik KRSU. – 2014. – T. 14. – № 8. – S. 100–104.
 47. *Kuznecov B.V., Simachev YU.V.* Evolyuciya gosudarstvennoj promyshlennoj politiki v Rossii // ZHurnal Novoj ekonomicheskoy associacii. – 2014. – № 2 (22).
 48. *Kuz'mina E.M.* Ekonomicheskoe razvitie stran EAES i perspektivy ekonomicheskoy integracii do 2025 g. // Analiticheskaya zapiska / RSMD. – M., 2017.
 49. *Kumskov V.I.* Otrazhennaya ekonomika, ili ekonomika v denezhno-finansovom svete. – Bishkek: Ilim, 2005. – 116 s.
 50. *Kumskov V.I.* Rynoch'naya ekonomika – vech'naya ekonomika. – Bishkek: KRSU, 2008. – 176 s.
 51. *Kumskov V.I.* Social'nyj zaryad korporativno-rynochnoj ekonomiki. – Bishkek: NAN KR, 2012. – 152 s.
 52. *Kumskova N.H., Guseva V.I.* Ekonomicheskij rost v transformacionnoj ekonomike: monografiya. – Bishkek: Izd-vo KRSU, 2012.
 53. *Lenchuk E.B.* Formirovanie promyshlennoj politiki Rossii v kontekste zadach novoj industrializacii / E.B. Lenchuk // ZHurnal Novoj ekonomicheskoy associacii. – 2018. – № 3. – S. 138–145.
 54. *Li Kuan Yu.* Iz tret'ego mira v pervyj. Istoriya Singapura (1965–2000). – M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2014. – 576 s.
 55. *Li Kuan Yu.* Moj vzglyad na budushchee mira. – M.: ANF, 2017. – 446 s.
 56. *Lihachev V.* Mezhdunarodnyj transfer tekhnologij: osnovnye tendencii i pozicii Rossii // Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik. – 2017. – № 10. – С. 29–43.
 57. *Lomakin V.K.* Mirovaya ekonomika: uchebnik dlya vuzov. – M.: Finansy, Yuniti, 1998.
 58. *Lyn'kov A.* Konec chybol' // Ekspert. – 2003. – № 31.

59. *Matveeva V.M.* Proekt federal'nogo zakona «O promyshlennoj politike v Rossijskoj Federacii»: tendencii, problemy, effektivnost' // Vestn. Mosk. gos. obl. guman. in-ta. Seriya: Istoriya, filosofiya, politologiya, pravo. – 2014. – T. 1. – № 1-1 (1).
60. Materialy sajta Vsemirnogo banka. Migration data // Bilateral migration matrix. 2013 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data>.
61. Mezhppravsovet poruchil stranam EAES prinyat' mery po ustraneniyu bar'erov na vnutrennem rynke. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru>
62. Mirohozyajstvennyye układy v global'nom ekonomicheskom razvitií // Ekonomika i matematicheskie metody. – 2016. – № 2.
63. *Moskovskij A.I.* «Novoe industrial'noe obshchestvo» Gelbrejta i strategiya industrializacii Rossii. // «Gelbrejt: vozvrashchenie»: monografiya / pod red. S.D. Bodrunova.
64. Novyj SHELkovyj put' i ego znachenie dlya Rossii / pod red. V.E. Petrovskogo (otv. red.), A.G. Larina (sost.), E.I. Safronovoj. – M.: DeLi plyus, 2016.
65. O razvitií yuzhnokorejskoj ekonomiki // BIKI. – 2005. – № 40. – S. 1, 16.
66. Organizaciya sovместnogo ekonomicheskogo razvitiya [Elektronnyj resurs]. – 2008. – URL: <http://www.oecd.org> (data obrashcheniya: 11.11.2008).
67. Osnovnye napravleniya social'no-ekonomicheskoy politiki Pravitel'stva RF na dolgosrochnuyu perspektivu / CSR. – M.: Centr strategicheskikh razrabotok, 2000. URL: http://old.nasledie.ru/fin/6_13/6_13_1/kniga1/article.php?art=0
68. Oficial'nyj sayt Samsung Group v Rossii [Elektronnyj resurs]. – 2008. – URL: http://www.samsung.com/ua_ru/news/ (data obrashcheniya: 11.11.2008).
69. *Polterovich V.M.* Gipoteza ob innovacionnoj pauze i strategiya modernizacii // Voprosy ekonomiki. – 2009. – № 6. – S. 4–23.

-
70. *Porohovskij A.A.* Obrabatyvayushchaya promyshlennost': vyzovy i perspektivy v sovremennom mire // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. – 2018. – № 2.
 71. Posol Kyrgyzstana v KNR: vizit Predsedatelya KNR zalozhit osnovu dlya novyh dogovoryonnostej i novyh napravlenij vzaimodejstviya mezhdru dvumya stranami // *Kontimost*. – 2019. – № 7(19). Iyul'. – S. 19–20.
 72. Postanovlenie Pravitel'stva KR ot 27 sentyabrya 2019 goda № 502 «Ob utverzhdenii Strategii ustojchivogo razvitiya promyshlennosti Kyrgyzskoj Respubliki na 2019–2023 gody».
 73. Prikladnye rezul'taty teorii mirohozyajstvennyh ukladov // *Ekonomika i matematicheskie metody*. – 2016. – № 3.
 74. Promyshlennaya politika v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze: tri goda integracii // *Doklad*. – M., 2018.
 75. Promyshlennost' Kyrgyzskoj Respubliki. 2014–2018 gg. URL: <http://www.stat.kg>.
 76. *Rassadina A.* Rol' planirovaniya v modernizacionnom razvitii. Opyt respubliky Koreya // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 6. *Ekonomika*. – 2020. – № 1. – S. 197–214.
 77. Rezhim dostupa: <http://globstat.unctad.org/html/index.html> (data obrashcheniya: 11.11.2008).
 78. Rezhim dostupa: http://www.unctad.org/sections/dite_dir/docs/survey02_FDI.pdf. (data obrashcheniya: 11.11.2008).
 79. Respublika Koreya – ekonomicheskoe razvitie prodolzhaetsya // *BIKI*. – 2005. – № 106. – S. 4–5.
 80. Reshenie Mezhppravsoвета ot 8 sentyabrya 2015 g. № 9. S. 27. URL: <http://www.eurasiancommission.org> Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 14 avgusta 1996 g. № 1177.
 81. *Romanova O.A.* Prioritety promyshlennoj politiki Rossii v kontekste vyzovov Chetvertoj promyshlennoj revolyucii. CH. 2. // *Ekonomika regiona*. – 2018. – T. 14. – Vyp. 3.
 82. *Romanova O.A.* Formirovanie i razvitie vysokotekhnologichnogo sektora v usloviyah novoj industrializacii / O.A. Romanova // *Vestnik YUUrGU*. Seriya: *Ekonomika i menedzhment*. – 2016. – T. 10. – № 4.

83. *Romanova Ol'ga Aleksandrovna*. Usloviya i faktory strukturnoj modernizacii regional'noj promyshlennoj sistemy // *Ekonomika regiona*. – 2011. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-i-factory-strukturnoy-modernizatsii-regionalnoy-promyshlennoj-sistemy>
84. Rynok cennyh bumag. *Ekonomicheskij zhurnal*. – Bishkek. – 2002. – № 11.
85. Sajt posol'stva KNR v Rossii. Videnie i dejstvie, napravlennye na prodvizhenie sovместnogo stroitel'stva «*Ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti*» i «*Morskogo Shelkovogo puti XXI veka*». URL: <http://ru.china-embassy.org/chn/eyxxs/t1257322.htm> (data obrashcheniya: 23.04.2015).
86. *Saks Dzh., Larren F.* Makroekonomika: global'nyj podhod / Dzh. Saks, F. Larren. – M., 1996.
87. Svobodnaya internet-enciklopediya [Elektronnyj resurs]. – 2008. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Chebol'> (data obrashcheniya: 11.11.2008).
88. Si Czin'pin o neobhodimosti sovместnogo sozdaniya novoj obstanovki v sfere bezopasnosti i razvitiya Azii. Vystuplenie na pyatom sammite SVMDA // *Kontimost*. – 2019. – № 7(19). Iyul'. – S. 23.
89. Si Czin'pin prinyal uchastie v 19-m zasedanii SGG SHOS i vystupil s vazhnoj rech'yu // *Kontimost*. – 2019. – № 7(19). Iyul'. – S. 17.
90. *Sin Hyon Hvak*. Yuzhnaya Koreya: Nelyogkij put'k procvetaniyu // *Problemy Dal'nego Vostoka*. – 1990; *Suslina S.S.* Promyshlennost' Yuzhnoj Korei. – 1988.
91. *Statisticheskij ezhegodnik. 2019: st. sb.* – Bishkek: Nacstatkom KR, 2020. – S. 236–237.
92. *Strategiya ustojchivogo razvitiya promyshlennosti Kyrgyzskoj Respubliki na 2019–2023 gody (k postanovleniyu Pravitel'stva KR ot 27 sentyabrya 2019 goda № 502)*.
93. *Suharev O.S.* «Novye-starye» zadachi po upravleniyu promyshlennost'yu na sovremennom etape // *Uchet. Analiz. Audit*. – 2016. – № 3. – S. 7–23.

-
94. *Suharev O.S.* Ekonomicheskaya politika reindustrializacii Rossii: vozmozhnosti i ogranicheniya // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. – 2013. – № 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-politika-reindustrializatsii-rossii-vozmozhnosti-i-ogranicheniya>
 95. *Semyuel's U.Dzh.* Institucional'naya ekonomicheskaya teoriya // Panorama ekonomicheskoy mysli konca HKH stoletiya. – SPb., 2002.
 96. *Tatarkin Aleksandr Ivanovich, Romanova Ol'ga Aleksandrovna.* Promyshlennaya politika: genesis, regional'nye osobennosti i zakonodatel'noe obespechenie // Ekonomika regiona. – 2014. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/promyshlennaya-politika-genesis-regionalnye-osobennosti-i-zakonodatelnoe-obespechenie>
 97. Tekhnologii Chetvortoj promyshlennoj revolyucii / per. s angl. / Klaus SHvab, Nikolas Devis. – M.: Eksmo, 2018. – 320 s. – S. 37.
 98. Torgovo-ekonomicheskie dostizheniya SHOS privlekayut vnimanie mira // Kontimost, agentstvo Sin'hua. – 2019. – № 7(19). Iyul'. – S. 10–11.
 99. *Trigubenko M.E.* Konkurentosposobnost' ekonomiki Respubliki Koreya. – M., 2004.
 100. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 17 marta 1997 g. № 249 «O sovershenstvovanii struktury federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti».
 101. Fakty i cifry: ekonomicheskoe sotrudnichestvo Kitaya s Kyrgyzstanom i Tadjikistanom prinosit plodotvornye rezul'taty // Kontimost, agentstvo Sin'hua. – 2019. – № 7(19). Iyul'.
 102. Finansy predpriyatij Kyrgyzskoj Respubliki: 2014–2018. – Bishkek: Nacstatkom KR, 2019. Gelbrejt Dzh. K. Novoe industrial'noe obshchestvo. Izbrannoe. – M.: Eksmo, 2008. – 1200 s.

103. *Hejfec B.* Tekhnologicheskoe vozvyschenie Kitaya: novye vyzovy dlya Rossii // *Voprosy ekonomiki*. – 2020. – № 6. – S. 104–120.
104. *Hruckij V.E.* Yuzhnokorejskij paradoks // *Finansy i statistika*. – 1993.
105. *Hubiev K.* Neoindustrial'naya modernizaciya i al'ternativnye podhody k nej // *Ekonomist*. – 2013. – № 4.
106. *Hubiev K.A.* Novye tendencii torgovo-ekonomicheskogo perekhoda mira: vzaimodejstvie global'nogo i nacional'nogo. – M., 2017.
107. *Hubiev K.A.* O strukturnoj perestrojke rossijskoj ekonomiki na novej promyshlennoj osnove // *PSE*. – 2015. – № 3(55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukturnoy-perestroyke-rossiyskoj-ekonomiki-na-novoy-promyshlennoj-osnove>
108. *Czyao Czhin:* Cvety sotrudnichestva mezhdru Kitaem i Central'noj Aziej, nesommenno, budut cvesti eshche yarche // *Kontimost*. – 2019. – № 7(19). Iyul'.
109. *Chernousova M.E.* Konceptcii gosudarstvennoj promyshlennoj politiki Rossii (1991–2008 gg.) // *Vestnik TGU*. – 2009. – Vyp. 7(75).
110. Chzhen Chzho: Sin'czyanskaya «bezlyudnaya ekonomika» zavoevyvaet izvestnost', ispol'zuya novejschie tekhnologii // *Kontimost*. – 2018. Mart. – S. 45.
111. *Shakirov A.* Protivodejstvie SSHA narusheniyam prav intellektual'noj sobstvennosti na mezhdunarodnyh rynkah // *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk*. – 2012. – № 4.
112. Shanhajskaya akademiya mezhdunarodnyh issledovanij: Ekspertnyj doklad o razvitiu proekta EPSHP. – SHanhaj, 2015. Oktyabr'. – 88 s.
113. *Shvab K.* Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya / per. s angl. M., 2017.
114. *Shugurov M.V.* Rol' YUNKTAD v mezhdunarodnoj peredache tekhnologii i innovacionnom razvitiu v kontekste strategii ustoychivogo razvitiya

-
- jchivogo razvitiya // Mezhdunarodnoe pravo. – 2018. – № 3. – S. 62–76.
115. *Shumpeter J.* Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, socializm i demokratiya. – M.: Eksmo, 2008. – 864 s.
 116. *Yakovlev A.A.* Agenty modernizacii. – M.: Izd-vo GU VSHE, 2007.
 117. Asian Development Bank (2017) Unlocking the potential of railways: A railway strategy for CAREC, 2017–2030. Mandaluyong City, Philippines.
 118. *Bai Shi.* Free Trade for the Future. APEC leaders' Beijing meeting is expected to further propel regional economic integration. URL: http://www.bjreview.com.cn/print/txt/2014-10/31/content_648428_4.htm.
 119. *Coe D., Helpman E.* International R&D Spillovers // European Economic Review. – 1995. – № 39. – R. 859–887.
 120. *Cohen W., Levinthal D.* (1989) Innovation and learning: two faces of R&D. The Economic Journal 99(397): pp. 569-596 DOI: 10.2307/2233763.
 121. *Cohen W., Levinthal D.* (1990) Absorptive Capacity: A New Perspective on Learning and Innovation. Administrative Science Quarterly 35: pp. 128-152 DOI: 10.2307/2393553.
 122. *De Mello Jr.* Foreign direct investment in developing countries and growth: A selective survey // The Journal of Development Studies. – 1997. – 34(1). – P. 1–34.
 123. *Ejiwale, J.* Breaking Impediments to Technology Transfer through Foreign Trained Nationals // International Journal of Business, Humanities and Technology. – 2014. – 4(4).
 124. *Elizabeth Scott, Howard Wial.* Multiplying Jobs: How Manufacturing Contributes to Employment Growth in Chicago and the Nation. Center for Urban Economic Development. Retrieved at: URL: http://cuppa.uic.edu/data/CUED_Manufacturing_Jobs_May2013.pdf. May 2013.
 125. Financing SMEs and Entrepreneurs: An OECD Scoreboard. – OECD Publishing. – Paris, 2017.

126. *Furman J., Porter M., Stern S.* (2002) The Determinants of National Innovative Capacity. *Research Policy* 31(6): pp. 899-933 DOI: 10.1016/S0048-7333(01) 00152-4.
127. Global Value Chains: Investment and Trade for Development. – United Nations publication. – World Investment Report. – New York and Geneva. – 2013.
128. International Economics. URL: <http://www.tradeeconomics.com/>.
129. International Monetary Fund (2018) Kyrgyz Republic. IMF Country Report No. 18/53.
130. International Republican Institute. Center for Insights in Survey Research (2017) Public Opinion Survey Residents of Kyrgyzstan. February 15 – March 2, 2017. URL: http://www.iri.org/sites/default/files/wysiwyg/kyrgyzstan_february-march_2017_-_public.pdf.
131. *Jerry Jasinowski*. The Magic Job Multiplier of Manufacturing. Huffington Post. Retrieved at: URL: http://www.huffingtonpost.com/jerry-jasinowski/jobs-multiplier_b_4002113.html. 2013.
132. *Kaminski B. and S. Mitra* (2011) Skeins of Silk: Borderless Bazaars and Border Trade in Central Asia. World Bank, 2011.
133. *Keith D. Nosbusch, John A. Bernaden*. The Multiplier Effect: There Are More Manufacturing Related Jobs Than You Think. *Manufacturing Executive*. Retrieved at: URL: http://robohub.org/uploads/Multiplier_Effect.pdf. March 2012/
134. *Kim L.* Technology Transfer & Intellectual Property Rights. The Korean Experience – UNCTAD-ICTSD Project on IPRs and Sustainable Development // Intellectual Property Rights and Sustainable Development. – 2003. – June.
135. *Kneller R.* Frontier technology, absorptive capacity and distance // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. – 2005. – 67(1). – P. 1–23.
136. *Kudaikulov, M.K.* (2021). Technological borrowing as the basis of state industrial policy / In A.V. Bogoviz, & Yu. V. Ragulina (Eds.), *Industry Competitiveness: Digitalization, Management, and Integration* (Vol. 2). Cham, Switzerland: Springer.

-
137. *Laruelle M.* (editor) (2018) *China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia*. The George Washington University, Washington, D.C.
 138. Li meets APEC Finance Ministers Meeting's delegations heads in Beijing. URL: <http://english.people.com.cn/n/2014/1021/c102839-8797994.html>
 139. *Manley D.* (2018) *An Economic Evaluation of Gold Mining Tax Regimes in the Kyrgyz Republic*. Natural Resource Governance Institute.
 140. *Maskus K.* *Encouraging International Technology Transfer (V. 7)*. – Geneva: International Centre for Trade and Sustainable Development, 2004.
 141. McKinsey Global Institute // *Manufacturing the future. The next era of global growth and innovation / McKinsey&Company*. – 2012.
 142. Ministry of Finance of the Kyrgyz Republic. URL: <http://www.minfin.kg/ru/>.
 143. Ministry of Transport and Communications of the Kyrgyz Republic. Investment Projects Implementation Group. URL: <http://piumotc.kg/en/main/>.
 144. *Mogilevskii R.* (2012) *Re-Export Activities in Kyrgyzstan: Issues and Prospects*. Working Paper No. 9. Institute of Public Policy and Administration, University of Central Asia.
 145. *Mogilevskii, R., Abdrazakova, N., and S. Chalbasova* (2015) *The Impact of Kumtor Gold Mine on the Economic and Social Development of the Kyrgyz Republic*. Working Paper No. 32. Institute of Public Policy and Administration, University of Central Asia.
 146. National Bank of the Kyrgyz Republic. URL: <http://www.nbkr.kg/index.jsp?lang=ENG>.
 147. National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. URL: <http://www.stat.kg>.
 148. NHK: Kabinet ministrov YAponii 2 avgusta 2019 g. prinyal reshenie do konca etogo mesyaca isklyuchit' YUzhnyu Koreyu

- iz spiska stran, v otnoshenii kotoryh soblyudayutsya uproshchennye procedury kontrolya nad eksportom.
149. Policy Framework for Investment. – OECD Publishing. – Paris, 2015a, 2016, 2017.
 150. *Polterovich V.* (2018) Weak Borrowing Policy. FREEECONOMY. RU,07, p.12.
 151. *Pradhan J., Singh N.* Outward FDI and Knowledge Flows: A Study of the Indian Automotive Sector // International Journal of Institutions and Economies. – 2009. – 1(1). – P. 156–187.
 152. President hails regional trade move. URL: http://www.china.org.cn/world/2014-11/11/content_34019514.htm
 153. *Sklarew J.* How can China and India serve as models for developing nations striving to build absorption capacity for renewable energy technologies. – Renewable Energy. – L. & Pol'y Rev. – F. – 2011.
 154. State Committee on Industry, Energy and Subsoils of the Kyrgyz Republic. URL: <http://www.gkpen.kg/>.
 155. The World Bank: Gross National Income per Capita 2020.
 156. Toktom legal information portal. URL: <https://online.toktom.kg/NewsDivision/Division/1?page=0&size=10>.
 157. Transfer of Technology. Document prepared by the Secretariat, Standing Committee on the Law of Patents, Fourteenth Session. – WIPO. – Geneva, January 25 to 29. – 2010. URL: http://www.wipo.int/edocs/mdocs/scp/en/scp_17/scp_14_4_rev_2.pdf. (data obrashcheniya: 13.03.2020).
 158. *Vinokurov E., Lobyrev V., Tikhomirov A., and T. Tsukarev* (2018) Silk Road Transport Corridors: Assessment of Trans-EAEU Freight Traffic Growth Potential. EDB Centre foIntegration Studies, Saint Petersburg.
 159. World Bank. World Development Indicators.
 160. World Investment Report. – UNCTAD. – Geneva. – 2007, 2015, 2018.
 161. *Yongchun Baek, Randall Jones and Michael Wise.* Product market competition and economic performance in Korea.

-
162. *Zhao Shengnan, Zhao Yinan, Mo Jingxi* (China Daily). Pacts to boost economic cooperation. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2013-11/29/content_17139294.htm
 163. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/157190>
 164. URL: <http://www.gkpen.kg/index.php/press/news/500-k>
 165. URL: <https://unctad.org/en/Pages/CSTD/CSTD-and-COVID-19.asp> (data obrashcheniya: 11.06.2020).
 166. URL: <https://www.cepal.org/en/pressreleases/contribution-science-technology-and-innovation-key-facing-challenges-health-industry> (data obrashcheniya: 12.06.2020).
 167. URL: http://www.foreignpolicy.com/issue_marapr_2004/countrydetail.php?country=South%20Korea.

Под редакцией
М.К. Кудайкулова

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА
В УСЛОВИЯХ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Монография

Выпускающий редактор *О.А. Матвеева*
Компьютерная верстка *А.Ш. Мельниковой*

Подписано в печать 25.12.2020
Формат 60×84 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Объем 16,75 п. л. Тираж 200 экз. Заказ 44.

Издательство КРСУ
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии ИП Мельников К.А.
г. Бишкек, пер. Урючный, 13